

Надежда Духовная

Бугенвиллея

цвета

фуксии

Роман в два голоса

16+

Надежда Духовная

Бугенвиллея цвета фуксии

Бывшие одноклассники Таня и Славик разъезжаются после окончания учёбы по разным странам. Каждый из них теперь пытается строить карьеру и личные отношения. Казалось бы, у них нет больше шансов на общение и встречу, но всеильная судьба всегда оставляет в рукаве пару карт, чтобы вовремя выбросить их и сложить удачную партию. История о любви на расстоянии, художественном таланте и победе над трудностями судьбы глазами обоих главных героев.

Содержание

#1.....	.0004
Таня.....	.0005
Славик.....	.0014
Таня.....	.0018
Славик.....	.0024
Таня.....	.0026
Славик.....	.0031
Таня.....	.0037
Славик.....	.0040
Таня.....	.0042
Славик.....	.0048
Таня.....	.0055
Славик.....	.0058
Таня.....	.0063
Славик.....	.0066
Таня.....	.0067
Славик.....	.0071
Таня.....	.0072
Славик.....	.0089
Таня.....	.0093
Славик.....	.0150
Таня.....	.0155
Славик.....	.0160
Таня.....	.0162
Славик.....	.0164
Таня.....	.0168
Славик.....	.0173
Таня.....	.0179
Славик.....	.0187
Таня.....	.0190

Погибнет всё.
Сойдёт на нет.

И тот,
кто жизнью движет,
последний луч
над тьмой планет
из солнц последних выжжет.

И только
боль моя
острей -
стою,
огнем обвит,
на несгорающем костре
немыслимой любви.

Владимир Маяковский

***

Таня

Хайфа, Израиль, август 2009

Таня Кувченко и сама не знала, как могло так получиться, что её размеренная, распланированная жизнь рассыпалась на глазах, а всё, что она сама была способна сделать – только смотреть на это, широко раскрыв глаза от изумления.

Диплом худо-бедно, но писался. Уже был виден свет в конце туннеля её образования. Она переехала жить к Лёше ещё в прошлом году в сентябре, и всё выглядело довольно сносно в её глазах. Лёшина мама, приехавшая навестить сына, а заодно и познакомиться с Таней, сначала смотрела на неё как-то странно прищуриваясь и временами морщась. Но потом, кажется, смирилась с выбором своего блудного сына и даже обняла Таню на прощанье перед отъездом в Орёл.

Это была усталая, обременённая годами женщина, довольно высокая, с волосами неопределённого цвета. Лицо её часто принимало замкнутое выражение. Было видно, что жизнь не часто баловала её, и Таня не осуждала её за холодность и отчуждённость. Тем более, что видеться им приходилось очень редко.

Всё было довольно просто и понятно в её жизни, пока сегодня она не зашла в интернет и не увидела эту фотографию в Фейсбуке. Её бывший одноклассник Славик попался ей на глаза. На снимке он смотрел куда-то в сторону с задумчивым видом человека, который не замечает, что его фотографируют. Видимо, эта фотография была выложена давно, ведь на ней он был в тёплом белом свитере, а за окном сейчас было лето, хоть и последний его кусочек. Даже в Питере, где Славик сейчас жил, вряд ли кто-то оделся бы так тепло. Значит, эта фотография была там уже давно, просто Таня, занятая своей ещё не совсем привычной, как ей ещё самой казавшейся заграничной, жизнью и новыми знакомыми, не заметила среди новостной ленты друзей этот пост.

Конечно, в Израиле, где она теперь обитала, было намного жарче, чем в знаменитом городе на Неве, но не до такой же степени, чтобы поменять местами времена года. Всё-таки они жили в одном и том же полушарии.

Что-то шевельнулось у неё в душе, и нахлынули сами собой воспоминания. Она всегда любила свою школу, свой класс. Они были удивительно дружны. Костяк их класса перешёл в школу ещё из детского садика. В старшей школе в каждом классе был староста. У них на этот пост сразу же назначили Славика Марина.

Таня очень его уважала, считала его самым умным мальчиком в классе. И недаром, ведь Славик много лет был их бессменным старостой и круглым отличником по всем предметам. Учился он всегда легко, участвовал во всех олимпиадах и постановках. И, что удивительно, при этом никогда не давил своим авторитетом, не всегда был самым заметным на вечеринках и днях рождения. Он просто был всегда самим собой – иногда молчаливым и задумчивым, иногда рассказывающим какую-то шутку и заразительно смеющимся вместе со всеми, но не вылезая вперед и не рассчитывая на всеобщее повышенное внимание. Это был ничем особо не приметный мальчик с тёмными, практически чёрными волосами, и умными тёмными глазами. Он сильно вытянулся с возрастом, но черты его лица не очень поменялись.

Примечательно, что он никогда не участвовал в романах, которые стали возникать у них в классе с определённого возраста и время от времени затрагивали и Таню, но как-то обходили Славика стороной. Ни у одной парочки из их класса не создалось серьёзных отношений, которые пережили бы их школьную жизнь. Славик всегда стоял особняком, и никому не приходило в голову, что он тоже может встречаться с кем-то из их или параллельного класса. Все эти перешёптывания о встречающихся, мелькающих иногда на их совместных вечеринках, и первые влюблённости, распадавшиеся, не выдержав испытаний долгих летних каникул, никогда не делали главным героем их старости. Кажется, никому вообще и в голову не приходило, что их Славик тоже может влюбиться и закидывать снегом свою очередную зазницу на школьном дворе зимой или приносить ей жвачки на переменках и помогать нести портфель после школы, когда завистливые взгляды никем не избранных одноклассников провожают таких счастливиц до ворот школы.

Таня со Славиком вместе сидели когда-то за одной партой, куда их посадила прямо перед собой их классная руководительница Анна Михайловна. Таня чувствовала, что она любила их чуть больше других учеников. И поэтому, например, именно Таня со Славиком читали по ролям письма Онегина и Татьяны. Анна Михайловна преподавала русский язык и литературу. Пожалуй, она была самой любимой Таниной учительницей и классной руководительницей, в то время как предыдущие сменялись почти каждый год.

Честно говоря, Таня тогда надеялась сесть вместе с Артёмом, по которому, правда, тайно вздыхала не только она, но и другие девочки, которых было больше, чем мальчиков в их классе. Артём, как внешне, так и по характеру, был полной противоположностью высокого спокойного Славика. Он был плотным мальчиком среднего роста, в очках, и постоянно рассказывал всякие интересные истории с неожиданным концом. Схожи они были лишь тем, что, как и у Славика, у Артёма тоже были тёмные волосы и карие, живые глаза. Артём танцевал в местном кружке бальных танцев, куда как-то пришла и Таня, надеясь на общение с ним вне школьных стен, и очень удивилась, обнаружив там и других своих одноклассниц.

Вместе со Славиком Таня просидела недолго. Как-то проводя педагогический эксперимент, которыми славилась, Анна Михайловна предложила недавно пересаженным на новые места ученикам, по желанию вернуться за их прежние парты. Таня, недолго думая, села обратно на место, которое занимала до "великого переселения народов". Дело в том, что это место находилось сразу же за Артёмом, и сидя там, она слышала все его шутки, видела его улыбающееся лицо, каждый раз, когда он оборачивался. Иногда она делала вид, что занята, и низко склонялась над тетрадкой.

Ей казалось, что Артём догадывается об её отношении к нему, и эта мысль беспокоила её. Она всматривалась в это беззаботное лицо и мучительно кусала губы. Пару раз Артём даже спросил её, над чем она так напряжённо размышляет, и Тане пришлось выдумывать какую-то отговорку.

Они жили в Ташкенте, учились в русской школе, которых становилось со временем всё меньше. Люди уезжали постоянно. Греки возвращались в Грецию, корейцы – в Корею. И все эти народы, поколениями жившие вместе, вдруг разъезжались кто куда, рискуя оказаться иммигрантами и чужаками на своей исторической родине.

"Настоящий исход из Египта!", как говорила их учительница иврита. Да, в какой-то момент Танина семья тоже решила "прикоснуться к корням", как назвал это папа, Владимир Леонидович. Сам папа был русским, но с маминой стороны бабушка Роза была еврейкой. Таким образом, Таня оказалась на четверть еврейкой, но зато "с правильной стороны", как продолжал шутить папа. Он воспринимал эти перемены довольно легко. Они с мамой вообще считали, что пережив полуголодные времена Советского Союза, а потом и его распад, смогут приспособиться к любым условиям, особенно ради детей.

Танин младший брат Антоша в общей кутерьме отъезда участвовал мало. Он заканчивал среднюю школу и музыкальную, играл на скрипке, фортепиано, гитаре. И продолжал жить в своем мире самого младшего в семье, о котором все всегда позаботятся, и поэтому беспокойства считал лишней тратой времени.

Таня очень любила разнообразие родного города. Её никуда не тянуло, но друзья со двора и приятели в школе уезжали, переезжали, исчезали постепенно из её жизни. Настал день, когда и Анна Михайловна позвала их – горстку оставшихся "стареньких" к себе домой попрощаться. Она тоже уезжала, в Россию.

После той встречи Таня вернулась домой задумчивая. Она не знала, что её ждет. С одной стороны, Анна Михайловна посеяла в душе Тани сомнения, когда после вкусного ужина и разговоров-воспоминаний, перешла с ними на серьезный тон. Возникло обсуждение "за" и "против" отъездов. Анна Михайловна, как всегда, была мудра и терпелива. Она просто объяснила им то, что уже витало в воздухе и становилось понятным без слов – скоро их прежней жизни не будет, как не будет людей, составлявших эту жизнь.

Время покажет, что все они разъедутся по разным городам и странам и будут жить, изредка давая о себе знать в ставших модными социальных сетях и нечастых встречах на бывшей общей или любой другой нейтральной территории. С другой стороны, ещё сильнее захотелось Тане остаться с теми, кто останется, продолжать жить так, как раньше и не задумываться о будущем слишком уж всерьёз. Узбекский язык можно выучить, культура этой страны ей знакома, ведь она выросла в ней. Сомнения снедали и заставляли размышлять на темы, которые возникали непрошенными в Таниной голове.

Таня глубоко вздохнула. Оказывается, как давно это было! А ведь её никогда не покидало ощущение, что школа закончилась совсем недавно. Таня поддерживала общение со всеми или почти со всеми своими одноклассниками, по крайней мере с теми из них, кто был ближе ей со времён школы. И Славик был первым, кто нашёл её в сети и добавил в друзья. Они переписывались время от времени, поздравляли друг друга с праздниками и днями рождения, обсуждали новости общих знакомых.

Это было здорово. Такое общение дарило ощущение близости и возможность не теряться. Ведь каждый из них теперь попал в незнакомую страну и скучал по прежней жизни. Как хорошо, что можно было вспоминать о ней время от времени и жить с осознанием того, что ты не один такой. Есть ещё на земле человек, хорошо знакомый тебе, попавший в такую же ситуацию.

Так что же шевельнулось в её душе при взгляде на эту фотографию? Таня не сразу это поняла. Наверное, всё дело было в том, что Славик был снят с того самого угла, с которого она привыкла видеть его, сидя вместе за партой.

В классе они сидели в крайнем левом ряду. Она – ближе к проходу, а он – ближе к окну, слева от Тани. Доска висела справа, и для того, чтобы посмотреть на Славика, ей нужно было повернуть голову влево. Так он и был сфотографирован – сидящим и смотрящим на что-то справа от него, как будто читал с доски какое-то задание.

Таня вспомнила, что по пальцам можно было пересчитать разы, когда она что-то спрашивала у Славика. Он всегда казался ей таким умным, таким сообразительным, что она стеснялась показаться не такой умной и сообразительной, как он.

Вообще она не очень понимала тогда, как он к ней относился. Он всегда был очень хорошим, внимательным другом. "Мал золотник да дорог!" – как-то услышала она от него на уроке. И ей смутно показалось, что это имеет отношение к ней самой. "Наверно, он так утешает меня за то, что я невысокого роста" – подумалось ей тогда.

Но что же скрывалось за его добрым внимательным взглядом? За его желанием помочь, когда они оставались дежурными и должны были вместе убираться в классе? За его внезапным молчанием посреди разговора?

Славикина мама подошла к Тане поговорить после той истории с пересаживаниями. Пытаясь поймать Танин виноватый взгляд, она прямо спросила, почему же та отсела от Славика. Таня не нашлась, что ответить тогда.

А теперь она задумалась. И правда, почему? Артём сидел от неё справа на одну парту назад, так было даже удобнее – можно было бы в любое время обернуться и посмотреть на него.

Щелкнул замок входной двери, и Таня поспешно закрыла крышку ноутбука. Это был даже не ноутбук, а маленький нетбук, который она купила, когда нужно было проводить эксперименты для дипломной работы. Он был чёрный, практически плоский и захлопывался матовой чёрной крышкой.

Лёша вернулся домой. Быстрым размашистым шагом он сразу же прошёл в салон, где сидела Таня. Лёша всегда так ходил. Он вообще не любил терять времени даром. Он вошёл, и как-то сразу стало напряженно, пусто и в то же время одиноко. Как будто все Танины мысли разбежались по углам и вжались в стенки комнаты.

Вообще у них было три комнаты в этой съёмной квартире. И Таня хотела бы, чтобы это были отдельные зоны для каждого: одна комната для неё, другая для Лёши, а третья – общая, салон. Но он сразу же стал возмущаться, что они будут спать отдельно, и пришлось согласиться на другое деление жизненного пространства – кабинет, совместную спальню и салон. И было это не очень удобно, потому что для того, чтобы поговорить в скайпе, приходилось вставать и уходить в салон. Книжку на ночь в кровати тоже нельзя было почитать – Лёше мешал свет.

Таня и сейчас сидела в салоне на диване с ноутбуком. Захлопнула крышку и так и осталась сидеть. Потом она всё же поспешно встала и осталась стоять на расстоянии в полшага до Лёши. Потом опустилась обратно на диван.

Почему-то при каждом Лёшином появлении ей казалось, что она должна бросать все свои дела и заниматься им. Пришел с работы – греть обед, проснулся – накрывать на стол завтракать. Вроде ведь так это всё и должно быть, но было какое-то неестественное напряжение в этих поспешных действиях, которые её саму раздражали и не добавляли теплоты в их отношения.

Но сегодня всё было по-другому. Та внезапно появившаяся мысль не давала Тане покоя. "А что если?.." – думала она. Что было бы с ней, если бы она не уехала так поспешно из родного города? Что бы произошло, встретиться она напоследок со своими одноклассниками? Некоторых она и правда встречала случайно перед отъездом. Некоторых, но не всех. Со Славиком, правда, она общалась чуть дольше и, конечно, с Женей – своей школьной подругой. С ними она виделась вплоть до самого отъезда. Правда, Славику она позвонила где-то за неделю. Он предложил прийти помочь с вещами, но ей было неудобно. Она отказалась, и что-то недосказанное повисло тогда в воздухе. Может, именно с таким задумчивым выражением, как на той фотографии, Славик сидел в тот день дома?

Лёша тоже уловил на её лице оживление, которое породили эти новые мысли. Он сразу же заметил, что этим вечером Танино внимание не полностью уделяется ему. А так не должно было быть.

– И что ты всё прыгаешь сегодня? – поморщившись поинтересовался он.

И добавил:

– А я вот принёс тебе кое-что.

«Принёс кое-что» – это наверняка заслуживало внимания. Лёша редко что-то дарил Тане без повода. Он и так считал, что содержит её. Правда, это было не совсем верно. Таня хотела устроиться на работу в переводческую контору, когда поняла, что учёба подходит к концу.

Вместе с Лёшей они приехали на встречу с директором. Как помнится Тане, на ней тогда была белая юбка до колен и розовая блузка без рукавов – приближалось лето. Таня все равно захватила с собой лёгкий прозрачный шарф с бабочками на случай если будет прохладно в офисе. Она уже знала, что местный народ обожает холод и включает кондиционер ещё до наступления лета на низкую температуру.

Шарф не пригодился. В помещении было тепло. Директор встретил их на пороге своего кабинета и протянул Лёше руку. Лёша был серьёзен. Лицо его было, как всегда, непроницаемо.

– Минимальная зарплата, говорите? – усмехнулся он краешком рта, и Таня забеспокоилась.

Она уже рассказала директору, что знает русский, английский, подтягивает иврит, со словарём переводит с испанского и французского, и может даже помочь с переводом документов с узбекского языка. Она пока не может работать на полную ставку, так как ей осталось ещё доучиться, но будет приходить на полных четыре дня. Она может предложить свои услуги корректора русского языка. Её особенно интересовали переводы художественной литературы – ведь это всё равно что написать заново книжку, заранее зная сюжет!

Директор взглянул на Лёшу с любопытством:

– Видите ли, Татьяна, конечно, обладает обширными знаниями языков, но у неё пока нет опыта в переводческой сфере, – начал он.

– Большое спасибо, – кратко ответил Лёша и встал.

Таня тоже встала, сама не зная зачем, и схватила свой шарф. В мыслях она уже представляла, как будет приходить сюда по утрам пешком – контора находилась в четверти часа ходьбы от дома.

Они вышли на улицу. Таня всё ещё крутила в руках свой шарф. Разноцветные бабочки – синяя, зелёная, оранжевая – мелькали перед ней.

– Я не позволю, чтобы ты получала минимальную зарплату! – глухо сказал Лёша, не глядя на неё.

Таня едва поспежала за ним – так поспешно он удалялся от неё.

– Но мне совсем не нужно много денег, ведь ты так хорошо зарабатываешь, – говорила она. – И потом, это же только для начала.

– Не важно, ты найдешь работу получше.

Таня сомневалась в этом судя по количеству объявлений, хоть как-то связанных с её специальностью. Она вздыхала каждый раз, просматривая коротенькую ленту объявлений о трудоустройстве в Хайфе. В центре было намного больше предложений. И ей ближе было бы ездить в университет. Но Лёша был непреклонен. Он не намеревался тратить на дорогу от дома до работы больше чем полчаса. А работал он как раз в Хайфе.

Прямо на въезде в город, у железнодорожной станции Хоф а-Кармель расположился целый городок хайтека Матам со зданиями самых знаменитых компаний мира, таких как Интел и Майкрософт, не считая большого количества местных фирм. Лёша был программистом. Место, где он работал, было, конечно, не так знаменито, как мировые гиганты, расположившиеся по соседству, но зарплата и условия работы были на хорошем уровне.

Итак, намерение начать работать так и осталось не осуществлённым. При этом Таня догадывалась, что Лёша не одобряет того факта, что у неё нет стабильного дохода. Она подрабатывала случайными переводами и частными уроками, но это было не то. Ей хотелось быть более самостоятельной и самодостаточной.

Она приобретала одежду по скидкам, не позволяла себе покупать еду на улице, а вместо этого возила с собой бутерброды в университет. Лёша же одевался в хороших магазинах качественной одежды и не отказывал себе ни в чём. Вот и сейчас, как только вошёл, он поставил на стол коробку с новеньким ноутбуком.

– Сама не знаю, всякие мысли приходят мне в голову, – медленно проговорила Таня, отводя взгляд от этой коробки.

– Какие же например?

– Да ерунда, наверно.

Таня решила, что сейчас не время для таких разговоров. Тем более, что сама ещё во всём не разобралась. Какие-то новые чувства волной охватывали её. Новые и в то же время неуловимо знакомые, как будто она вспоминала что-то, и эти чувства возвращались к ней исподволь, следуя за старыми воспоминаниями. Так как при этих словах Лёша вопросительно посмотрел на неё, Таня все же решилась открыться и сказала:

– Думаю, как могла бы пойти моя жизнь, если бы обстоятельства сложились по-другому.

– Какие обстоятельства? Не так-то просто поменять свою судьбу.

Он опёрся спиной о косяк и сложил руки, готовясь, кажется, выслушать её. Может, этот разговор и правда был ему интересен? Лёша посмотрел на неё как-то странно, как будто только что задумался о её словах всерьёз, и сказал:

– Ты же не можешь быть кем-то ещё.

– Это я понимаю, дело не в этом. Наоборот, я хочу быть собой.

– Какой? Маленькой и некрасивой? – он криво улыбнулся при этих словах и покачал головой.

Эта его фраза сразу же остановила все её мысли, и Таня застыла глядя на него.

– Так вот как, значит, ты обо мне думаешь?

– Не обижайся, Таня. Ведь не всем красавицами быть! Это было бы даже неинтересно. К тому же, ведь именно такой ты мне и нравишься!

– Маленькой и некрасивой? – медленно повторила Таня.

Казалось, она не могла поверить в то, что правильно услышала и поняла его слова.

– Ну, не в этом счастье! – сказал Лёша поспешно, видимо, начиная понимать по Таниному лицу, что, возможно, сказал что-то не то.

Вдруг может так случиться, что в этот раз ему не сойдут просто так с рук его колкости.

– Да я вот сам... – неуверенно начал он.

– Да, верно, и ты не Аполлон!

Так начинался этот разговор, который позже перерос в ссору. И хотя Лёша приходил потом мириться, он не мог уже ничего изменить. Даже купленный ноутбук не повлиял на ситуацию. Изначально Лёша хотел взять новый компьютер себе, а старый отдать Тане, но сейчас он был готов довольствоваться своим старым, а новый предложить ей. Она же всё равно откажется! Она знает, что ему компьютер нужней. Зато это будет хороший повод помириться.

Но Таня никак не отреагировала на предложение, которое раньше оценила бы по достоинству. Она сидела в тёмном салоне с ногами на диване и думала, даже уже и не о Лёше, а о чём-то более важном. Или о ком-то?

Как всегда, внезапно стемнело, как будто нажали на кнопку и выключили свет. В Израиле вообще не бывает сумерек. И это волшебное время дня, которое так любила Таня, когда жила в Ташкенте, теперь отсутствовало в её жизни.

Она вспомнила, как там должно было быть сейчас. Летом до наступления темноты свет постепенно становился мягким, растушёвывая контуры предметов и силуэты людей. Начинала спадать жара. Можно было выйти на улицу и сидеть долго, никуда не торопясь.

Весной же в сумерки воздух приобретал невообразимый, розовый свет, и всё было освещено этим светом, как будто голубой купол неба меняли на розовый абажур. Этот воздух пах сиренью, вишней, акацией. Идёшь вдоль дворов – и всё цветёт. Лепестки опадают и стелются вдоль дороги белым ковром с самыми разнообразными оттенками – жёлтым с персиковых деревьев, розовым – с вишнёвых.

Зимой сумерки приобретали синий морозный цвет. Он сгущался, и рано темнело. На улицах зажигались фонари, и когда начинал идти снег, то город превращался в настоящую зимнюю сказку. Снег оседал на лапах елей и покрывал всё вокруг пушистыми белыми шапками.

Осенью свет сумерек казался золотистым от рассыпанной повсюду опавшей листвы. Малыши собирали из листьев букеты, подбирая красные, оранжевые и жёлтые цвета.

Таня вздохнула и ушла на кухню. Лёше в этот вечер пришлось остаться без её привычного внимания. Невидимый механизм судьбы был запущен. Неведомая, новая жизнь закрутила ими, расставляя всё по своим местам.

В тот вечер перед сном Таня непривычно долго смотрелась в зеркало. И

правда, какая она? Никогда ещё эта мысль так не волновала её. Она видела своё лицо с задумчивыми глазами. Мама всегда говорила, что у неё с самого детства были эти не по возрасту пытливые глаза. Конечно, не красавица. Однако, и Лёша мог бы показаться кому-то несимпатичным и нелюдимым.

Уже даже когда они близко общались, она часто ловила на себе его холодный, незнакомый взгляд. Особенно часто она натыкалась на него, когда чувствовала, что он смотрит ей в спину, и действительно, оборачиваясь, находила Лёшу, смотрящим на неё исподлобья в упор, как будто он что-то взвешивал в уме.

Но в хорошей компании друзей он оживлялся и становился совсем другим. Таким он ей и понравился. Она вспомнила, как впервые поймала себя на мысли, что он интересен ей, именно когда он что-то энергично рассказывал.

Но любила ли она его? И что значит, любить? Когда-то услышав выражение, что отношения – это работа, она поверила в то, что всю себя без остатка нужно отдавать тому другому, кто вошёл в твою жизнь. Так и начинались эти отношения с Лёшей – трудные, полные эмоций и напряжения. Женя же, Таняна школьная подруга, вышедшая замуж сразу же после техникума, когда они с ней обсуждали этот вопрос, безапелляционно утверждала, что в браке должно быть удобно.

Много новых, непривычных мыслей роилось у Тани в голове в тот день. Ей было о чём подумать.

На следующее утро, дождавшись, когда Лёша ушел на работу, Таня собрала вещи и переехала к Лизе.

Лёша приходил вечером и пытался с ней поговорить, вернее, пытался убедить Лизу позвать Таню. Но та не показывалась. Она как бы отгородилась от своей недавней жизни плотным кольцом Лизиной заботы.

Лиза Гольц была с Таней и Лёшей на программе изучения языка. Она приехала в страну без родителей. Но это не мешало ей успешно адаптироваться и помогать в этом Тане. Может, сказывалась разница в возрасте – Лиза была старше на пять лет – но что-то снисходительно-милое было в том, как Лиза на неё смотрела. Так старшая сестра пытается понять и принять поступки своей младшей сестры, оставленной на её попечение родителями.

И теперь Лиза, ни слова не сказав, помогла Тане перебраться к себе. И хоть в Лизиной съёмной квартире было всего две комнаты, Таня устроилась в салоне, а немногочисленные Танины одёжки перекочевали из сумок и пакетов в Лизин выдавший виды шкаф. Они вместе перебирали эти вещи, и Лиза была внимательна и заботлива, как никогда.

Даже Ленни не особо возражал против Таниного переезда, хотя никогда не отличался особым гостеприимством. Ленни был Лизиным рыжим котом, и они обе – Таня и Лиза – сходились во мнении, что никакой другой кот не мог сравниться с Ленни рыжестью и замечательностью. Он умел дать почувствовать свою значимость, гордо возлегая на Лизиних коленях, прищурившись и изредка взглядывая на гостей светлыми, почти серыми глазами с зеленцой.

Вот и теперь, когда суматоха переезда была позади, Таня с Лизой устроились на Лизиной кухоньке, чтобы Таня могла за чашкой чая объяснить всё наконец-то и рассказать в подробностях о ссоре.

– Так и сказал, что ты маленькая и некрасивая? – не веря своим ушам и

поднимая вопросительно брови, повторила Лиза, одной рукой глядя рыжую шёрстку Ленни, а другой ставя чашку чая на стол.

Таня подозревала, что Лёша никогда не пользовался авторитетом у Лизы, хотя та ни разу не сказала ни слова, слушая Танины рассказы об их отношениях. Она только иногда поднимала брови, как бы удивляясь чему-то, как, например, тому рассказу о том, как Таня с Лёшей были в магазине и уже стояли на кассе, как новенькая рыжая кассирша стала улыбаться Лёше, проводя шоколад, и он вдруг предложил купить и ей плитку.

Несколько раз потом попадая в этот магазин без Лёши, Таня встречала эту кассиршу, и беспокойная мысль заставляла её останавливаться и наблюдать за этой девушкой, как будто бы её поведение о чём-то могло рассказать. Таня гнала от себя мысль о возможной измене, тем более что Лёша всегда сам заявлял, что никогда не пользовался успехом у дам. При этом он невесело усмехался.

Вне зависимости от того, последовало ли за этим какое-либо продолжение или нет, что было абсолютно неизвестно Тане, это была очень неприятная история, и вспоминая её, Тане казалось, что уже тогда не всё ладно было в их отношениях. Тот случай скоро забылся, но Таня никогда не забудет, как Лиза смотрела и поднимала брови, видимо, создав обо всём своё собственное мнение.

А вечером следующего после переезда дня они пошли гулять. Ленни недовольно наблюдал, как Лиза натягивает джинсы, и понял, что этот вечер она проведёт не с ним. Он ещё попытался бороться с судьбой – в отчаянии прыгнул на Лизину футболку. Но Лиза посмотрела на него с укоризной – "Тане нужно помогать, она наша гостья, и ей сейчас тяжело", – означал этот взгляд. Пришлось смириться. Ленни ещё немного постучал хвостом по покрывалу кровати, выражая неодобрение, и гордо удалился на балкон.

Море сегодня было шумное. Волны бились о берег и норовили намочить кроссовки. Народу попадалось очень мало по пути. Таня с Лизой тихонько брели вдоль берега. Многое произошло за эти дни, и произошло неожиданно, быстро, как будто кто-то торопливо перевернул страницу книги, которую они вместе читали. Теперь приходилось спешно вспоминать недавние события, чтобы осознать, что же именно произошло, и что несут с собой эти перемены.

– Ты что же, и разговаривать с ним больше не будешь? – наконец спросила Лиза.

Она повернула голову к Тане, и ветер, отбрасывающий её волосы назад, теперь спешно перекинул их прямо на лицо. Лизе пришлось заложить пряди за уши.

– Почему же, поговорить надо, – нехотя ответила Таня, беря её под руку и глядя вверх на вечернее серое небо. – Мы взрослые люди, вполне можем всё обсудить. Только это ничего не изменит. У нас слишком разные представления о жизни вообще и об отношениях в частности.

Таня понимала, что Лиза жила совсем другой жизнью – более спокойной и размеренной. Иногда их ритмы не совпадали, но были моменты, как этот, например, когда они шли вместе рука об руку, понимая друг друга без слов.

Славик

Санкт-Петербург, Россия, август 2009

Славик задумчиво сидел за компьютером, пролистывая новостной портал, а затем и ленту друзей в Фейсбуке. Таня мелькнула сбоку в ленте среди друзей на сайте. Странно, что он ещё обращает на это внимание. Наверно, потому что он редко видел её там в последнее время. Он был очень занят. Он только что поступил на неполную ставку в очень интересное место. Там нужен маркетолог на студенческую должность для помощника начальника отдела по рекламе и его команды. Работа была очень интересная. Славик сразу же окунулся в новую обстановку. Это было здорово. В универе оставалось только написать диплом. Он закончил университет экономики ещё в Ташкенте. И в Питере доделывал уже вторую степень, специалиста, как это называлось здесь.

Они переехали в Питер два года тому назад. Папа с мамой всегда хотели вернуться в Россию, откуда оба были родом. Славик тоже понимал, что его будущее там. Все уезжали из Ташкента. Даже его друзья-узбеки стремились на заработки в Казахстан, Россию, Дубай.

Много одноклассников и знакомых по универу в Ташкенте осело в Москве. Славик уже пару раз ездил туда и останавливался у Артёма, который уехал одним из первых сразу же после окончания школы. У них собиралась неплохая компания. В Подмосковье жила и Анна Михайловна – их классная руководительница в старших классах. Поэтому каждая поездка в Москву была интересным событием, когда можно было увидеть столько знакомых с детства лиц, со всеми побеседовать и ощутить принадлежность к этому братству уехавших оттуда сюда.

Школа всегда вспоминалась тепло. В своём классе Славик был старостой с пятого по последний класс, чем его родители очень гордились. Славик вообще всегда хорошо учился, схватывал всё на лету. Со всеми одноклассниками он всегда оставался в хороших отношениях. Жизнь текла легко и безоблачно. Сейчас он уже и сам не мог бы сказать точно, когда всё начало меняться. Наверно, в седьмом классе, когда они вернулись с каникул немного повзрослевшими, особенно девочки.

Славик всегда сидел за первой партой. Вот и в то памятное утро он сидел на своём месте, развернувшись назад и болтая с ребятами, как в класс вошла Таня, улыбнулась им всем и села в параллельном ряду на две парты назад. Таня всегда ему нравилась. Она всем помогала, была смелой, независимой девочкой. Они были вместе ещё с садика.

Но эту Таню он не знал. Вернее знал, но мало. Она очень сильно напоминала прежнюю Таню, до каникул. И в то же время неуловимо отличалась от неё. Эта новая Таня так же заразительно смеялась. Но улыбка её стала более женственной, движения более мягкими. Как замороженный, Славик смотрел на неё, не веря этой перемене в ней и в себе самом. Она всё так же смотрела на него, когда они здоровались с утра. Но Славик всё чаще ловил себя на том, что замирает, глядя в её лицо. Это было удивительно – всё что происходило с ним. И он почему-то боялся, что Таня это заметит.

Именно в седьмом классе начались первые ухаживания, встречи, походы на дискотеку. И именно в седьмом классе Анна Михайловна вдруг вздумала

всех пересадить, хотя они сидели так уже много лет. И вот Таня оказалась с ним за одной партой в крайнем левом ряду. Он сначала не верил своему счастью. Ведь теперь не надо оборачиваться, чтобы увидеть её. Она сидела справа от него. И, глядя на доску, которая тоже висела справа, он видел её профиль, и не мог наглядеться. Делая вид, что читает задание с доски, Славик смотрел на Таню.

Они всегда много общались. Теперь он только боялся, что она всё поймёт, повернувшись к нему и ненароком поймав его взгляд. Мама, конечно же, всё понимала. Таня нравилась ей ещё с детства. Иногда ему казалось, что и Анна Михайловна тоже обо всём догадывается, особенно, когда она поручила именно им читать вслух письма Онегина и Татьяны на уроке литературы.

Славик не мог оставаться равнодушным, когда встречал в тексте Танино имя. Он негодовал на главного героя, ветреного повесу пушкинских времен, и не мог взять в толк, как мог этот франт не обратить внимания на такую девушку, как Татьяна, которая ему самому казалась вылитой Таней, такой она была смелой, умной и независимой. Славик настолько отождествлял с Таней пушкинскую героиню, что недоумевал, как Онегину она могла не нравиться. Ведь вот она – сидит рядом с ним, такая милая и знакомая, такая интересная, такая умная и честная. "И поделом ему!" – думал Славик, читая письмо Онегина к Татьяне, где тот раскаивается, что вовремя не заметил её достоинств, и умоляет её о любви.

Пожалуй, не стоит даже упоминать, с каким чувством читал Славик это письмо в классе вслух. "Нет, поминутно видеть Вас, Повсюду следовать за Вами.." – низко склонившись над книжкой, читал Славик, боясь, что голос его предательски сорвется и выдаст то, что творится в его сердце, когда он произносит эти слова. Он чувствовал, будто сам написал их, и в то же время понимал, что не мог бы так красиво выразить всё, что было у него в душе.

Он не мог бы точно сказать, когда случилось другое событие, непоправимое, – кажется, несколько месяцев спустя, – вдруг Анна Михайловна объявила, что все пересаженные ученики могут вернуться на свои места, если им этого хочется. И Таня встала со своего места, улыбнулась ему и пересела обратно!

Это был очень тяжёлый период в жизни Славика. Он не мог понять причину её поступка. А когда дома рассказал обо всем маме, та решила поговорить с Таней. Он не знал точного содержания их разговора. Потом мама лишь сказала, что толком выяснить ничего не удалось.

Это было так необъяснимо, так странно! Неужели он обидел её чем-то неосторожно? Неужели ей так не хотелось сидеть рядом с ним, что она только и ждала, когда бы уйти? Они продолжали всё так же общаться. Инцидент, казалось бы, был исчерпан, но он оставил глубокий след в его душе.

Потом было много всего. Они вместе выступали на школьных концертах, участвовали в разных конкурсах и постановках. И везде он искал её взглядом, всё ему было интересно, что имело отношение к ней.

Но как-то быстро закончилось время, отведённое им на школу. Был выпускной вечер, который они справляли на дискотеке. Когда объявили медленный танец, Славик пригласил Таню танцевать. Он давно уже это задумал, давно об этом мечтал. Это был одновременно чудный, волшебный и в то же время грустный вечер, потому что они расставались.

Славик никак не мог решиться взять Танин номер телефона. Да и взяв его,

он не представлял, как решится ей позвонить и пригласить куда-нибудь. Ни одна девочка никогда не нравилась ему так, как она, но он отчётливо понимал, что если она узнает о его чувствах, уже не сможет оставаться по-прежнему ничего – ни их шутки, ни их свободное общение.

Славик вообще был довольно скрытен во всем, что касалось чувств и эмоций – такая полезная черта, которую ценили в нём друзья, она же теперь обращивалась для него страданием.

Когда они танцевали, он наклонялся к Тане, чтобы вдохнуть запах её волос, прочитать выражение её лица, пока они медленно двигались под песню, как сейчас помнится, Агутина "Всё в твоих руках". Если бы он был немного смелее, то сказал бы ей, что готов на всё, что угодно, лишь бы только не теряться в наступающей взрослой жизни, продолжать встречаться и общаться. И это было бы очень естественно и ожидаемо. Все знали, что они дружили. Но словно чья-то железная рука зажала ему рот, сковала язык, и вот он только и может, что смотреть на неё сверху вниз и дышать украдкой глубже, чтобы успокоиться.

Песня закончилась. Всё также в молчании они смотрели друг на друга. Только в этот раз Таня более внимательно вглядывалась в его лицо. "Неужели она догадалась? – промелькнуло в голове у Славика. – Что же теперь делать? Ведь она точно не любит меня. Неужели теперь мы не сможем общаться, как раньше?".

В миг всё внутри у него похолодело. Но, кажется, Таня ни о чём не догадалась. И Славик с облегчением вздохнул.

Потом было поступление в университет. Славик всё-таки собрался с духом. Подкараулив Таню на улице, он как бы случайно столкнулся с ней и попросил её номер телефона. Они ещё пару раз встречались, затем готовились вместе к вступительным экзаменам.

Славикина мама Валентина Васильевна была очень внимательна к Тане, когда та приходила к ним. Она приглашала её на выходные на дачу. Как-то они даже ездили все вместе, две семьи. С утра ходили на подёрнутое дымкой тумана озеро, потом собирали шиповник во дворе. Выходные пролетели незаметно.

Потом был Славикин день рождения. Было не так много гостей – только несколько человек из их теперь уже бывшего класса и Славикины друзья со двора.

Потом несколько раз Таня приходила к нему заниматься английским. Это был общий для них предмет на поступление. Они учились вместе на диване на балконе, потом ужинали с родителями Славика, когда папа возвращался с работы домой.

И всегда получалось так, что они на какое-то время оставались вдвоём. Славик сторгал от желания всё Тане рассказать. Доходило до смешного. Он уже открывал было рот, чтобы выпалить всё, что готовил накануне, но слова не шли с языка. Таня внимательно всматривалась в его лицо, ожидая, что он хочет ей сказать, а Славик мучительно страдал и переводил разговор в другое русло.

Славик помнит отчётливо один такой вечер. Это было осенью, когда учёба уже началась. Позади были переживания вступительных экзаменов и радость поступления. Теперь всё время уходило на учёбу. Но вот Таня зашла отдать какие-то его учебники и забрать свои – те самые, по которым они готовились к

английскому. Темнело рано, и тетя Валя отправила Славика проводить Таню.

Они шли вдвоём по осенней улице, наполненной сыростью после дождя. Уже становилось прохладно, и долго было не постоять перед подъездом болтая, как раньше. Именно в этот вечер Таня сказала, что её родители решили ехать в Израиль. И как будто что-то ухнуло, оборвалось у него внутри. Конечно, все вокруг уезжали, но Славик почему-то никогда не представлял в их числе Таню. Наверное, потому, что это было слишком печально – печальнее, чем окончание школы, чем то, что она когда-то отсела от него.

И что-то сильно изменилось после этого. Конечно, они оба были очень заняты. Они стали видеться намного реже ещё и потому, что поступили в разные ВУЗы – Славик пошёл учить экономику, а Таня – лингвистику.

Отъезд был назначен после окончания учебы. Все ближе надвигался этот день. Славик ходил мрачный и не мог придумать, как сказать Тане обо всём. Да и надо ли говорить? Она уезжает навсегда из их родного города. Может быть, они вообще больше не встретятся никогда.

Они обещали друг другу писать. И так и получилось. Но переписка эта становилась всё короче. Всё меньше оставалось событий, которые бы связывали их. К тому же, Славик не мог написать всего, что хотел, а новостей особо не было. Спустя два года после окончания учёбы, Славик с родителями переехал в Санкт-Петербург.

И вот не прошло и года, как Таня стала выкладывать фотки с разных мест той новой страны, где она теперь жила. То она была сфотографирована с мамой, то с подружками, а то в большой компании одноклассников. Таня писала Славика, что они вместе учили язык. Но вот всё чаще стали попадаться фотографии Тани вдвоём с каким-то парнем. И Славик понял, что опоздал.

Какой-то Лёша, который выглядел на снимках не очень приветливо, то держал Таню за руку, то обнимал за плечи, и Славик всё реже писал ей, понимая, что если и было какое-то место в Таниной душе для него, то теперь оно просто будет занято другим. Тот счастливый другой имеет возможность видеть её часто, говорить с ней, именно ему она теперь рассказывает свои мысли, делится своими планами.

И тогда он смирился. Он с головой ушёл в учёбу, а потом и в работу. У него появились друзья в новом городе. Иногда он общался и с бывшими одноклассниками, и Таня всё реже стала занимать его мысли. Только иногда он ещё по привычке хмурился, видя эти фотографии, где Таня дарила свою улыбку какому-то незнакомому сопернику. А потом он уже перестал воспринимать так остро это событие.

Таня

Не сразу, но Таня решилась написать Славику.

"Привет! Как поживаешь? Бываешь ещё в Ташкенте? Я знаю, что давно не писала. Тут просто сразу всё так закрутилось..."

Ответ на удивление пришёл очень быстро. Слава современным технологиям и соцсетям!

"Привет. У меня всё хорошо. Спасибо. Я занят в основном на работе, дома, а так всё по-прежнему."

И Тане показалось, что этот сухой, краткий ответ, не предполагающий дальнейшего общения, как будто подтверждал её мысли о том, что она и правда, не вовремя. Дотянулась через полжизни в такую даль, но другой человек в этом не заинтересован. И чему тут удивляться, рассуждала Таня. Он наверняка давно уже и думать забыл об их школьном детстве, о самой Тане и сопутствующих этому всему воспоминаниях. Они ещё вежливо обсудили, кто чем занят, как идет учёба.

Скоро начинается новый семестр, за ним экзамены, а там и зимние каникулы недалеко. Таня спросила Славика, ездит ли он летом в Ташкент. И получила ответ о том, что родители Славика уже давно продали квартиру. Да и все разъехались. Много знакомых уехало в Россию, так что встречаются они, в основном, в Москве.

Это было так непохоже на их прежнее общение. Всё-таки они переписывались иногда. Поздравляли друг друга с днём рождения. Помнится, слали друг другу открытки. Таня зашла в почту. Да вот и открытка от Славика. И тут она поняла, что так и не открыла её никогда. Вот и приглашение от него на LinkedIn висит. Что же произошло? Ведь Таня всегда старалась не терять связи с прежними знакомыми. Она проверила даты. Да, все верно, именно тогда она встретила Лёшу.

Как быстро всё развивалось! Как радовалась она, что больше не одна. Лёша стал занимать всё её время. Иногда этого времени даже не оставалось, чтобы остановиться и подумать, куда она бежит. Всё реже она выходила прогуляться к морю с Лизой, уже не ездила в гости к бывшим своим одноклассникам с программы по изучению иврита.

Лёша поглощал всё её внимание: помочь ему с английским, встретиться с его коллегами на корпоративе, сходить с ним к его дяде. Как будто Таня жила всё это время не своей, а чьей-то другой жизнью. Но ведь она так и хотела, чтобы всё делать вместе. Так сильно хотела, что это «вместе» постоянно съезжало только на одну сторону. Она совсем забывала о своих интересах, встречалась реже со своими друзьями. Как будто откладывала на потом свою жизнь. Даже к родителям стала наведываться не каждую неделю, в основном звоня им по скайпу.

А тут вдруг глаза открылись! Как много Таня пропустила в своей жизни и жизни своих друзей. Ей захотелось обо всём расспросить Славика – как его родители, чем они заняты, почему они выбрали именно Питер – так много волнующих вопросов!

И Славик стал постепенно отвечать. Недели две они переписывались практически каждый день, а потом он вдруг позвонил. Это было немного неожиданно, но очень приятно. Это было так, как будто он наконец-то поверил, что

он тоже ей интересен и нужен, что ей важно знать, что у него всё хорошо.

Так же неожиданно во время этого разговора Славик пригласил Таню приехать к нему в гости. Она подумала, что это просто такой вежливый реверанс с его стороны. И он, похоже, понял её сомнения, потому что повторил, что на полном серьёзе приглашает её к себе. Родители будут очень рады, ведь они её очень любят.

– А ты? – вдруг спросила Таня.

– Я тоже буду рад, – всего лишь на одну секунду запнувшись, ровным голосом ответил Славик.

И тут только она заметила неловкость своего вопроса.

Было так здорово разговаривать с ним снова, слушая его спокойный, немного тягучий низкий голос. Боже, как давно она его не слышала! Она так привыкла к тому, что Славик был неотъемлемой частью её прежней жизни, что никогда не верила всерьёз, что они перестанут общаться. А Славик, кажется, воспринимал это иначе. Ей показалось, что он только сейчас заново начинает верить ей. Неужели он принял за предательство её недавнее долгое молчание? Походило на то, что она чуть не потеряла настоящего друга в погоне за сомнительным личным счастьем.

И как не похоже было их общение на её общение с Лёшей. С ним, ей казалось, всегда нужно было привлекать к себе внимание, всегда доказывать, что она может быть ему интересна. Какой бессмысленный нелепый труд! И всё равно самой себе она казалась не убедительной и не искренней. Может, потому, что видела себя его глазами?

Со Славиком она чувствовала, что он не просто слушает её, но и задумывается над её словами, искренне интересуется каждой сказанной ею фразой.

И так получилось само собой, что Таня согласилась поехать в Питер. Они стали обговаривать детали – как и когда лучше прилететь. Договорились на середину октября.

– Ох, так это ещё три недели! – сказал Славик.

Таня засмеялась и поняла, что это снова прежний Славик, который всем делился с ней и, она знала, сама могла ему рассказать обо всём.

Во время этого разговора вернулась с работы Лиза. Она работала в детском саду и параллельно училась на воспитательницу в местном колледже. Они с Серёжей, её "кавалером", как называли его Лизины родители, хотели открыть свой детский сад.

Войдя, Лиза застала такую картину: сидя с ногами по-турецки на диване, Таня смеялась, разговаривая по телефону и отбрасывая свободной рукой волосы за спину.

Лиза тихо сняла кроссовки, и по тому, как она не сразу прошла к себе в комнату, а остановилась у зеркала, убирая светлые пряди за уши, Таня поняла, что она поймала обрывки её разговора со Славиком. В зеркале мелькнул Лизин удивлённый взгляд. Таня улыбнулась ей в ответ и сказала в трубку, что ей нужно идти.

– Хорошо, тогда потом ещё поговорим ближе к делу, – сказал Славик. – Я тебя обнимаю, – добавил он, помолчав.

– Я тоже тебя обнимаю, – автоматически ответила Таня, стараясь скрыть своё изумление.

Раньше он никогда не обнимал её по телефону.

– С кем это ты обнимаешься? – спросила Лиза.

И Таня рассмеялась, звонко, без оглядки, как раньше. Она видела, что Лиза довольна тем, что её подруга возвращается к жизни.

Таня и правда как будто пробудилась ото сна. Ей хотелось всё Лизе рассказать. А так как Лиза с удовольствием хотела послушать, то они стали вместе накрывать стол к обеду. И Ленни потягиваясь вышел с балкона, как будто для того, чтобы проверить, чему так радуются его хозяйка и её гостя. Он лениво потянулся и устроился на кресле, где обычно сидела Лиза – приготовился слушать Танин рассказ.

Уже было рассказано, казалось бы, всё, связанное со Славиком. Таня как будто бы доставала на свет свои детские воспоминания, убранные в дальние уголки памяти в суматохе новой жизни, разглаживала их и заново раскладывала на полочках в голове. Так вынимают под Новый год старые игрушки и украшения на ёлку, вспоминая, когда и при каких обстоятельствах они были куплены, и радуясь, что истории их приобретения живы в памяти.

– Как странно! Ты никогда мне раньше про него не рассказывала! – задумчиво глядя на Таню, сказала Лиза. – И вы после твоего отъезда не общались?

– Да мы общались время от времени до того, как я встретила Лёшу.

– Да... – ещё более задумчиво сказала Лиза. – И все это время он был в тебя влюблён?

– Влюблён?! – в свою очередь поразились Таня. – Я не говорила, что он был в меня влюблён! Нет, я, наверно, не так всё рассказала. Мы просто дружили.

– Это тебе казалось, что вы дружили, – мягко, но решительно сказала Лиза. – Он был так внимателен к тебе всегда, так заботлив. Ты в самом деле думаешь, что он относился бы так к тебе, если бы не был влюблён?

Таня сидела, молча глядя на неё расширенными от удивления глазами. Невозможно было представить себе Славика влюблённым – его, такого спокойного и рассудительного, ровного в общении со всеми. Она затрясла головой, прогоняя этот неубедительный образ. Славик – влюблён?! Да ещё и в неё?! Это невозможно! Они же совсем друг другу не подходят! То есть, она не подходит ему...

Но вот другая мысль закралась в сердце. А может, Лиза, права? Ведь только её, Таню, Славик пригласил танцевать на выпускном вечере.

И ещё она вдруг вспомнила другой эпизод, произошедший уже под конец их школьной жизни. Шли выпускные экзамены, и физкультура была одним из обязательных предметов. Таня всегда была в хорошей форме – отлично бежала на любые дистанции, прыгала в длину, только она и ещё одна девочка могли забраться по канату до самого потолка высоченного спортзала. Лишь через «козла» она перепрыгнуть не могла. На уроках Таня снова и снова разгонялась, добежала до злополучного снаряда и ... останавливалась, как вкопанная. И хмурилась. Что-то мешало ей оторваться от пола и перепрыгнуть. Ей виделось, что она непременно упадёт и покалечится.

Казалось, что до госэкзамена ещё много времени, а может, ей ещё и не придется прыгать. Но вот этот день настал. Прыжок через «козла» был в обязательной программе. Когда очередь дошла до Тани, она вдруг поняла, что у неё ничего не получится. Она похолодела. Неужели из-за одного элемента она не получит зачёт? Выхода не было, и Таня взяла разбег.

Ей казалось, что в этот раз обязательно должно получиться – ведь это же

экзамен, нужно просто собраться и сделать то, что от неё требуется. Но нет, неудача. Таня бежала и, как загипнотизированная, останавливалась перед «козлом» раз за разом.

И когда она в очередной раз разбежалась для прыжка, вдруг Славик выскочил из группы одноклассников, стоявших вдоль стены и наблюдавших за её поражением. Он побежал рядом с Таней, подбадривая её. Таня не заметила, как пробежала по матам, она лишь смотрела, как Славик бежал рядом с ней.

– Прыгай! – крикнул он.

И Таня прыгнула. И у неё получилось. Все зааплодировали. Экзаменационная комиссия, состоявшая из учителя физкультуры параллельного класса, завуча и гостей из района заулыбалась. Было видно, что им совсем не хотелось ставить этой девочке плохую оценку. Обстановка разрядилась. Их учитель физкультуры пожал Славику руку. Больше Таня никогда не прыгала через «козла». То был первый и последний раз.

Нет, это было удивительно, невероятно! Она же не вспоминала этот случай так долго, что, казалось, он стёрся в её памяти. Таня сидела на диване в Лизиной квартире и тихонько качала головой. Всё теперь представилось ей совершенно иначе, будто включили ещё одну лампу в комнате, и детали, незаметные раньше глазу, проявились в этом новом свете. И уже непонятно было, как раньше можно было их не замечать.

Лиза уже вышла из комнаты. Она напевала что-то, возилась на балконе. А Таня всё ещё сидела в изумлении. И Ленни пришел и потёрся о её плечо, как бы проверяя её готовность гладить и чесать его за ушком. И Таня с радостью схватила кота в охапку и стала тискать его, пока тот не возмутился такому панибратскому отношению, нарушающему привычную гармонию его жизни в этой квартире. Мало того, что эта подруга хозяйки уже гостит здесь несколько дней кряду, она теперь ещё будет теревить его так непочтительно! И кот с неодобрением мяукнул и ретировался к Лизе на балкон – искать там понимания и утешения.

Недели до отъезда пролетели быстро. В выходные перед полётом они с Лизой собирали Танины вещи. Таня ещё раз созванивалась со Славиком, и выяснилось, что погода в Питере стоит тёплая, даже непривычно тёплая для такого времени года.

– Я сравнил. Почти как у вас! – с удовольствием сообщил ей Славик. – Так что тебе не будет тяжело адаптироваться. Через день, правда, обещали дожди и похолодание, но потом снова должно потеплеть на недельку.

По-новому Таня вслушивалась теперь в его голос. Ведь он же ничего не знал. Не знал, что она знает.

Но это ничего. Она приедет и всё ему расскажет! Не может не рассказать! Ведь теперь всё поменялось. Удивительное чувство благодарности к нему наполнило её сердце. Это же надо – ничем не выдать себя так долго. Она настолько привыкла к его вниманию, что никогда не задумывалась, что же скрывается за ним.

На миг Таня засомневалась в том, правильна ли Лизина догадка, но потом вспомнила, как только что Славик сказал, чтобы она не везла тапочки, полотенце, и вообще ничего тяжёлого и объёмного – у них всё для неё найдется. И ощутила привычную его заботу. Она по-новому услышала, как замер на мгновение его голос, когда он спросил:

– Ты точно приезжаешь? Всё в порядке?

И она снова уверилась в том, что Лиза права.

Таня села на поезд и поехала к родителям в Холон. Папа должен был встретить её и забрать. На следующий день он отвезёт её в аэропорт.

Сказать, что родители удивились её решению переехать к Лизе и лететь в Питер к Славику, значило было не сказать ничего. Таня ещё по-настоящему не обсуждала с ними эти новости. Она уже была вся в мыслях о поездке и сборах к ней. Теперь она поняла, что нужно было сделать это раньше, а не перед самым отъездом. Мама явно беспокоилась. Папа был, кажется, доволен. И только Антон рассеянно чмокнул её в щёку и сказал, что "Питер – это круто!".

Впрочем, времени на разговоры оставалось мало. Вечером они оживлённо обсуждали поездку за ужином. Родители перечисляли все места, где были вместе в Ленинграде. Старые фотографии папы с внешностью участника группы "Битлз" и мамы в мини-юбке были пересмотрены и убраны обратно в семейный альбом.

Таня боялась проспать и собиралась поставить будильник на три часа утра. Но Владимир Леонидович сказал, что разбудит её. Мама поинтересовалась ещё, может, нужно было найти более удобный рейс. Но по Таниному лицу она поняла, что ей всё удобно, всё устраивает. Её рассеянный взгляд, устремлённый внутрь себя, давал понять, что мыслями она уже была далеко. И мама только успела положить ей в пакет каких-то кремов для Славикиной мамы – "для Валечки, это же с Мёртвого моря, у них там всё дороже будет".

Таня всегда была рада снова попасть в родительскую съёмную квартиру в спальном районе Холона. Там у них была комната родителей, комната Антоши, которая раньше была их общей комнатой, и зал.

Ужинали всегда за большим овальным столом "с выставки". Новые репартрианты так называли мебель, которую удалось позаимствовать у более обеспеченных местных соседей, выставлявших за дверь всё, что было уже не нужно. Здесь это называлось "обновить" или "поменять" обстановку – то есть, попросту купить что-то новое, а надоевшее старое, ещё крепкое и годное, вынести и оставить на улице.

Так и попал к ним этот стол, ещё новый, с полированной столешницей. На праздник Песах в прошлом году Антоша с соседским Стасом увидели его на углу дома напротив, возвращаясь домой. Стол их впечатлил. Он стоял овальный и важный, тёмно-коричневый и тускло сверкающий в свете фонаря, как рояль. Сразу же было принято решение этот стол приобрести. Антоша ухватил его за один край, Стас – за другой. Стол оказался очень тяжёлым. Они и сами не понимали, как смогли протащить его до дома и поднять на второй этаж.

Мама была очень рада этому новому предмету мебели. Она очень любила именно овальные столы. А этот стал прямо символом их новой обустроенной жизни. Вместе с Таней, приехавшей в гости и по достоинству оценившей этого аристократа, они купили на стол клеёнку и скатерть.

У мамы был исключительный вкус. Скатерть они выбрали тёмно-вишнёвого цвета, а клеёнку – белую, с розовыми цветами и прозрачными выпуклыми вкраплениями. Это было на редкость удачное сочетание, так как скатерть проглядывала сквозь эти выпуклости вишнёвым отливом.

Таня приготовила одежду на завтра. Она рассудила, что удобнее всего ехать в юбке, если уж в Питере так тепло. Она выбрала лёгкую белую блузку, джин-

совую курточку и длинную тёмно-синюю юбку, которую ещё ни разу не надевала. Тёплые вещи на случай дождя заняли своё место на самом дне сумки.

Под утро Таня проснулась от того, что папа гладил её по голове и, поцеловав в лоб, прошептал, что пора вставать. Это было как в детстве, когда Антоша был ещё маленький, чтобы брать его с собой, и они на выходных уезжали вдвоём за город и не хотели будить маму. Таня, как тогда, обхватила папу за шею и, шепнула "сейчас". И как тогда, папа ещё постоял над нею, прекрасно зная, что она может снова нырнуть в сон, если её не разбудить до конца.

Но вот Таня открыла глаза и посмотрела на него томным со сна взглядом, и папа, улыбнувшись, пошёл ставить чайник. Они съели по бутерброду и уже стояли на пороге, когда мама вышла в халате и спросила:

– Так и ушли бы, не сказав мне ничего?

И они оба стали уверять, что конечно нет, они как раз и собирались идти к ней, а тут она сама пришла. Мама обняла Таню и попросила позвонить по приезду в Питер.

– И конечно, привет всем передавай!

Таня обещала передать.

Они вышли и махали маме, которая появилась в окне. Потом поехали по тихому, ещё спящему городу в аэропорт. Приехали с запасом времени. Купили кофе Владимиру Леонидовичу и какао для Тани.

Самолёт вылетал вовремя. Они обнялись напоследок, и папа сказал:

– Отдохни хорошо. Пусть свежий Балтийский воздух наведёт порядок в твоей голове после нашей левантийской жары.

Он улыбнулся, и Таня подумала, что папа понимает гораздо больше, чем она думала, и конечно же, гораздо больше, чем признался бы в этом, если его расспросить.

Она ещё махала ему, удаляясь, но вот уже скоро настала её очередь подойти к девушкам в форме, которые спокойно спрашивали всех отъезжающих, кто паковал багаж, передал ли им кто-нибудь что-нибудь с собой в дорогу, и внимательно слушали ответы на свои вопросы.

Славик

Славик познакомился с Машей, недавно закончившей факультет дизайна, два года назад. Маша была полной противоположностью Тани даже внешне. Она была высокая, с рыжими волосами до плеч. И все считали их подходящей парой.

Правда Маша никогда так живо не интересовалась ни его учёбой, ни его работой, как продолжала делать это Таня. Время от времени они поздравляли друг друга с днём рождения, с новым годом. Их общение носило удивительный характер – они писали друг другу так, будто не молчали перед этим несколько месяцев, а продолжали с того самого места, где остановились в прошлый раз. И Славику уже думалось, что когда-нибудь они будут дружить семьями. Потом учёба начала подходить к концу. Их переписка как-то плавно сошла на нет. Маша стала делать намёки на то, что уже пора бы жить вместе, всё равно Славик собирается съезжать от родителей.

Всё было так, пока однажды Таня вдруг ему не написала. Это было не в день его рождения, и не под Новый год. И вообще это было очень странно, что она спрашивала про Ташкент и скучает ли он по школе. Это было довольно неожиданно. Славик ответил ей сдержанно, что в Ташкенте был давно, с тех пор они продали квартиру и окончательно перебрались в Россию, да уже и не тянет туда так сильно.

Таня написала, что не представляет его в Питере, что по переписке ещё можно представить, а вот так наяву – нет. Здесь он улыбнулся. Это было так на неё похоже: сказать что-то, чтобы он отчётливо почувствовал её восприятие, как будто она смогла вновь дотянуться до него сквозь все эти расстояния. И тогда он сделал то, чего сам от себя не ожидал. Он позвонил ей, а потом сказал, что приглашает в гости, что родители будут рады её видеть. И он не солгал. Мама всегда интересовалась и спрашивала про Таню.

Он думал, что она, конечно же, не согласится – тот, другой, удержит её. Но она ответила, что с удовольствием приедет. Когда? Да вот хоть через месяц. У них в октябре ещё не начинается учёба, да и осталось только диплом написать.

Это было неожиданно, невероятно, и Славик подумал, что ещё год-два тому назад он всё бы отдал, чтобы она приехала в Питер. По началу, ещё не обжившись на новом месте, он часто вспоминал Таню. Потом стал вспоминать реже. Этот город имел свою собственную, уникальную историю, и Славик успел его полюбить.

Более того, он уже не представлял себя отдельно от берегов Невы, городских парков, называвшихся здесь садами, и имеющих неповторимый запах свежей липовой листвы и сочной травы весной. Славик живо представил себе Таню, шагающую рядом с ним по любимым улицам. Он поводит бы её по всем замечательным местам этого удивительного и красивого города.

С Машей такие прогулки не получались. Она предпочитала встречи с друзьями в клубах, походы в кино и вообще была очень урбанизирована. Природа воспринималась ею как декорация или погодное явление. Она расстраивалась, когда было ветрено, шёл дождь, и дулась, когда Славик предлагал "тащиться" куда-нибудь в непогоду. Очень тяжело было заинтересовать её чем-то, что напрямую не касалось её самой или её занятия – дизайна. Славикин

папа, наблюдая их отношения, начинал рассуждать про индивидуализм и о том, как редки пары, в которых партнёры равно уважают друг друга.

Славик с Таней договорились созвониться через неделю. К этому времени Таня должна была купить билеты и знать точную дату прилёта.

– На сколько ты останешься? – спросил Славик.

– Не знаю! Пока не надоем вам! – засмеялась она.

Потом уже серьёзно добавила, что приедет дней на десять.

Да, всё-таки это было удивительно, невероятно. Настолько, что он забыл её спросить, прилетит ли она одна или с кавалером. Эта мысль теперь занимала Славика, и он ругал себя, что не спросил сразу. Прошла неделя, прежде чем они созвонились снова, и он смог задать Тане этот так волновавший его вопрос. Она на секунду замолчала, а потом сказала, что приедет одна.

Что-то задумчивое и немного грустное было в её голосе. И Славик решил, что они расстались. Он не мог бы сказать, почему он так решил, она ведь ничего такого не упоминала. И Славик, понятное дело, не спрашивал, только поспешил объяснить её приезд одной тем, что Таня наконец поняла, что не любит того, другого. Как может она любить такого человека! Да они совсем друг другу не подходят! А почему Славик решил, что они друг другу не подходят, он не смог бы объяснить, даже если бы его мнением на этот счёт кто-нибудь и поинтересовался.

Итак, этот день наступил! Славик не мог уснуть с вечера. Он всё ходил, пил воду, и торопил ночь. Таня прилетала под утро. Родители видели его волнение, и папа шутил что-то на тему Фигаро. Маша не так давно уехала с родителями в Крым к каким-то родственникам, которые готовы были принять их, так как у них был собственный домик. Может, потому что так быстро всё произошло, или от того, что Славик сам до конца не верил, что Таня приедет к нему на самом деле, он даже не сказал о ней Маше.

Но причем тут Фигаро, если Славик не видел Таню целую вечность?! То есть видел, конечно, на тех злополучных фотографиях, на которых не всегда чётко можно было разглядеть выражение её глаз.

Он привык читать по её глазам, идя с ней рядом и расспрашивая о прошедшей неделе во время учёбы в универе. Он знал, что если она хмурится, то что-то не совсем выходит с последней семинарской работой. Он понимал, что если она расстроена из-за какой-то оценки, то нужно сначала дать ей время помолчать, а потом осторожно спросить об этом.

Мир состоял из этих разговоров и обсуждения последних событий в универе. Их жизнь складывалась из обмена мнениями и планами на будущее. Пока это всё не оборвалось так внезапно, хотя они и были об этом предупреждены. Четыре года они продолжали общаться, зная, что Таня уедет, как только закончит учёбу. Может, они не верили в это до конца? Так привыкли к этому общению, что были уверены, что оно продлится несмотря на расстояние? Славик никогда не задумывался над этим раньше.

И вот новый виток их жизни. Таня приезжает к нему в гости в Питер, где он уже обжился до такой степени, что считает этот город своим. И снова можно строить планы, куда пойти и что делать. Можно говорить до ночи и рассказывать друг другу, что с ними произошло за это время. Можно даже не звонить Маше по вечерам, тем более, что там не всегда есть интернет и хорошая связь.

Таня

Таня летела израильской авиакомпанией Эль-Аль, и это значило, что в самолёте будут сотрудники безопасности, а во время завтрака подадут местную, уже полюбившуюся ей еду – хумус, много овощей, фруктов. Будут постоянно приносить воду – именно в Израиле Таня поняла, что нужно много пить.

Полёт был прекрасный. В самолёте было не так уж много людей, и от этого было уютно. Усталые пассажиры после прибытия в аэропорт среди ночи, гуляния по магазинам Дьюти Фри в поисках скидок на товары и прохождения проверки службы безопасности, дремали в креслах.

Заботливые девушки-стюардессы помогали рассаживаться группе пожилых религиозных горских евреев в соседнем ряду. Их было три пары. Они весело шутили и рассказывали, что в первый раз после развала СССР решились поехать в Ленинград. И самая молодая стюардесса, видимо, не совсем знакомая с реалиями бывшего советского пространства, спросила, далеко ли это от Санкт-Петербурга, куда они летели. И тогда эти бабушки и дедушки принялись ей объяснять, что Санкт-Петербург – это и есть Ленинград.

Таня улыбнулась и подумала, что тоже летит туда в первый раз.

Она уснула и проспала до завтрака. А после него объявили посадку.

Таня уже выглядывала в окно, когда они подлетали к Пулково, и теперь всю вбирала в себя глазами приближающийся город. Россия! Очень интересно.

Наконец на двух языках пилот попрощался с пассажирами. Религиозные пары потянулись к выходу. И Таня за ними.

Пройдя таможду, она пошла забирать свой багаж и там увидела пожилую женщину, тщетно старавшуюся ухватить с крутящейся карусели свою небольшую сумку. Старушка суетилась, и седые кудряшки на её голове колыхались, как листочки на ветру. Её серая клетчатая юбка колыхалась тоже. Таня ловко подхватила ручку старушкиной сумки, норовившей ускользнуть и поехать кататься дальше.

– Большое спасибо Вам! – обрадованно сказала женщина.

Она сразу же решительно взяла свою сумку, как будто боясь, что та опять от неё убежит.

Взяв свой чемодан, Таня устремилась за старушкой к выходу, где уже было довольно много встречающих. Слышались радостные возгласы приветствий. Старушка тепло распрощалась с ней. Они даже обменялись контактами. "Евгения Сергеевна" – прочла Таня на клочке врученной старушкой бумажки – и номер телефона.

– Если будет у Вас время и желание, обязательно позвоните мне, – улыбаясь сказала новая знакомая.

Это было очень приятно. Бабушка очень понравилась Тане.

Но где же Славик? Когда она увидит его? И Таня дальше закрутила головой.

И вдруг она заметила его. Он стоял высокий, сосредоточенно глядя прямо на неё. Видимо, её и привлёк этот взгляд. Он был такой знакомый, такой свой, что Таня очень обрадовалась. У неё как будто бы за спиной выросли крылья. Она шагнула по направлению к нему. Он тоже пошёл ей навстречу, и они сразу же оказались рядом, и обнялись, и оба рассмеялись этому.

– Таня! Как я рад тебя видеть! – он задержал её в объятиях на несколько

мгновений, и это было так естественно, как будто так и должно было быть.

Знакомый низкий голос теперь звучал не в наушниках при разговоре по скайпу, и не в телефоне.

– Я тоже очень рада тебя видеть!

– Давай сюда сумку. Пойдём, я тут с родителями.

Это был неожиданный сюрприз! Они все вместе приехали её встречать! Таня только успела об этом подумать, как уже обнималась с тетей Валей. Дядя Саша с высоты своего роста наклонялся к ней и улыбаясь спрашивал, как она долетела.

– Всё прошло хорошо. Я очень рада вас видеть.

Потом они ехали к ним домой, показывая Тане мелькавшие за окном здания. Её чемодан ехал в багажнике. Таню посадили рядом со Славиком на переднем сидении, как почётную гостью, а родители устроились позади.

Так они и доехали. Только одно короткое происшествие привлекло внимание Тани в пути. Неожиданно зазвонил Славикин телефон, и на нём высветилась фотография девушки со светло-рыжими волосами до плеч. Девушка смеялась, закинув голову. Телефон сообщил, что звонит Маша.

Славик отклонил этот звонок, пробормотав: "потом перезвоню". Таня не придавала этому значения, но краешком глаза увидела, что он смутился и нахмурился.

Семья Славика жила в просторной квартире в старом доме с высокими лепными потолками. Таня никогда и не видела таких домов.

У Мариных было три комнаты: спальня родителей, зал, и комната Славика, которую он великодушно отдал в полное Танино пользование.

Вход в это старинное здание на улице Марата был со двора. И снова Таня удивилась тому, как непохож был этот город на Ташкент и, тем более, на города Израиля. Всё здесь дышало стариной, было такое милое и уютное. И в то же время, чувствовалась причастность к бывшему Союзу.

Запах в подъезде был совершенно такой же, как в подъездах домов в Ташкенте. О, этот забытый запах человеческого жилья, вобравший в себя ароматы с кухни, где готовится что-то вкусненькое, запах деревянной мебели и шерстяных ковров! Интересно, что ингредиенты запаха менялись, а сам он оставался неизменным, как запах самой советской жизни, объединявшей огромные пространства всех бывших республик Союза.

Когда она сказала об этом Мариным, те закивали головами. Но при этом, дядя Саша добавил, что не скажи она об этом, они бы и не заметили, так привыкли они к этому запаху здесь.

Таня приехала всего на десять дней, но так уютно ей стало, когда, разложив вещи на полках в шкафу, специально освобождённых Славиком для неё, она села на его кровати и огляделась.

Комната была небольшая, но очень удобная. Почти во всю стену шло окно с широким подоконником. Потом Таня узнала, что во многих домах здесь были такие подоконники. Они показались ей очень удобными – хочешь, расставь горшки с цветами, хочешь – фарфоровые статуэтки, а можно просто сидеть там с книжкой до позднего вечера – в Питере летом были белые ночи.

Именно для того, чтобы скрыть свет, проникающий летом в комнату до поздна, на карнизе висела длинная тёмно-зелёная портьера из очень плотной ткани. Задёрнув её, Таня обнаружила, что комната полностью погрузилась в

темноту.

Сегодня был удивительно тёплый день, совсем не похожий на предыдущие сентябрьские дни, как в один голос уверяли её Марины. Они сами вспоминали, как приехали сюда в июле, и это был такой холодный, дождливый день, особенно после ташкентского солнца и духоты, что им показалось, будто внезапно наступила осень.

Итак, это был её первый день в Питере. Таня устала с дороги – летела ночью, поэтому прилегла отдохнуть. Проснулась она уже ближе к вечеру, потянулась в кровати, и так здорово ей показалось, что она здесь, у друзей, знакомых с детства, что ей внезапно захотелось их увидеть, расспросить обо всём. Таня поспешно слезла с кровати и вышла из комнаты. Дядя Саша сидел с газетой, тетя Валя хлопотала на кухне, а Славика нигде не было видно.

– Ну, как, проснулась, спящая красавица? – первым заметил её дядя Саша.

Он отложил газету и предложил сесть на диван. У них был совершенно замечательный светло-зелёный диван, занимавший весь угол в салоне. Тётя Валя вышла из кухни и объявила, что скоро всё будет готово. Тане стало совестно, что они так хлопочут для неё, а она только встала.

– Тётя Валя, давайте, я вам помогу, – сказала она.

– Отдыхай с дороги, Танюша, – ответила тётя Валя. – Уже всё готово.

И засмеялась, когда Таня сказала, что поможет хоть на стол накрыть, и топала за ней на кухню.

Тётя Валя жарила свои обалденные котлеты, уже был готов салат, который, оказывается, нарезал дядя Саша, и такой милой, такой уютной показалась Тане эта кухня, которую она видела в первый раз в жизни.

– Славка сейчас вернется. Он бегать пошёл, – объяснил дядя Саша отсутствие сына.

И правда, пока они накрывали на стол, входная дверь открылась, на пороге появился Славик, красный и с волосами в полнейшем беспорядке. Он сразу же побежал в душ, на ходу объявив:

– Садитесь без меня! Я вас догоню.

Но они не сели, а подождали его, и когда он вернулся в чистой футболке и причёсанный, Таня поняла, что совсем его не знает. Славик стал крепче, плечистее и пожалуй, ещё больше вырос. Она встретила его серьёзный твёрдый взгляд и не узнала в нём того мальчика, с которым училась в школе. В старших классах при разговоре с ней он часто стеснительно улыбался и смотрел в сторону. Ничего не стоило уговорить его пойти в кино или в парк. Но этот парень, севший напротив неё за небольшим кухонным столом, выглядел и вёл себя иначе – более смело, более уверенно.

Ну вот, теперь можно было начинать обедать. Но только они сели, как позвонили в дверь. Родители Славика переглянулись.

– Мы кого-то ждём сегодня? – спросил дядя Саша.

– Да нет вроде, – вставая со своего места ответил Славик.

Со стола не было видно, кто пришёл, но до Тани долетел обрывок фразы, сказанной весёлым женским голосом:

– Хотела сделать тебе сюрприз!

Тётя Валя застыла с ложкой над тарелкой дяди Саши, накладывая ему салат.

И сразу как бы прошло, потерялось волшебство этой встречи с близкими

людьми.

Смущённый, вошел Славик, а вместе с ним высокая улыбающаяся девушка со светло-рыжими волосами до плеч. Таня узнала её. Эта девушка звонила Славику, когда они ехали из аэропорта.

Новая гостья тоже увидела Таню и остановилась. Улыбка сошла с её лица. Это была обоюдной неожиданной встреча. В тот же миг она повернулась к Славику:

– Извини, я не знала, что у вас гости.

Нахмурившись, и отводя взгляд от Таниного лица, тот сказал:

– Знакомьтесь, это – Таня, моя одноклассница. А это – Маша.

Маша опять взглянула на него и добавила, как будто обращаясь только к Тане:

– Маша Копылова. Очень приятно. Мы со Славиком встречаемся.

Впрочем, она могла бы и не пояснять. Таня и так обо всем догадалась.

– Взаимно, – ответила Таня из вежливости, хотя что-то невольно кольнуло её.

Она никак не ожидала такого поворота событий. Ведь она приехала услышать от Славика, что всё, о чём говорила догадливая Лиза – правда, а заодно сообщить ему, что ей, Тане, всё теперь известно, что ей жаль, что она не поняла всего раньше сама. Таня очнулась от тишины, повисшей в кухне над уютным желтым абажуром.

Тётя Валя, желая сгладить неловкость, пригласила Машу к столу. Но та сказала весело:

– Спасибо большое. Я на минутку. Я вернулась раньше, чем думала. Хотела попросить Славика помочь мне с компьютером.

При этих словах она красноречиво посмотрела на него. И продолжала:

– Кажется, ты предлагал мне посмотреть, что не так с моим ноутбуком. А то мне Настю не хотелось просить приходить в офис в субботу.

– Конечно, помогу. Просто Таня с дороги. Давайте поужинаем, а потом разберёмся со всем.

– Хорошо. Ты, кстати, можешь остаться у меня ночевать. Родители ещё не возвращаются. В моем распоряжении вся квартира. У меня срочный заказ, поэтому пришлось вернуться.

Она повернулась к Тане и, пожав плечами, пояснила:

– У меня своё агентство торжеств – дизайн помещений, съёмка, проведение мероприятий. Была на отдыхе, а тут вдруг важный клиент нарисовался. Такую возможность нельзя упускать. Ну, сами понимаете, – и она ослепительно улыбнулась.

– Маша, Таня не живёт в Питере. Она приехала из Израиля, поэтому эта информация ей вряд ли пригодится, – вступил в разговор Славик.

– Ааа... – с интересом, по-новому взглянула на Таню владелица агентства торжеств.

Таня смущённо улыбнулась.

Маша села рядом со Славиком. Она весело рассказывала о последней съёмке свадьбы каких-то знакомых, которые принесли с собой котят. Котята испугались и разбежались по всей студии, и всем пришлось их ловить. Одного нашли спящим в сумке фотографа. Она обещала показать эти фотографии. Весь вечер она смеялась, шутила и время от времени очень свободно брала Слави-

ка за руку или клала руки ему на плечи.

Таня молча наблюдала за ними, и ей казалось, что Маша, что-то почувствовав, как бы давала ей понять, что Славик принадлежит ей одной, и она не намерена делить его с кем бы то ни было. Сразу же после ужина Маша со Славиком стали собираться. Он только поспешно подошел к Тане и тихо сказал:

– Я потом всё объясню.

И вышел вслед за Машей.

Славик

Они поехали встречать Таню все вместе. Валентина Васильевна села сзади, Славик за руль, так как уже год, как получил права, а Александр Михайлович занял переднее сиденье рядом.

Боже, как долго тянутся последние часы перед её приездом! А вдруг они опоздают? И Тане придется ждать! Папа шутил и гадал, на каком светофоре их ожидает пробка. Но пробок не было в субботу в такой ранний час. Они приехали немного раньше, чем ожидали.

И вот Славик, вытянув шею, оглядывается по сторонам, высматривая Таню. Родители решили постоять в уголке, чтобы не смешиваться с толпой провожающих и встречающих.

И вот Таня выходит, и он сразу же узнает её, хотя одета она не так, как он привык её видеть. В школе она всегда предпочитала джинсы и короткие юбки до колен, а тут на ней какая-то длинная юбка и лёгкая куртка. Юбка тёмно-синего цвета, тонкая и воздушная. Белая блузка, тоже тонкая и тоже воздушная. Она шла и, казалось, сейчас взлетит, такая в ней была лёгкость, в каждом её движении, в том, как эта юбка летит вместе с ней, обвиваясь вокруг ног. Она и не она. Рядом семенит какая-то незнакомая старушка, и Таня внимательно слушает её, а затем бабушка пишет что-то на маленьком клочке бумаги. Таня берёт этот клочок и они расстаются. Кто это? Какая-то знакомая?

Как часто он мечтал, что она прилетит к нему в гости! Как часто представлял, как это случится! И вот, этот миг настал. Сколько воспоминаний всплыло в его душе – тягостных и весёлых! Сколько лет прошло, прежде чем они смогли встретиться опять!

Но Славик мыслями снова возвращается в настоящий момент. Таня одета по-другому, путешествует с незнакомой старушкой, но всё равно это самая настоящая Таня. Славик смотрит на неё и забывает позвать, пока не наткнется на её взгляд, обращённый к нему.

Он сразу же шагнул к ней и пошёл навстречу. И в первую же минуту они сразу обнялись. И снова это чувство охватило его, говоря, что хоть они и не виделись давно, но как будто не было всех этих лет.

Они оба одновременно рассмеялись, и он взял её сумку и повёл к родителям. Конечно же, они всё видели и всё заметили. Да наверно, и не заметить было невозможно. Таня обнялась с мамой, и та стала расспрашивать, как прошёл полёт.

Обратно они ехали весело, обсуждая последние новости. Только один инцидент омрачил эту поездку. Славик снова был за рулем. И тут начал звонить его телефон. Это была Маша. Он понял это по той мелодии, которую поставил для её входящих звонков. Не долго думая, Славик отклонил этот звонок и увидел, как папа подмигнул ему в зеркале заднего вида.

Тогда он ещё не знал, что лучше бы ему было ответить, чтобы не пришлось ругать себя за то, что произошло после.

Таня устала с дороги и пошла отдохнуть в его комнате, где стоял его письменный стол, кровать, и шкаф, в котором он освободил полки для её вещей.

За несколько дней до этого Славик тщательно убрал свою комнату, а потом заходил туда несколько раз, проверяя, удобно ли будет Тане здесь, не мешает ли кипа журналов на столе – может лучше убрать в ящик? В ящик письменно-

го стола отправилась и кепка, которую ему подарила Маша, и которую он ни разу не надел.

Устроив Таню и дождавшись того, что она ушла отдыхать с дороги, Славик пошёл бегать и не взял с собой телефон. Вернувшись, он обнаружил, что Маша звонила снова. И нужно было бы ей перезвонить, но ужин был готов, и все ждали его к столу. Он решил позвонить ей после.

Лучше бы он сразу перезвонил. Так бы он знал, к чему быть готовым. И неприятной сцены, последовавшей сразу же за тем, как он вернулся и присоединился к остальным, можно было бы избежать.

Маша появилась, как только они сели за стол. Раздался звонок в дверь. Славик пошёл открывать, и она радостно прыгнула на него прямо на пороге. Это был шок. Он как-то совсем не ждал её сегодня.

Маша была в красном. Она любила красный и все его оттенки, поэтому часто носила вещи этого цвета, и вскоре, в сочетании с её рыжими волосами, он стал восприниматься всеми как абсолютно нейтральный.

Итак, на Маше было красное платье до колен. С шеи свисала целая связка серебряных цепочек разной длины, чтобы было непривычно, так как Маша обычно предпочитала золото. Она считала, что оно больше подходит к цвету её волос, чем тусклое серебро.

Кажется, Маша была довольна, увидя его обалдевшее лицо. Она весело засмеялась и чмокнула его в нос.

– Хотела сделать тебе сюрприз! Извини, что нарушаю твой покой, но я столько звонила тебе, а ты не берёшь трубку. Так что я сама решила заскочить к тебе. Понимаешь, у меня комп не пашет, а тут срочный заказ. Может, посмотришь, что с ним? Так не хотелось Настю напрягать лишний раз.

Настей звали Машину помощницу. Скорее даже так: Настя делала всю работу по выполнению заказов – звонила и договаривалась о поставке материалов, приезде фотографа и клиентов и так далее.

– Без проблем, – ответил Славик автоматически, а потом подумал, что проблемы всё-таки возникнут.

Маша взяла Славика за руку, когда они остановились на пороге зала, начинающегося там же, где заканчивалась маленькая прихожая. Славик старательно рассматривал носки своих ног в домашних тапочках. Если бы мог, он предпочёл бы засунуть руки в карманы спортивных штанов. Маша превзошла саму себя в умении делать сюрпризы. Одного она не рассчитала – увидеть за столом Таню, когда они вошли в зал. Тогда уже изумлена была она сама, такого сюрприза она не ожидала.

С минуту девушки смотрели друг на друга, пока Славик представлял их одну другой. Потом Маша начала "разведку боем", представившись успешной бизнесвумен, которая настолько нарасхват, что ей приходится возвращаться с отдыха раньше срока, чтобы клиенты остались довольны. Она ожидала, что Таня тоже расскажет, кто она и чем занимается.

Тогда можно будет сравнить, кто из них более успешен, и, следовательно, больше подходит Славiku. Маша не терпела конкуренции. А иначе чем можно объяснить неожиданное Танино появление здесь, если не попыткой увести у Маши жениха, как только она уехала отдыхать. О том, что Славик никогда не делал ей предложения, Маша не вспомнила. Она была слишком уверена в своей неотразимости и силе влияния на него.

Но Таня не стала объяснять, чем она занимается. Выяснилось только, что она бывшая одноклассница Славика и приехала из Израиля. На этом закончилась вся разведка.

Маше удалось утащить Славика к себе после ужина. Дорогой она оживлённо болтала, ведя машину, и усиленно делала вид, что Танино появление у Славика на кухне не имеет большого значения. Просто он пригласил в гости свою бывшую одноклассницу и забыл Маше об этом сказать, что ещё раз объясняет, что этот поезд не так уж для него и важен.

Но всё-таки какую-то перемену в нём Маша заметила, потому что зайдя в её новую, современную квартиру, в которой был не раз, он был задумчив и спросил: "Где твой компьютер?", хотя прекрасно знал, где он находится. Было заметно, что он сильно спешит.

Он не захотел выпить с Машей кофе, объяснив это тем, что рано встал, чтобы забрать Таню из аэропорта, и поэтому устал.

– А зачем она вообще приехала? – вдруг спросила Маша.

При этих словах он очнулся и сказал, что давно звал её к себе, родители очень хорошо знают Таню, они сидели вместе за одной партой в школе и так далее.

– А парень у неё есть? – задала второй стратегически важный вопрос Маша.

И Славик, удивившись такому вопросу, вспомнил парня с фотографий, и ему пришлось ответить, что есть.

После этого Маша, казалось, потеряла к Тане всякий интерес. Она только спросила, останется ли Славик на ночь, на что тот поспешно ответил, что нет, и повторил, что очень устал за сегодня.

Он прошёл в комнату, где стоял компьютер, и спросил, что же с ним не так.

– Да нет, – поспешно ответила Маша. – Это с моим лэптопом что-то не так.

– И что же?

– Да постоянно виснет.

– А ты пробовала его перезагружать? Знаешь же, есть волшебный рецепт. Называется "семь бед – один ресет".

Маша засмеялась при этих словах, и ответила, что так беспокоилась, что не сможет работать, что сразу же схватила комп в охапку и помчалась обратно в Питер.

Славик слушал эту историю с интересом. Даже мир, крутившийся до этого с необыкновенной скоростью, вдруг приостановился на полуобороте. Этот бег начался с тех пор, как они вышли из дома, оставив Таню и родителей за столом допивать чай. В голове Славика пульсировала одна юркая мысль, похожая на бегущую строку: "Только бы она не спала, когда я вернусь." Чёрт, скорее бы закончить и выйти на свежий вечерний воздух, успеть вернуться и всё объяснить Тане. Какой же он осёл! Самый настоящий Фигаро, папа был прав! Что Таня теперь думает о нём? Каким же олухом, должно быть, он выглядит в её глазах. Только бы она не спала, когда он вернётся! Только бы не закончился так нелепо её первый день пребывания у него в гостях!

Хотя на что он рассчитывает? Таня приехала навестить его не потому, что между ними возможны какие-либо отношения. Как раз наоборот. Они оба не свободны. Если он ещё может сказать, что пришел к мысли, что Маша – это явление временное и скоро между ними все закончится, то Таня уже давно встречается с тем, другим. Хотя что же это за отношения у них, если она уеха-

ла за границу на десять дней без этого Лёши? Все было очень неоднозначно.

Нужно было рассказать ей про Машу, как есть. Тем более, что рассказывать долго не о чем: да, встречались, но он понял, что это не его даже раньше, чем возобновил общение с Таней. А теперь всё выглядит очень глупо. Он пригласил одну девушку в гости, не расставшись с другой. И ладно бы, не рассчитывал на взаимность! Но как теперь объяснить Тане – ведь она такая честная и умная – что Маша для него ничего не значит, что скоро всё прекратится, и он ни разу не пожалеет о расставании.

Он поднял голову и встретился глазами с Машей. Эти глаза смотрели на него выжидательно. Похоже, дело было не только в сломавшемся компьютере. Тут было что-то ещё. Она ревновала его, поэтому и приехала раньше и без предупреждения появилась на пороге его квартиры. Он не отвечал на её звонки, и она решила проверить, что же не так. И теперь думает, что её опасения оправдались, раз за это время именно тогда, когда она была в отъезде, появилась Таня.

С одной стороны, Таня не представляла опасности по Машиным меркам, так как не была так интересна, как она сама. С другой стороны, что-то в ней было, если Славик так торопится убежать, хотя Маша только что вернулась и они давно не виделись.

Да, похоже, с компьютером всё было в порядке. Славик открыл крышку, и на него взглянули два смеющихся лица. Это они с Машей ездили прошлым летом отдыхать в Краснодарский край, сняли там комнату на неделю и неплохо провели отпуск.

Славику тогда очень симпатичной казалась эта фотография: солнце заливало их сверху, Маша была в короткой юбке и белой майке, открывающей живот. Маша и теперь была всё та же, а вот себя он не узнал. Он разглядывал своё лицо, как лицо человека, которого видел впервые. Вроде бы он продолжал смеяться, как и раньше, но глаза были какие-то настороженные. И он вспомнил, что именно тогда начал улавливать намёки Маши, вскользь сказанные о том, что скоро они будут жить вместе.

Например, мама говорила, что давно надо отдать кому-то лишний уют, который кто-то подарил, а они им не пользуются. А Маша отвечала, что скоро, когда она будет жить отдельно, он ей и пригодится.

Или вдруг громко начинала обсуждать по телефону с подругой, через какое время та переехала к своему парню после знакомства.

– А что мы делаем завтра? – поинтересовалась вдруг Маша, вернув его из воспоминаний прошлогодней давности в комнату с приглушённым светом.

Славику никогда не нравился этот свет. Всё неестественно искажалось при этом свете – и цвета и формы предметов вокруг.

– Я думал, что завтра ты занята, – ответил Славик.

– Вообще-то да. Хорошо, тогда посмотрим, как пойдёт дело. Если Лёня быстро уложится, вечером я свободна!

Лёней звали высокого лысого фотографа в Машинной студии.

– Тебя подвезти обратно?

– Да нет, я, пожалуй, пройду. Пока!

И он покинул её большую комфортабельную квартиру, "первую жертву дизайнера", как называл её папа. Родители Славика были там всего один раз, когда приходили знакомиться с родителями Маши.

Вера Борисовна и Алексей Викторович были тихие спокойные люди. Они работали в каком-то министерстве. Славикина мама очень им симпатизировала. Тем более был заметен их контраст с Машей. Она была порывиста, нетерпелива. Родители Маши принимали это за проявление её творческой натуры. Ещё только поступив в колледж на отделение дизайна, Маша заново перделала свою комнату. А после добралась и до остальных комнат в квартире.

Ей были свойственны смелые современные решения. То она подвешивала к потолку резинового птеродактиля и уверяла, что именно своей "резиновостью" он и хорош – пластик не выглядел бы так натурально. То насаживала металлический бамбук вдоль просторных, от пола до потолка окон гостиной, уверяя, что это "вносит в дом элемент природы". Ни птеродактиль, ни бамбук не казались Славику натуральными. Включая свет, он каждый раз вздрагивал, снова обнаруживая под потолком это чудище, видимо, подсознательно ожидая, что когда-нибудь его оттуда же снимут! На острый бамбук он натёкался, задёргивая шторы, когда они садились смотреть фильм, и нужно было, чтобы в комнате было темно.

В общем, с Машей было нескучно. Но в последнее время Славик стал ловить себя на мысли, что эта экстравагантность начинает ему надоедать. Он как будто смотрел на себя со стороны и не узнавал себя. За период встреч с Машей он понял, как важно понимать, кем ты становишься в новых отношениях, нравишься ли ты самому себе в них.

Например, он точно знал себя рядом с Таней. Рядом с ней ему было хорошо. Он чувствовал себя то заботливым другом, то тайным поклонником. Эти два амплуа успешно совмещались в нём. Одно из них он носил свободно, снаружи, другое было запрятано внутри за, казалось бы, ничего не значащими фразами, когда он просто интересовался, как дела.

Подходя к дому, Славик с облегчением увидел в своей комнате свет. Значит, Таня ещё не спит, и с ней можно поговорить, объяснить ей всё.

Таня и правда не спала. Сидя на его кровати, она читала книжку. Это была такая мирная картина – Таня в его комнате с книжкой, – что Славик остановился на пороге и забыл всё, что собирался ей сказать. Таня тоже молчала. Наконец, он собрался с духом и извинился за то, что не предупредил её о Маше.

Но Таня всё поняла. Она сказала, что ничего не случилось, и что он не обязан ей ничего объяснять. Какая же всё-таки она была молодец! Славик заново оценил её в этой ситуации. Они поговорили о том, что завтра пойдут гулять, и что уже поздно, и пора ложиться спать.

Он закрыл за собой дверь, сходил в душ, но затем долго ещё лежал и думал о том, какое это чудо, что Таня сегодня приехала к нему в гости. Теперь она спит в его комнате на его кровати.

Потом он вспомнил весь этот день, как волновался, когда ехал её встречать, как увидел её в длинной, какой-то летящей тёмно-синей юбке. Она вся была такая летящая и свежая, и столько событий произошло со времени её приезда.

Он вспомнил, как она вышла, болтая с какой-то старушкой, и это было так похоже на Таню – завязать знакомство с бабушкой, помочь ей с чемоданом. Он сразу же узнал её по тому вниманию, с которым она вслушивалась в то, что ей говорила попутчица, и неотрывно глядя на неё большими зелёными глазами.

Он не сразу уснул, но, засыпая, видел одну и ту же повторяющуюся карти-

ну, как Таня замечает его в толпе, замирает на мгновение, и как расцветает в улыбке её такое знакомое лицо. И это был как бы знак, что всё произошло правильно, и хоть они замолчали так надолго, больше уже не потеряются. "Особенно потому, что она ни словом не упомянула про этого своего..." – успел ещё подумать Славик, прежде чем погрузился в сон.

Таня

Таня в задумчивости помогла тёте Вале убрать со стола. Дядя Саша вышел – за ним зашёл сосед погулять с собакой.

Когда вся посуда была перемыта, тётя Валя позвала Таню рассматривать старые фотографии. Они не возвращались в разговоре к инциденту за столом. Таня ни о чём не спрашивала тётю Валу, только иногда ловила на себе её сочувствующий и всё понимающий взгляд.

Они начали с детских фотографий Славика, и Таня с удивлением обнаружила, что были среди них такие, которые она и не видела никогда. Когда она навещала Мариных в Ташкенте, они в основном болтали о прочитанных книгах, просмотренных фильмах, о событиях в школе. И тут Таня поняла, что хотя они были вместе в садике и потом в школе, она уже и не помнила, каким был Славик, когда был маленьким.

С новым чувством рассматривала она этого мальчика, темноглазого и темноволосого – вот он шагает за руку с молодым дядей Сашей и ест мороженое. Вот улыбается беззубой улыбкой на даче у бабушки. И Таня вспомнила, как в сентябре, возвращаясь в школу после летних каникул, Славик приносил выращенные бабушкой цветы и угощал всех чёрными семечками подсолнухов. Это был просто большой срезанный жёлтый цветок, но им он казался самым воплощением солнца и лета, когда они выбирали оттуда семечки и грызли их во время перемены во дворе.

Это были далёкие воспоминания детства, когда Таня не задумывалась над тем, какие у них отношения. Славик был просто другом, одноклассником. А теперь? Как он к ней относится? Как она относится к нему? Она приехала за ответами, а получила ещё больше вопросов.

Потом они звонили Таниным родителям. Те приникли к экрану и были похожи на сросшихся головами сиамских близнецов. Тётя Валя благодарила их за гостинцы, а те её за то, присматривают за Таней, как сказал Владимир Леонидович.

– Да что за ней присматривать! Она уже такая большая! – засмеялась тётя Валя.

– Большая-то большая, а присмотр ей не помешает, – и он подмигнул.

Таня сделала ему большие глаза, чтобы не сказал ничего лишнего. Но разговор уже перешёл на Славика – где он работает, чем занимается.

Между тем Славик всё не возвращался. Таня с тётей Валею уже закончили звонок, и Таня сказала, что пойдёт ещё почитает на ночь. Она вспомнила, что Маша звала Славика остаться у неё ночевать, и подумала, что бессмысленно ждать его сегодня.

Но он пришёл. Когда уже стемнело, и дядя Саша вернулся с прогулки, тётя Валя позвала его спать. Они ушли, пожелав Тане спокойной ночи. Таня сидела на кровати Славика и читала, когда услышала, как во входной двери повернулся ключ.

Она оторвалась от книги, и в ту же минуту Славик появился в комнате.

– Я думал, что ты уже спишь.

Они смотрели друг на друга, как будто видели впервые.

– Таня, я должен тебе всё объяснить. Извини, я не рассказал тебе про Машу.

Таня молча смотрела на него, а потом сказала:

– Ты не обязан мне ничего объяснять. Извини, я тоже тебя ни о чём не спросила, когда ехала. Но ничего страшного не произошло. Надеюсь, я не смутила Машу.

– Нет, Машу ничем не смутить! – ответил Славик.

И они вдруг рассмеялись.

Он сел на другой край кровати и спросил:

– Тебе удобно здесь?

– Да, у тебя очень уютная комната.

– Мне кажется, уютной она стала, только когда в ней поселилась ты. Мама говорила, что эта комната больше напоминает берлогу, чем жильё цивилизованного человека. Когда я узнал, что ты приезжаешь, мне пришлось здесь немного... ммм .. прибраться.

И они снова засмеялись.

– Хочешь, завтра пойдём гулять? – спросил Славик немного помолчав.

– Конечно, хочу.

– Тогда спокойной ночи и до завтра. Если что-нибудь понадобится – я сплю здесь в зале. Позови меня.

– Хорошо, спасибо тебе большое. Спокойной ночи.

Так закончился этот вечер. Славик вышел, и Таня слышала, как он пошёл в душ. Но она уже закрыла дверь и долго лежала потом в темноте, думая над тем, как прошёл первый день её приезда.

А на следующий день пошёл дождь. Сначала он только моросил, и дядя Саша шутил, что Таня ехала в лето, а приехала в зиму. И Таня согласилась, что в Израиле как раз такая зима. Пока они завтракали, Таня смотрела, как лёгкие капли бегут по стеклу, и думала, что она привезла ботинки и куртку, и поэтому никакой дождь ей не страшен.

Когда они со Славиком вышли на улицу, то было даже здорово идти под зонтиками и оглядывать с восторгом этот новый, чисто вымытый город. Но потом начался настоящий ливень! Танин зонтик в два счета сломался, хотя она уверяла, что он выдерживал бури и похлеще в Израиле – с морским ветром и градом.

– Балтика это тебе не Средиземноморье, – ответил на это Славик.

Они какое-то время шли под одним зонтом, но из-за этого зонта и дождя, заливающего все вокруг, всё равно ничего не было видно. Они решили вернуться домой.

Вокруг шли люди в дождевиках, которые Таня видела впервые. В Ташкенте так не одевались – там просто носили куртки и зонты. И в Израиле также. Славик ей объяснил, что в Питере дождь может лить неделю, все промокает под таким дождём. А дождевик очень удобен – снял его и ты сухой. Можно зайти в метро, в кафе и не сидеть в мокрой одежде.

Дома тётя Валя пекла пирожки, и они подсели к ней за маленький кухонный столик помогать. Танины ботинки сохли под окном. Зонтик пришлось выбросить. Они решили, что предпримут ещё одну вылазку ближе к вечеру.

– Кстати, если не хотите никуда далеко ходить, – проинформировал их дядя Саша, – сейчас вроде неплохая выставка в музее Фаберже.

Туда и отправились Таня со Славиком, когда после обеда дождь перестал лить. И хотя солнце так и не выглянуло в тот день из-за туч, они собрались и вышли на улицу.

Дорогой Славик рассказывал про свою работу. Таня слушала и кивала – всё это ей было очень интересно. Но ещё интереснее казался ей он сам. Иногда Таня поднимала голову и внимательно смотрела на своего друга детства. Ей хотелось проверить, много ли от прежнего Славика осталось в этом парне, который уверенно вёл её по улицам знакомого ей лишь по книжкам города. Он чувствовал себя здесь вполне своим, и Таня на какой-то миг даже позавидовала ему в этом. Она не могла похвастаться, что также смело чувствует себя в Израиле.

Выставка и в самом деле была великолепна. Знаменитые миниатюры поражали своим изяществом, и невозможно было поверить в то, что они были сделаны более века тому назад. Маленькие механические фигурки, роскошные помпезные украшения на знаменитых яйцах прославленных мастеров, поглотили всё Танино внимание. Она задумчиво кивнула Славиду, заглядевшись на маленькое креслице, отделанное золотом и инстурктированное драгоценными камнями, когда он поинтересовался, нравится ли ей здесь.

Целый мир открывался в этих залах музея – мир кропотливой и аккуратной работы, мастерства, передававшегося из поколения в поколение.

– Знаешь, – вдруг сказала Таня, – если и стоит что-либо делать в этой жизни, то именно так, с такой отдачей и таким старанием. Ты понимаешь, что они шагнули далеко за рамки своего времени?

– Да, – сказал он и молча смотрел в её горящие глаза.

– Что? – удивилась Таня. – Что ты так внимательно смотришь?

– Я очень рад, что тебе понравилось, – помолчав ответил Славик.

И они ещё какое-то время бродили по уютным залам этого удивительного места. Что-то невидимое летало над ними, как будто какая-то мысль, одновременно пришедшая к ним обоим вместе, ещё не совсем сформировавшаяся, но прекрасная в своем зарождении.

После они зашли в магазин шоколада, который был как раз по пути домой, и купили конфет. Позже, сидя на маленькой кухне Мариных, они пили с этими конфетами чай и рассказывали родителям Славика о музее.

Славик

На следующий день было воскресенье, и, подкрепившись с утра горячим чаем и маминым омлетом, они с Таней пошли гулять.

Это была смелая попытка, так как лёгкий морозящий дождь перешёл постепенно в целые потоки, нещадно заливающие всё вокруг. Уже ничего не было видно в этом дожде, и пришлось вернуться домой, чтобы обсохнуть и переждать ливень.

После обеда они пошли в музей Фаберже. Как же это посещение не походило на то, прошлое, когда Славик пригласил сюда Машу! Как и тогда, его заворожило богатое убранство комнат и продуманная роскошь экспонатов. Весь Петербург был в этом – таинственный, красивый и шикарный.

Но Славик оценил своё впечатление по-настоящему именно сейчас, когда пришёл сюда с Таней. Он смотрел в её горящие глаза и видел в них своё первое восхищение этим местом и этими работами, требующими огромного таланта и творческого вдохновения. Как будто это он вошёл сюда и застыл в немом восклицании. Он читал это же узнавание прекрасного в её взгляде на изящные миниатюры позапрошлого века.

И удивительная мысль посетила его. Он всё думал только о том, какие они разные, как по-разному они выражают свои эмоции. Ведь он всегда был так сдержан, скрывая своё несмелое чувство в страхе потерять её расположение. А Таня была всегда такая живая и непосредственная, всегда готовая говорить обо всём, что её беспокоит, не боясь быть неправильно понятой или непонятой совсем.

А здесь он увидел, что хотя чувства их выражались по-разному, они шли из одного источника. Это было приятное узнавание – узнать в другом себя. Так они и ходили по залам – Таня, всматриваясь, вчитываясь в краткие истории, описывающие создание очередного шедевра, и Славик, идущий за ней по пятам, как и раньше. Но в этот раз это не было слепое поклонение. Он смотрел на неё, как равный на равную. И это принесло ему небывалое, неиспытанное доселе облегчение, как будто спустя много лет он смог признаться самому себе во многом, от чего раньше бежал.

Выходит, он боялся и не верил, что они могут испытывать те же самые чувства – восторга, изумления, восхищения – и при этом оставаться разными, то есть самими собой. Быть похожими оставаясь каждый в своем отдельном мире – это было удивительное открытие этого вечера, которое они оба почувствовали и сумели пережить вместе.

Они вернулись домой с коробкой шоколадных конфет, купленных по дороге обратно, и долго делились впечатлениями. И родители Славика, сидя в кругу абажура, высоко подвешенного над кухонным столом, радовались за них и не узнавали своего сына, настолько он изменился за один вечер. Потом они разошлись по своим комнатам, чтобы дать возможность Славику лечь спать пораньше.

Наутро нужно было идти на работу. Славикина студенческая ставка означала, что он появляется на работе три дня в неделю. Он сразу попросил отпуск, как только узнал, когда приезжает Таня, но начальство попросило его задержаться ещё на пару дней – закончить проект, над которым они работали в последнее время.

Славик собирался, стараясь никого не разбудить, и только тут вспомнил, что дипломат остался в его комнате – той самой, где сейчас спала Таня. В дипломате была флешка с материалами последнего проекта и другие важные вещи.

"Чёрт! – подумал Славик. – И маму не хочется будить." Не может же он сам появиться у Тани. Мама могла бы сделать это за него. Но мама ещё спала.

Он подошел к двери в свою комнату и остановился. Может, постучать? Он осторожно постучал. Ответа не последовало, тогда он решился войти.

Таня спала, закутавшись в одеяло, она не услышала его стука, и у неё было такое сосредоточенное лицо, будто бы она во сне решала какую-то сложную задачу. "Да, я успел загадать тебе загадок," – подумалось Славику. – Не переживай, мы во всем разберемся". На цыпочках, стараясь не разбудить Таню, он неслышно подошёл к письменному столу, взял дипломат и так же неслышно вышел.

Таня

Наутро Таня проснулась в пустой квартире. Славик и Александр Михайлович ушли на работу. Валентина Васильевна оставила записку о том, что пошла за покупками и очень не хотела Таню будить.

Это было очень мило с её стороны. Она вообще не слышала их передвижений утром. Какие же всё-таки это интеллигентные, внимательные друг к другу люди!

Она нашла заваренный чай в чайнике на кухне, кстати, ещё не очень остывший, добавила себе кипятку, так как никогда не любила крепкий чай, и поняла, что этот день весь в полном её распоряжении. Она решила не ездить никуда далеко сегодня и не ходить в Эрмитаж одной. Она просто пройдёт по улочкам, а потом вернётся и позвонит маме. Ведь ей было что рассказать.

На улице было прохладно. Таня задумчиво шла по городу, разглядывая спешащих прохожих и вспоминая, как давно она не позволяла себе эту роскошь – просто бесцельно брести, давая себе разобраться, что же творится у неё в голове, что занимает её мысли и волнует её душу.

Таня подумала, что папа был прав, и свежий северный ветер действительно остудил её перегретую южным солнцем голову, и привёл в порядок сознание, помогая видеть глубже и не забывать спрашивать своё сердце при каждом решении.

Её сердце всегда было её самым верным союзником. Оно выбирало, с кем дружить, а кого опасаться. Почему же, встретив Лёшу, она заставила его замолчать? Когда она решила, что её избранник настолько идеален, что его поступки даже не обдумываются и не обсуждаются глубоко внутри? Почему она смирилась с решением быть с ним, как будто всё уже было предугадано и нельзя было ничего передумать?

Не потому ли, что другой пример всегда стоял перед её мысленным взором – другой мальчик, внимательный и верный, слушающий её и слышащий каждое слово. Но, видимо, нужно любить сильнее, чтобы иметь смелость не осуждать, всё терпеть и всё прощать.

Значит, её любовь была ненастоящей, и Таня так долго обманывалась, что стала бояться проснуться от этого сна? Или просто любовь со временем проходит? А прошла ли она у Славика? А была ли она вообще?

Ей опять казалось, что всё она придумала. Он просто очень хороший и внимательный друг, поэтому так легко представить, что он влюблён в неё. Да он и не может быть влюблён в неё – он же встречается с Машей!

И опять досада овладела Таней, оставляя неприятный горький привкус на языке. Не будет же она, в самом деле, стараться привлечь внимание Славика сейчас, когда у него есть девушка. Маша так подходит ему: такая же целеустремленная, современная. Они даже смотрятся вместе хорошо, как-то правильно – оба высокие, деловые, решительные. Именно такая девушка Славiku и нужна, а не мечтательница Таня. Он сделал свой выбор.

Очень странно, но Таня поняла, что за последние несколько дней совсем не вспоминала Лёшу, как будто бы и не было их отношений, сложных и напряжённых, когда каждый пытается убедить друг друга и себя в их целесообразности, в глубине души не до конца веря в это. Наверно, ей просто было жалко потраченных на эти отношения времени и сил, поэтому она до конца не мог-

ла поверить, что их дороги не ведут к одному совместному пути, а неумолимо расходятся, как ни старайся они держаться намеченной тропки.

Как ни странно, она испытала от этого невероятное облегчение, как будто долго несла непосильную ношу, и обрадовалась, узнав, что эта жертва ни к чему. Не надо больше стараться понять, чем грозят ей эти насупленные брови, эти напряжённо сжатые губы, и этот незнакомый взгляд, так пугавший её всегда.

Неуловимое чувство нарастало в её душе, как будто сердце, которому тесно стало в груди, ширилось и распускалось где-то прямо в центре её существа большим красным цветком, и от этого взор затуманивался, всё шло вокруг красными пятнами. И только одна мысль зарождалась в голове: "Может быть, я и опоздала и упустила своё счастье, но вот дано же мне это невероятное прозрение через столько лет! Для чего же оно мне дано? И какое это счастье, видеть его ещё несколько дней!".

Таня и сама испугалась и этого нового чувства, и этих мыслей. Она ещё только успела подумать, что это прозрение дано ей в наказание, из-за того, что она так долго не замечала Славика, поэтому оно к ней пришло именно тогда, когда он её уже забыл и обзавелся другой девушкой.

И тут она вышла к Неве... Небо ещё было свинцовым, и ветер гнал вдоль реки облака, но на другом берегу уже золотились крыши, и Таня вспомнила, что завтра Славик обещал пойти с ней покататься по Неве и каналам. И этот простор, и это плавное движение воды вдруг по-новому отозвались в ней.

Она честно спросит его, как он относится к ней. Они всегда могли сказать другу другу всё что угодно! "Выясняется, что это ты могла сказать ему всё, что угодно, а он долгие годы носил в себе мечту, которой не мог с тобой поделиться", – шепнул Тане внутренний голос, и она закусил губу от отчаяния.

Нет, не могла она сейчас вот так появиться посреди жизни этого человека и потребовать от него объяснений. Они уже не дети, у него своя жизнь, а у неё – своя. Не может она бросаться ему на шею, ведь он уже не один. Он долго ждал её, и она сама всё испортила, всё забыла, оставила его, а теперь явилась, и хочет, чтобы он ради неё менял свой привычный уклад.

Невесёлые мысли бродили в Таниной голове, и природа как будто вдруг отозвалась на её настроение, и мелкий, унылый дождик начал моросить, оставляя на воде маленькие следы капель, расходящиеся в круги, которые тут же исчезали, их уносило очередной волной, и Таня медленно двинулась обратно по направлению к дому, который её приютил.

По дороге, уже шагая по Невскому к улице Марата, она увидела высокое торжественное здание армянской церкви, и, пройдя между домами, за которыми та пряталась, поднялась по ступеням в бело-голубую обитель и села на скамью подумать.

Тане всегда нравилось посещать храмы. Какой-то таинственной торжественностью веяло из их монументальной глубины. Она вспомнила церковь святого Петра в Яффо, куда приходила не раз, особенно когда там шли мессы на испанском. Таня ещё в Ташкенте начала учить этот красивый певучий язык.

Как непохожи были эти два сооружения. Армянская церковь в Питере выглядела просторной и основательной снаружи, и оказалась уютной и какой-то по-домашнему камерной внутри. Церковь же святого Петра, благодаря башен-

ке, пристроенной сбоку, казалась летящей вверх и изящной, а на поверку сразу же за входными дверями, в глубину простирался роскошный зал со скамьями по обе стороны от центрального прохода.

Вернувшись к Мариным, Таня застала Валентину Васильевну за разгадыванием кроссворда. Повесив куртку высухать, Таня подседа к тётке Вале на диван в зале. Какое-то время они вспоминали вдвоём, как звали самую младшую сестру Скарлетт из "Унесённых ветром", а потом оставили кроссворд, зажгли уютную лампу с большим абажуром и сели вспоминать ташкентскую жизнь.

Осень – самое лучшее время для воспоминаний. Серым сентябрьским вечером, когда ещё далеко до радостей зимы, вспоминается недавно проведенное лето, нагретое солнцем и высушенное ветром. События весны ещё живы в памяти и сама природа, роняя с деревьев жёлтые листья, предлагает с ними проститься всем тем, кто видел, как они зеленели весной.

Но в этот раз, сидя на диване с уютно поджатыми под себя ногами, обе закутавшись в плед, две женщины – молодая и зрелая – обсуждали того, кто был им особенно дорог – друга и сына. И каждой казалось, что уж она-то знает о нём всё. Но коварно человеческое восприятие, ведь оно заставляет нас видеть мир в лучах нашего собственного прозрения. А не вовремя прозрел – и потерял нить, тянущуюся к реальности, пропустил суть событий!

Так и Тане, по-новому взглянувшей на свою, такую, казалось бы, понятную жизнь, всё теперь виделось в новом свете.

Они вспоминали, как Таня и Славик, маленькими, выступали в детсадовских постановках, и как Таня, озвучивавшая куклу-марионетку, которую держала в высоко вытянутой над ширмой руке, вдруг запуталась в этой самой кукле. И ей, пятилетней, на выручку пришла тётка Валя, сидевшая близко к самой ширме и улыбающаяся этому детскому голосу, который уверенно произносил реплики своего персонажа.

Потом вспомнили, как Таня со Славиком, участвуя в местном выступлении "Что? Где? Когда?" вывели группу своего класса в финале победителями.

– Это, конечно, заслуга Славика, – сказала Таня, с восхищением вспоминая его великолепную реакцию, его живое воображение и смекалку, послужившие им поддержкой в той игре.

– Танечка, ты тоже молодец! Сколько вопросов по теме искусства ты тогда расщёлкала, как орешки! – отдала должное тётка Валя своей любимице.

Она всегда интересовалась их школьной жизнью и была в курсе всех новостей.

Наконец, был задан главный вопрос, который волновал их обеих с того времени. Валентина Васильевна, внимательно глядя на Таню спросила:

– Таня, вы со Славиком были так дружны всегда, так что же заставило тебя пересесть от него тогда?

Таня замерла, хотя ждала этого вопроса. Ведь она и сама думала над ним в последнее время.

– Тётка Валя, понимаете, я тогда думала, что мне очень нравился Артём.

– Артём? Да, я помню его, он был очень сообразительный и симпатичный мальчик.

– Да, он сейчас живет в Москве, работает экономистом в какой-то фирме.

– И вы продолжаете общаться?

– Нет, я как-то писала ему, но он ответил один раз, а больше не возобновлял

общение. Кажется, он скоро женится.

О скорой женитьбе Артёма сообщал его статус в Фейсбуке. Таня правда пока ещё не знала, кто станет его избранницей. Она давно не следила за событиями в сети, просто видела, что значки с оттопыренным большим пальцем сыпались, как грибы из лукошка, в ленте друзей на новый статус Артёма, пока переписывалась со Славиком перед поездкой. Таня вспомнила об этом сейчас совершенно случайно. Потом вернулась мыслями в настоящий момент.

Тётя Валя задумчиво посмотрела на Таню, и та вдруг быстро опустила глаза и отвернулась. Глядя в сторону, на их тени, начинающие появляться на белой стене, она сказала тихо:

– Понимаете, я всегда думала, что мы со Славиком друг другу не подходим. И нахмурилась.

Тётя Валя помолчала минуту, а потом снова взглянула на Таню и спросила так же тихо:

– А что ты думаешь сейчас?

Целая буря чувств, дремавшая все эти дни после странных происшествий, начиная с внезапного появления Маши и заканчивая её собственными размышлениями сегодня, поднялась и смешалась с новой волной отчаяния.

– А сейчас я думаю иначе, – успела сказать Таня.

Тут раздался звук поворачиваемого в замке ключа, входная дверь открылась, и Александр Михайлович, с зонтиком в руке возник на пороге.

– Опять дождь моросит! А обещали бабье лето! – сказал он весело, вглядываясь в их серьёзные лица. – А чего вы тут скучаете?

– Да мы не скучаем, мы Ташкент вспоминаем, Саша, – как будто встряхнувшись, сказала тётя Валя, встала и пошла поцеловать его в щёку.

И дядя Саша, заметив, что явился неожиданным посреди разговора, махнул рукой:

– А, так вспоминайте! Я не буду вам мешать. Сейчас вот чаю горячего сделаю и пойду играть в шахматы.

Он играл в шахматы с другом в интернете.

– Да нет, скоро Славик вернётся, ужинать будем, – ответила тётя Валя.

На этом разговор был окончен, но обе они почувствовали, что какая-то недосказанность повисла в воздухе.

Таня пошла переодеться в комнату Славика. Уже оттуда она услышала, как он тоже вернулся домой.

Они сели ужинать и весело болтали, как раздался звонок в дверь. Почему-то Таня подумала, что это должна быть Маша. А ещё у неё в голове пронеслось, что зря она придумала всю эту историю про себя и Славика, ведь она невольно задела Машины чувства. Должно быть, Маша ревнует, а это уже нехорошо. Не за тем Таня приехала сюда, чтобы ссорить кого-то или претендовать на отношения, которых нет.

Таня оказалась права. Маша в шикарном коротком бархатном платье зашла, блестя помадой и крупным белым жемчугом вперемежку с золотыми цепочками.

Она приглашала их со Славиком на интерактивную выставку Айвазовского в «Этажах», и Таня сначала хотела сказать, что не пойдёт, она не хотела им мешать. С её приездом, она заметила, Славик не выходил никуда с Машей вдвоём, и вряд ли Маша была за это Тане благодарна. Но что-то было в глазах и ин-

тонации Славика, когда он уговаривал её пойти, что изменило её решение.

И они пошли втроём. Ах, как это было здорово – снова очутиться с ним в красивой галерее да ещё рядом с полотнами Айвазовского! Были мгновения, как это, когда она ничего не видела вокруг, что напомнило ей время, когда они вместе ходили куда-нибудь давно, ещё в Ташкенте. Они обсуждали картины, и Славик снова наклонялся к ней, если рядом было шумно, и она видела очень близко его тёмные серьёзные глаза. Ах, почему она тогда не влюбилась в него, когда нравилась ему, если, конечно, он и правда был в неё влюблён... В такие моменты она снова начинала верить, что всё так и было на самом деле, как они с Лизой тогда подумали.

Лиза, обязательно нужно ей позвонить! И Жене! Может, она сможет к ней приехать, и тогда они смогут встретиться, ведь они так долго не виделись! И маме она хотела позвонить сегодня.

Волшебство внезапно закончилось, когда Маша позвала их познакомиться с невысоким абсолютно лысым человеком лет сорока. Он выглядел очень эффектно в светло-сером костюме и чёрной рубашке и улыбнулся, когда взглянул на них и узнал Машу.

– Знакомьтесь, это – Николай Алексеевич Микрюков, мой новый знакомый, а это Вячеслав Александрович Марин, мой жених, – громко сказала Маша и повернула голову в Танину сторону.

Слабая улыбка промелькнула на Машином лице.

И в эту минуту весь мир перевернулся для Тани. "Жених! Вот оно что!" – подумалось ей. И ещё, «как странно называть такого ещё не старого человека по имени-отчеству».

Маша со Славиком куда-то сразу же отошли. Таня растерянно проследила за ними взглядом.

Она не расслышала, о чём спросил её новый знакомый, кажется, поинтересовался, имеет ли она отношение к искусству. Тогда он прищурился и шагнул ближе к ней, повторяя свой вопрос. Таня была как в тумане. Она ответила, что да, обучалась живописи ещё в детстве, а позже посещала курсы при Еврейском университете в Иерусалиме. Они поговорили ещё какое-то время о выставке. Он даже вежливо спросил, рисует ли Таня до сих пор. Та отвечала автоматически что да, иногда рисует для себя или друзей. Всё время разговора Микрюков смотрел Тане прямо в глаза. Мысли её были сейчас далеко. Она беспомощно взглянула на своего собеседника, боясь, что выражение её лица выдаст её смятение. Как бы повинувшись этому быстрому взгляду, он нагнулся ещё ближе к ней. Тане показалось, будто он хотел сделать какой-то жест, может, взять её за руку, но вместо этого он протянул ей свою визитную карточку и попросил Танину. На что ей пришлось признаться, что таковой у неё нет. Тогда Микрюков просто записал её номер телефона в свой.

– Татьяна Владимировна? – переспросил Микрюков её имя.

– Вы можете звать меня просто Таня. Так будет удобнее.

Возможно, они ещё продолжили бы разговор, так как Николай Алексеевич в свою очередь тоже собирался рассказать, чем он занимается. Но в эту минуту вернулась Маша, и они отошли обсуждать какие-то дела.

С Машей вернулся Славик. Таня не могла на него смотреть, хотя даже самой себе не могла бы объяснить почему. В конце концов, он ей ничего не обещал, у него есть невеста, а Таня была для него первой школьной любовью, ко-

торая окончилась вместе с её отъездом из родного города.

Потом она всё-таки посмотрела на него. Кажется, Славику тоже было неудобно, что она узнала их тайну.

– Таня, я давно должен был тебе все объяснить, – серьёзно глядя ей прямо в глаза, сказал Славик.

Но это было уж слишком, и Таня твердо, насколько могла, успокоила его, сказав, что он не обязан давать ей никаких объяснений.

Остальное она уже плохо помнила. Они не задержались долго в галерее. Придя домой, Таня сразу же пошла в душ и спать. Но она не спала. В голове прокручивались события сегодняшнего вечера. Слезы текли из глаз на подушку от разочарования и обиды на саму себя. Поскорее бы уснуть! И Тане пришлось самой себя уверять, что это очень глупо, так переживать. Завтра будет новый день. Славик обещал взять её кататься по реке и каналам. Они всё равно останутся хорошими друзьями. Она должна быть рада за него, что он нашёл свое счастье, ведь она была так невнимательна к нему, когда он был в неё влюблён.

Но сон не шёл, захотелось пить. Таня так поторопилась скрыться за дверью спальни Славика, что не взяла с собой стакан воды, как раньше всегда делала. Она решила сходить на кухню.

Открыв тихонько дверь, она бесшумно проскользнула мимо спящего на диване в зале Славика. Её планом было зайти на кухню и только потом включить свет, чтобы не разбудить его. Но по дороге послышался шорох с дивана, и Славик шёпотом окликнул её.

Паника охватила её, когда он собрался идти на кухню вместе с ней. О, Боже! Появиться перед ним в пижаме и с заплаканными глазами! Нет, только не это! Но не пойти уже было невозможно. Славик вылез из-под одеяла, и она была вынуждена пойти за ним.

Он включил свет. Таня не поднимала глаз, хотя это было глупо, потому что он сразу догадался, что она плакала. Он снова попытался с ней заговорить, извиниться и объясниться. Но Таня не дала ему этого сделать. Ей и так было неудобно за своё отчаяние. Именно оно заставило её выдать свои чувства. А Славик ничем не обязан ей. Это она должна извиняться перед ним и Машей. К счастью, этот разговор удалось скоро прекратить, и они снова разошлись, договорившись завтра о прогулке.

Вернувшись, Таня быстро легла и уснула. Наверно, сказала усталость, вызванная напряжением этого дня, когда от отчаянной надежды на взаимность она ухнула куда-то вниз в такое же отчаянное разочарование. Неужели, она не видела, как эти двое любят друг друга? Ведь они так друг другу подходят! Завтра всё будет по-другому, пора примириться с реальностью и перестать ожидать от людей того, что они будут проживать её мечты.

Славик

В обед он позвонил домой с работы. Трубку телефона взяла мама и попросила купить хлеба на обратном пути.

Ближе к концу рабочего дня позвонила Маша. Она ворковала про новую выставку в "Этажах". Приглашала его, а в конце добавила, что и Таню можно позвать с собой.

Славик усмехнулся. После посещения музея Фаберже вместе с Таней, он не мог себе представить, как пойдет с ними обеими в "Этажи".

Он потёр рукой лоб. Весь день между обсуждениями завершающегося проекта и послеобеденным кофе с коллегами он вскользь думал о Маше, о том, что ему придётся с ней поговорить и объяснить ей то, что становится неизбежным. И дело даже не в Тане, вернее, не только в ней. Дело в том, что Славик всё яснее видел, кто он рядом с Таней и кто он, когда Маша вытаскивает его на вечеринки своих друзей.

За последние два дня он лучше понял самого себя, заново переоценил свою жизнь и людей в этой жизни.

Маша была как интересная обложка в новой книге, которую он с упоением читал. Он только переехал в Питер, когда познакомился с ней. Всё манило его и казалось интересным. Учёба, работа, сам город с захватывающей историей, стариной, красотой. Маша как будто проезжала мимо и позвала его прокатиться по этим улочкам вместе с нею. Но недавно он понял, что предпочитает пешие прогулки.

Он молча слушал её звеневший в трубке голос, ловя в нем несвойственные ей нотки неуверенности и сомнения. Наконец, она спросила:

– Ты меня слушаешь?

– Да, конечно.

– Так как? Выйдем сегодня в свет?

При этой фразе ему вспомнилась её привычка торопиться перед выходом, куда бы они ни шли. Так как Маша была порывистой, творческой натурой, то она ни одно дело не могла закончить спокойно, особенно когда сознание собственной неотразимости и значимости охватывало её при мысли о том, кто же будет на вечере, куда они идут.

– Понимаешь, – говорила она, – мне, как начинающей владелице своего собственного бизнеса, очень важно внимание в современном обществе. Ведь я вложила в это дело весь свой капитал!

– Я думал, что деньги на открытие этого бизнеса тебе дали родители, – припомнил Славик как-то раз после очередной Машиной тирады.

– Это не важно! Они только помогли мне поначалу. Послушай же, с кем я тебя сегодня познакомлю!

То на званном вечере оказывался лектор её института, и Маше нужно было произвести выгодное впечатление, чтобы добиться от лектора приглашения на какое-то дизайнерское мероприятие "для своих". То она узнавала от хозяев сборища, что в гостях будет какой-то руководитель стартапа, открывающего офис на Невском, и Маше обязательно нужно было разрекламировать свои услуги так, чтобы богатый потенциальный клиент даже не вздумал обратиться куда-то ещё.

В общем, её сборы всегда сопровождалась громкими объяснениями истин-

ной цели их визита.

– Все эти банкеты – для отвода глаз! Нужен лишь повод, чтобы свести вместе полезных друг другу людей.

– Я думал, что тебе действительно нравится современная фотография.

– Конечно нравится! Как она мне может не нравиться, если следующую выставку этого фотографа я хотела бы обустроить сама! Он становится очень популярным.

Поначалу Славика не тревожили эти диалоги. Он даже гордился тем, что она такая современная, умная, знающая, к чему стремится. Но постепенно это стало напрягать, так как вместо того, чтобы спокойно общаться с людьми, с которыми она его знакомила, он должен был играть роль некоего партнёра для подачи нужных реплик в погоне за желаемым впечатлением.

– Послушай, когда я сегодня представлю тебя Маргарите Ройтман, ты обязательно должен упомянуть о том, что я занята весь месяц.

– Ты же только вчера говорила, что вы уже неделю ничего не получали!

– И не получим таким макаром! А у Маргариты Вадимовны, между прочим, своё агентство недвижимости. Ты представляешь, сколько заказов можно получить на её съёмные квартиры? А скольким покупателям она может меня порекомендовать?

Славик молчал. Он не представлял этого всего. Со временем же он начал понимать, что эта наигранная презентация успеха наскучила ему. Он задавал себе вопрос, а не для того ли он зван на очередную вечеринку, чтобы продемонстрировать собравшимся, что Маша встречается с интересным молодым человеком, подтвердить её способность находить "нужных" людей и создать общее впечатление незыблемого благополучия.

Все эти соображения ещё раз прошли перед его мысленным взором теперь. "Ну что ж, – промелькнуло у Славика в голове, пока он слушал щебет в трубке, – тем лучше".

– Послушай, – сказал он устало, – я не знаю, захочет ли Таня идти. Я ещё пока не собирался ехать домой. Знаешь, нам нужно серьёзно поговорить. Я могу к тебе приехать на днях.

– И поговорим! – заключила довольная Маша.

Настроение у её резко изменилось на положительное.

– А пока я вас приглашаю. Кстати, на выставке должен быть Микрюков!

– Кто? – не понял Славик.

– Микрюков! Я тебе о нем говорила.

– Может быть. Я не помню.

– Ну, какой ты невнимательный! Николай Алексеевич Микрюков открывает недалеко от Лиговки бар. Насколько я знаю, он ищет дизайнера для нового помещения.

– А, понятно, – без энтузиазма ответил Славик.

Он мучительно соображал, как отвертеться от этого "заманчивого" предложения.

– Послушай, мне нужно сначала поговорить с Таней. Может, она ещё и не захочет идти.

– Ну, если не хочет, то не надо её заставлять. Мы можем потом её ещё куда-нибудь позвать.

Это "мы" как-то покорило Славика и он невольно поморщился, когда

вновь представил их втроём. Похоже, Маше даже не приходило в голову, что он тоже не хочет идти.

– Послушай, ещё ничего не решено. Я не могу оставить Таню. Всё-таки она моя гостья. Я приеду домой и оттуда тебе перезвоню. А сейчас мне надо идти. – соврал он.

Рабочий день все равно уже подходил к концу, они успели всё закончить за сегодня, поэтому Славик и правда собрался домой. Он натянул пиджак и, взглянув в окно на серое небо, подумал, что впору бы уже надевать куртку, особенно по вечерам, и поехал домой.

Дома все уже были в сборе. Он поймал мамин тёплый взгляд, поцеловав её в щёку. Мама была чем-то довольна. Папа вышел к ним.

– Ну, что, отпустили тебя в отпуск?

– Отпустили, папа.

На столе стояла миска салата, мамины вкусные драники и куриные ножки, запечённые в духовке. Дома было так тепло и уютно, Таня рассказывала папе, что была в армянской церкви, они садились ужинать вместе, и Славику подумалось, что он никуда не хочет сегодня выходить из дома.

Звонок в дверь раздался неожиданно. Все перестали жевать и переглянулись.

– Кто это может быть? – поинтересовался папа.

Славик пожал плечами и пошёл открывать. Чувство дежавю охватило его. Кажется, ситуация повторялась – ужин, звонок в дверь. Не хватало ещё, чтобы это была Маша. Но это не могла быть она. Он ещё не успел ей позвонить.

Славик открыл дверь и замер на пороге. Это действительно была она!

– Привет! – Маша с налету чмокнула его в щёку. – Я решила за вами захватить.

Она лучезарно улыбалась и помада на её губах засияла, когда он включил в прихожей свет. Короткое бордовое платье не прикрывало колени. На шее, кроме длинной нитки крупного белого жемчуга, висело ещё с полдюжины всяких мелких цепочек. Такого стремительного поворота событий Славик не ожидал.

– Подожди, мы так не договаривались! – он изумленно смотрел на неё.

– Знаю, но я тут подумала, что зря время терять на звонки.

Маша снова улыбнулась и заблестела помадой.

Ему пришлось проводить её к столу, где сидели удивлённые не меньше него самого родители и Таня. Впрочем, папа не растерялся и принес Маше стул. Мама хотела пойти за тарелкой, но Славик усадил её обратно, сказав, что сам принесёт. Таня кивнула в ответ на Машино приветствие, адресованное всем присутствующим.

Наконец, все расселись по местам, и Маша стала объяснять цель своего приезда. Она больше обращалась к Тане:

– Мы со Славиком решили ввести тебя в местное общество. Видишь ли, моя карьера требует посещения всяких мероприятий. Это очень помогает бизнесу.

Таня молча слушала её.

– Таня, – обратился к ней Славик, – Маша решила пригласить нас на интерактивную выставку картин Айвазовского. Я сам ещё час назад ничего не знал. Выставка должна быть неплохая, и место очень интересное. Если ты не хочешь, мы можем не идти.

– Ну, почему, – ответила Таня, глядя прямо на него своими большими серьёзными глазами. – Я с удовольствием с вами схожу.

Они доели, и она пошла переодеться. Потом вышла в коричневых в клеточку брюках, слегка расклешённых книзу. Этих брюк Славик ещё не видел. Бледно-розовая блузка с тонким кружевом по вороту дополняла её наряд. Волосы были собраны высоко в хвост, но их длины хватало, чтобы рассыпаться по плечам и, как будто пышной мантильей, закрыть почти всю спину. В ушах были вдеты розовые серёжки-бабочки. Они слёгка звякнули, когда она повернула голову, наклонившись за жакетом.

– Таня, – сказал Славик, откашлявшись – на улице уже прохладно. Лучше надеть куртку.

– Да? – переспросила Таня. – Ну хорошо.

Она снова скрылась в его комнате.

Маша молча наблюдала за этой сценой.

Когда они приехали, то обнаружилось, что в знаменитом лофте на Лиговском было довольно много народу. Оказалось, что это был первый день выставки.

Они только вошли, а Маша уже улыбалась и протягивала руку невысокому дяденьке с самой настоящей трубкой, который несмотря на свою бороду, чем-то напомнил Славику Василия Ливанова в фильме "Шерлок Холмс и доктор Ватсон". Славик не преминул шепнуть об этом Тане, пока они познакомились. Они тихонько рассмеялись, и вечер начал казаться не таким уж скучным.

Они охотно здоровались со всеми, кому представляла их Маша, но всё теперь было по-другому. Раньше Славик скучал в подобном обществе, ведомый Машей из угла в угол, знакомясь с нужными ей людьми. Теперь с ним была Таня, а значит, всё было иначе. Серёжки-бабочки взлетали вверх, когда Таня поднимала к нему голову. И он снова мог наклоняться к ней, когда было шумно, чтобы расслышать, что она говорит.

Вокруг на стенах висели мониторы с изображениями работ знаменитого художника-мариниста. Они поминутно переключались, показывая те или иные детали. Удивительно реалистичные, наполненные светом картины. Был там и портрет самого мастера.

Они остановились возле этого портрета, и Таня сказала:

– Надо же, а я совсем не помнила, как он выглядит.

Славик вынужден был сознаться, что тоже не помнил этого. С этой минуты привычный питерский мир перестал для Славика существовать, зато вспомнилось знакомое чувство, охватившее его при посещении музея Фаберже. Чувство какой-то общности и взаимопонимания.

Таня заметила, что потоки воды с лодки на знаменитой картине "Девятый вал" очень похожи на сосульки. Славик присмотрелся и подтвердил, что да, действительно похожи! Они переглянулись, как сообщники.

В это время Маша тронула его за рукав:

– Ну, где же ты потерялся? – В её взгляде был укор.

Славик ещё не успел сообразить, в чем провинился, а она уже тащила его куда-то, сладко улыбаясь. Помада снова заиграла на её губах. Славик только огляделся, чтобы не потерять из виду Таню, как Маша внезапно остановилась. Он по инерции шагнул дальше, и чуть не натолкнулся на неё. Таня увидела их и поспешила за ними. Она уже поравнялась со Славиком, и он взял её под ру-

ку, чтобы не потерять в толпе появившихся как из ниоткуда людей. Они все толпились возле невысокого молодого лысого мужчины, чем-то напомнимшего Славику Фёдора Бондарчука.

– Добрый вечер, Николай Алексеевич! – продолжая улыбаться, сказала Маша.

Николай Алексеевич обернулся и посмотрел на их троицу.

– А, Мария! Очень рад Вас видеть! Вы сегодня с друзьями, – он поклонился Тане и протянул Славику руку. – Очень приятно, Микрюков.

Славик не успел назваться. Он только удивился, что такого молодого человека Маша назвала по имени-отчеству. На вид Микрюкову было около сорока. Маша опередила его. Стрельнув в Славика глазами, она громко произнесла:

– Знакомьтесь, Николай Алексеевич, это Вячеслав Александрович Марин, мой жених.

Повисла неприятная пауза, которую Микрюков не заметил. Зато сердце у Славика упало куда-то вниз, как будто враз ухнуло и осталось где-то на уровне желудка. Он быстро взглянул на Таню. Она подняла на него серьёзные внимательные глаза и высвободила локоть своей руки, который он до этого так крепко сжимал.

– А это, – продолжала тем временем Маша, – Татьяна, наша заграничная гостья из Израиля.

Микрюков с интересом посмотрел на Таню. Он снова наклонил голову в приветствии:

– Очень рад знакомству. А Вы тоже занимаетесь искусством?

– Совсем немного. Я брала несколько курсов в Еврейском университете в Иерусалиме, – тихо ответила Таня.

У Славика где-то в затылке неприятно продолжала пульсировать мысль: "Что она ещё сегодня выдумала? Надо как-то объяснить всё Тане". Он посмотрел на Машу. Она кинула ему в ответ торжествующий взгляд. И потихоньку в нём стала закипать злость.

Поняв, что Микрюков всерьёз занял Таню расспросами о том, что именно она учила, Славик схватил Машу за локоть и потащил к окну, где никого не было.

– Ты с ума сошла? – зашипел он в ярости. – Я тебе, кажется, никакого предложения не делал!

– Славочка, не волнуйся! Я знаю, что секреты выдавать нехорошо, но к чему нам формальности! Мы-то и так знаем, что наше дальнейшее будущее – дело решённое.

Он в изумлении глядел на неё, но Маша уже увидела, что Микрюков оглядывается и ищет их, и устремилась к нему обратно. Славик быстро пошёл за ней, и встал рядом с Таней. Таня не смотрела на него, и это было хуже всего. Маша с Микрюковым смеялись какой-то шутке. Славик видел, как Маша нацелилась на того цепким взглядом, и понял, что сейчас она начнет спрашивать о самом главном – открытии бара на Лиговке.

– Таня, – быстро сказал Славик, – нам нужно поговорить.

Таня в ответ как-то апатично взглянула на него.

– Понимаешь, – продолжал Славик, – мне давно нужно было тебе всё рассказать. Извини, что я сразу же этого не сделал.

Таня продолжала спокойно на него смотреть. Помолчав, она ответила:

– Славик, ты ничего мне не должен объяснять. Я и так всё понимаю.

В эту минуту Микрюков с Машей опять оглянулись, ища их глазами, и Тане со Славиком не оставалось ничего другого, как присоединиться к ним.

По-видимому, Маша была очень довольна произведенным на Микрюкова впечатлением. Ещё какое-то время они продолжили светскую беседу ни о чём, а затем решили расходиться. В машине Славик и Таня молчали. Маша, подвожившая их до дома, оживлённо рассуждала на тему будущего грандиозного проекта. Она уже договорилась с Микрюковым о дальнейшей встрече и мало обращала внимания на встревоженные лица своих спутников.

Наконец, она остановила машину. Таня со Славиком поспешно вышли.

– Я позвоню тебе, – бросил Славик на прощанье.

В молчании они поднялись на третий этаж.

– Таня, давай посидим на кухне, чаю попьем. Мы хотели с тобой поговорить.

– Ты знаешь, я уже устала, спать хочу. Давай поговорим завтра.

Он молча кивнул. Таня быстро сходила мимо него в душ и обратно, а потом закрыла за собой дверь его комнату.

"Чёрт!" – пронеслось в голове у Славика – "Как всё глупо вышло!"

Он лёг, выключил свет и понял, что очень устал за этот день. Уснул он практически мгновенно. И так же внезапно проснулся. Какой-то шорох почувствовался ему. Было ещё темно. Чего же он проснулся так рано? Славик перевернулся на другой бок. Он увидел темнеющий прямоугольник окна. Вот дверь в его спальню медленно открылась, и Таня появилась на пороге. Значит, она не спала. Светлея в темноте пижамой, она шла мимо него.

– Таня, – шёпотом позвал он её, – ты куда?

Она остановилась. В темноте не было видно лица.

– Я иду попить воды, – так же шёпотом ответила она.

– Подожди, я с тобой.

– Извини, я не хотела тебя будить.

– Всё в порядке, я сам проснулся.

Она едва слышно вздохнула и прошла за ним на кухню. Славик, только закрыв дверь, чтобы не разбудить родителей, включил свет.

Таня стояла и наливала из термоса воды. Мама всегда заливала в термос воду на ночь. Она также заваривала шиповник, и они пили этот вкуснейший душистый напиток на завтрак и в обед.

Таня стояла, не поднимая на него глаз. Он подошел ближе и понял почему. Глаза у неё были заплаканы.

"Чёрт!" – в который раз за сегодняшний вечер подумалось ему.

– Таня, – сказал он негромко, – давай уж поговорим, если мы всё равно не спим.

Она стояла у него на кухне в пижаме какого-то нежного цвета. Пижамы была отделана какими-то кружавчиками, и на груди виднелась вышивка, от которой он отвёл взгляд. Она стояла с распущенными вьющимися волосами, и он понял, что давно не видел её с распущенными волосами, наверно, ещё со школы. В универ она всегда заплетала косичку или делала хвост. Вчера у неё тоже был хвост, высоко поднятый на затылке, и все равно волосы закрывали почти всю спину. Сейчас они спадали ещё ниже.

Она подняла на него расстроенные глаза, в которых он сразу же утонул, по-

тому что это было как в тех далёких школьных снах, когда он только-только понял, как сильно она ему нравится.

Но это был уже совсем бред, и Славик прекрасно это понимал. Усилием воли он вынырнул из этих глаз и уселся на табуретку. Он спал в пижамных штанах и футболке, а встав, натянул тапочки на босые ноги. В футболке и босиком было холодно всего минуту назад, но теперь вдруг стало жарко.

– Таня, давай я всё тебе объясню. Я вовсе не хотел, чтобы всё так получилось.

Она снова посмотрела на него. Вид у неё был очень жалкий. Он не мог позволить, чтобы у неё был такой вид! И подумать только, он сам во всем виноват! Не нужно было идти на поводу у Маши, ведь он давно её знает. Она не успокоится, пока всё не будет так, как она того хочет.

Как быстро всё случилось! Приедь Таня через месяц, он уже расстался бы с Машей, и всё было бы по-другому. "А что тебе мешало расстаться с ней месяц назад?" – шепнул ему его собственный недовольный внутренний голос. Славик тряхнул головой. Он действительно был во всём виноват сам. Фигаро, как и говорил папа.

– Славик, – спокойно сказала Таня, – ты не обязан передо мной ни в чём отчитываться. Я и сама вижу, что Маша довольно неуютно чувствует себя в моём присутствии, как будто я заявляю на тебя свои права. Я тоже не хотела, чтобы так получилось. У вас своя жизнь, вы вот женитесь скоро.

Славик изумлённо смотрел на неё. У него даже рот приоткрылся от удивления.

– Нет, ты всё не так поняла. Я вовсе не собираюсь на ней жениться! – Выпалил он.

– Не собираешься? – Таня недоверчиво смотрела на него, как будто плохо понимая, что происходит. – В любом случае, это ваше дело, – вздохнула она. – И я ни в чем не хочу вам мешать. Поздно уже. Извини, что я тебя разбудила. Пора спать.

При этих словах она повернулась к двери. И Славiku ничего не оставалось, как встать и пойти за ней. Они вышли из кухни. Славик придержал перед Таней дверь, стремительно соображая, во что умудрился вляпаться. Впереди его ждала перспектива долгих и неприятных объяснений с Машей, и нужно заняться этим безотлагательно, пока она не рассказала всем об этой выдуманной женитьбе. Утром они с Таней собирались погулять. А вечером он съездит к Маше и объяснится раз и навсегда.

Таня

Утро на следующий день выдалось ясное и солнечное. Таня подошла к окну и увидела ворон, клюющих что-то на крылечке соседнего здания. Окна её спальни выходили во двор, а сверху было голубое небо с едва заметными белыми облаками. "Бабье лето, как и обещали", – подумалось ей.

Она пошла на кухню, где дядя Саша пил кофе. Тётя Валя заваривала чай в большом стеклянном чайнике. Чаинки закружились в кипятке, который она наливала. Они окрашивали воду в золотистый цвет, и от этого вода казалась густой и насыщенной. Славик вошёл за ней и зорко посмотрел на неё. Если не считать этого внимательного взгляда, всё было как всегда, и на какой-то миг Тане показалось, что всё происшедшее вчера ей просто приснилось.

Но нет, это был не сон, потому что дядя Саша, увидев их, спросил:

– Ну, как прошла выставка?

Славик снова быстро взглянул на неё и стал рассказывать про картины. Тётя Валя тоже заинтересовалась. А Таня подошла к окну и с тоской поняла, что теперь Айвазовский будет ассоциироваться у неё с тем самым вечером, когда она случайно узнала, что Славик потерян для неё навсегда.

Но, похоже, он вовсе не хотел теряться, наоборот, он позвал её за стол, втянул в разговор и сказал, что расслаживаться им некогда, их ждёт прогулка по Неве.

И вот они вышли на улицу, снова прошли по Невскому к реке, повторяя Танин вчерашний маршрут. Но сегодня всё было по-другому, и хотя грусть все ещё была в Танином сердце, Славику удалось рассмешить её рассказом о том, как здесь у него ветром выворачивало зонтик. Он очень комично показывал эту борьбу со стихией. И Тане ничего не оставалось, как рассмеяться.

Они сели на небольшой уютный кораблик и поплыли вдоль берега, а затем и отделились от него. Экскурсовод рассказывал о великолепных зданиях, которые они проезжали, и связанных с ними исторических событиях, и это было так здорово, так хорошо! Солнышко приветливо светило сверху, заставляя её зажмуриваться, и весь мир виделся сквозь полусомкнутые ресницы совсем не таким мрачным, как накануне.

Поездка длилась чуть больше часа, но им хотелось погулять ещё, и они, выйдя на площади возле знаменитого медного памятника Петру, решили взять автобусный тур. Это была прекрасная обзорная экскурсия, автобус останавливался возле главных достопримечательностей – у здания Биржи, напротив шпиля Адмиралтейства и, конечно, у Спаса на Крови. Таня поразилась красоте этого храма.

Он напомнил ей Гауди, и сразу вспомнилось, что ей очень хотелось побывать в парке Гуэля. Автобус уже удалялся, а она все ещё смотрела на высокие, как будто пряничные, купола, и пообещала себе ещё раз вернуться сюда на днях.

Они почти не разговаривали в это утро, только обсуждали виды и болтали о всяких пустяках, но Таня чувствовала, что рана её постепенно заживает. И внимательный взгляд Славикиных тёмно-карих глаз как будто обещал ей, что всё будет хорошо. Пока ещё неясно как, но обязательно будет.

Они вернулись уже после обеда, перекусив в ресторанчике на Невском, где Таня впервые попробовала щучьи пельмешки и угостилась отменным щаве-

левым борщом. Пельмени и борщ напомнили детство и родителей, и, вернувшись домой, она сразу же побежала всем звонить.

Славик сказал, что он должен съездить к Маше. Перед уходом он позвонил ей, как слышала Таня, и сказал, что им нужно поговорить.

Тане тоже нужно было поговорить со всеми, кому она обещала. Дядя Саша ушел на работу, тётя Валя – в магазин, и квартира замерла, проводив своих хозяев. Дома осталась только Таня.

Родители не отвечали. А Лиза сразу же появилась в камере скайпа. Она внимательно выслушала все Танины горести, задумчиво поднимая брови в том месте, когда Славик оказался Машиним женихом.

– Ерунда какая-то, – пробормотала она, – а ты ничего не напутала?

– Конечно нет! – изумилась её странному вопросу Таня. – Я же тебе говорю, что стояла от них в двух шагах и всё прекрасно слышала. Да и Славик ничего не отрицал.

– Он же хотел поговорить с тобой и всё объяснить. Ты просто его не слушала.

– Конечно, хотел, но что тут объяснять. И так всё ясно!

Ленни приходил потереться о Лизино плечо. Он неодобрительно смотрел на изображение на экране, говорившее голосом их недавней гостьи. Лиза чесала его за ушком, и он, довольный, снова спрыгивал со стола.

На этом их разговор закончился.

Школьная подруга Женя тоже сразу ответила на звонок. Она была очень рада Тане. Оказывается, у Жениного мужа в Питере жила тётя. Женя сказала, что завтра же возьмет выходной и приедет к ней.

Уже под конец разговора с Женей в скайпе вдруг всплыло сообщение от Лёши. Таня нахмурилась. Конечно, нужно с ним поговорить, но не здесь в Питере, а по возвращению обратно. Не хватало только ещё вспоминать о прошлом, когда настоящее так туманно! Попрощавшись с Женей, Таня вздохнула и открыла Лёшино сообщение.

Оно было довольно спокойное и миролюбивое, в нем Лёша сообщал, что очень много думал над их отношениями, и пришёл к выводу, что он был абсолютным ослом. Здесь Таня улыбнулась и подумала, что лучше поздно, чем никогда признать свои ошибки. Дальше он предлагал встретиться и обо всем поговорить. Завершая свое сообщение, Лёша писал, что осознал, что во многом был неправ, и очень хочет извиниться перед Таней. Таня кратко ответила ему, что согласна встретиться. «Надо же как-то по-человечески расстаться», – Вздохнув подумала она.

Славик вернулся, когда уже начинало темнеть. Небо становилось сначала тёмно-серым, а затем тёмно-синим, и первые звёздочки уже проглядывали сквозь облака, украшая эту синь весёлыми сполохами. Таня включила свет.

Славикины родители ушли гулять, видимо, поэтому, едва войдя в квартиру, он направился в единственную освещённую комнату – ту, в которой сидела Таня. Брови у Славика были нахмурены. Глядя ей прямо в глаза он сказал немного хриплым голосом:

– Таня, я расстался сегодня с Машей.

Это было неожиданно, особенно после того, как Таня уже смирилась с тем, что он и Маша женятся.

Как раз в эту минуту послышался скрип двери, и они поняли, что это Сла-

викины родители возвращаются с прогулки. Больше они эту тему не обсуждали в тот вечер.

Славик

На следующее утро они пошли гулять, как и хотели. Сначала покатались на кораблике. Солнышко старалось во всю – река шла широкими светлыми бликами. Но осень всё равно уже явно чувствовалась в городе – от воды веяло холодом, темнотой и сыростью.

Экскурсовод сообщал им по дороге названия мостов и мостиков, которые они проезжали, вещал о знаменитых местах – вот шпиль Адмиралтейства, видный издалека, вот Биржа, всегда казавшаяся Славiku похожей на здание театра.

Он иногда задумывался о том, какого это было бы – расти в Питере, ходить по этим улицам в школу и в магазин за хлебом, и приходил к мысли, что так даже лучше – попасть сюда взрослым и осознанно ощутить всю романтику этого волшебного города, а не принимать, как должное, его северную красоту.

Потом он смотрел на Таню, и думал о том, что влюбился в неё, хотя они росли вместе. И ещё он думал о том, что ему казалось, что он забыл её и разлюбил. Но вот она оказалась снова рядом, и сердце щемит от того, что скоро ей придется уезжать.

Опять расставание! Сколько же можно расставаться? А вдруг оно станет последним, и их история так и закончится ничем?

Много мыслей роилось у Славика в голове в этот день, пожалуй, никогда в последнее время по приезду сюда он так много не думал. С самого первого дня прибытия, всё куда-то помчалось, ускоряя темп, множество событий сменяли одно другое. Славик почувствовал, как будто долго куда-то стремительно летел, а теперь остановился задуматься, куда и зачем. И это были драгоценные минуты, когда он ощутил, что незачем больше бежать, всё, что ему дорого находится рядом, нужно только погрузиться в это ощущение безграничного счастья и довериться ему.

После этого, как будто им не хватило впечатлений, Таня со Славиком решили взять автобусную экскурсию. Они ехали на втором этаже, высоко над проезжающими мимо машинами, и смотрели по сторонам. И Славик будто впервые увидел город Таниными глазами, вобрал все, что любит она – изящную архитектуру, вековые деревья, гладкую поверхность воды, к которой выезжал автобус, когда маршрут поворачивал к Неве.

Нагулявшись и наглядевшись вдоволь, они усталые вернулись домой.

Таня пошла звонить родителям, а Славик вспомнил, что назначил себе важную миссию. Он должен поехать к Маше и поговорить с ней обо всём. Этот разговор виделся не таким уж тяжёлым – Славик всегда чувствовал, что их отношения носят какой-то формальный характер. Он не верил, что Маша любит его, и что он дорог ей всерьёз.

А для самого себя он уже решил, что больше не может с ней встречаться. Если раньше его отношения с Машей ему виделись продуктивными и стабильными, то теперь он понял в чем состояла эта стабильность – эти отношения продолжались, потому что они были нужны друг другу. Это была своего рода сделка. Маша позволяла ему забыть его прежние чувства к Тане.

Именно от обиды на неё он и нашел Машу – полную Танину противоположность. Но, видимо, сердце имеет свою память, а душа живет своей, независимой от ума жизнью, если едва вспомнив о Тане, внутри потеплело, будто от-

таял лед, в котором он бережно хранил свою любовь. И оказалось, что не нужно больше ничего замораживать внутри, когда снаружи всё согрето её взглядом. Можно продолжать жить как раньше, и даже лучше, потому что за это время он проверил себя.

Эти мысли придали ему сил, когда он, сосредоточенно собравшись, позвонил Маше.

Славик думал, что Маша занята новым проектом, но на работе он её не застал. Настя, Машина помощница, торопливо сообщила ему, что Маша позвонила ещё утром, и сказала, что в офисе сегодня появляться не планирует.

– А что планирует? – озадаченно осведомился Славик.

– Кажется, сидеть и ждать тебя.

– Ааа... – ещё более озадаченно протянул Славик, поблагодарил Настю и позвонил Маше на домашний.

Маша действительно была дома. Она сообщила Славику, что давно его ждёт.

– Ждёшь меня? А чего? – все больше озадачивался Славик.

– Так у нас же сегодня важный разговор или как? – Маша была сама нежность.

Он представил, как она стоит с трубкой в руке перед зеркалом, произнося эти фразы.

– Ну, так я сейчас приеду, – сообщил Славик.

– Давай-давай! Жду!

Скоро он уже поднимался в лифте к ней на этаж.

Маша открыла ему в каком-то разноцветном шёлковом платье, похожем на халат. Волосы у неё были распущены по плечам, и Славик удивился и стал мучительно вспоминать, что сегодня за дата. Вроде знакомились они в феврале, так что он вроде ничего не пропустил.

Он зашёл в салон и увидел два бокала шампанского на круглом журнальном столике. Эта картина окончательно выбила его из колеи.

Маша ходила вокруг оживлённая и посверкивала на него серебристыми тенями, которые, как ей казалось, нравились Славику. Ему стоило огромного труда ни разу не обмолвиться о том, что на самом деле они ему не нравились совсем.

Уже наступали сумерки, и Маша зажгла светильники над столиком, по обе стороны которого стояли мягкие серые кресла. Славик опустил в одно из них и взглянул на Машу. Весь её вид говорил о том, что она чего-то ждала. Но чего?

– Ты заказала еду? – спросил он осторожно.

– Нет, но если хочешь, мы можем заказать. Может, лучше пойдем куда-нибудь сегодня вечером? – Маша опять как-то заговорщицки взглянула на него.

Славик окончательно смутился. Он не знал, с чего и начать.

– Думаю, сегодня лучше никуда не ходить, – сказал он наконец осторожно.

И Маша с большим энтузиазмом согласилась.

"Ну всё, – приказал сам себе Славик, – дальше уже некуда тянуть. Пора приступить к делу".

И он решительно посмотрел на неё и сказал:

– Я хотел сегодня серьёзно поговорить с тобой.

Маша молчала и призывно смотрела на него. Славику стало как-то уют-

но под этим не соответствующим моменту взглядом. Что-то шло не так, а что, Славик не мог понять.

– Мы уже почти два года как встречаемся. Это долгий период. Я считаю, что настало время принять какое-то решение, ведь мы оба понимаем, что уже достаточно узнали друг друга.

Он говорил очень серьёзно и медленно, не желая ненароком задеть Машу неосторожно сказанным словом. Он хотел объяснить ей, что дело вовсе не в ней, она чудесная девушка, очень самостоятельная и современная. Он уже правильно сложил эту фразу в голове, как Маша, не вытерпев явно накопившегося в воздухе напряжения, вскочила и радостно сказала:

– Да уж, речи говорить ты не мастак! – она засмеялась и дальше выдала что-то совсем непонятное. – Ладно, облегчу уж тебе задачу! Я согласна! – и кинулась к нему на шею.

Это было уж совсем неожиданно. Мучительное чувство комичности и трагичности этой ситуации настигло его, и он с ужасом взглянул на неё.

– Маша, с чем ты согласна? – выдавил он наконец.

– Как с чем?! Согласна стать твоей женой!

О, Боги! О святая простота эгоцентризма! Именно концентрация на собственных представлениях об этом мире приводит к нашей полной отстранённости от реальности и отрыву от неё.

Славик чувствовал, как бледнеет и не может сдержать разочарованного возгласа. Ему стоило огромных усилий спокойно отстранить Машу и усадить её обратно в кресло. Сам он встал рядом и положил руку ей на плечо.

– Маша, прости меня, если я ввёл тебя в такое заблуждение. Я хотел сказать совсем другое. Совсем, совсем другое, – медленно, почти по слогам сказал он.

И тут она поняла. Сначала она замерла и растерянно посмотрела на него, а потом слезы брызнули у неё из глаз. Она сбросила его руку со своего плеча и разрыдалась.

Славик растерянно моргнул и, кажется, открыл рот, чтобы что-то сказать, но через мгновение понял, что забыл его закрыть, так ничего и не произнеся.

Потом он устало опустился в соседнее кресло и внезапно почувствовал, как все силы оставили его. Такого поворота событий он не ожидал.

В это время Маша резко подняла залитое слезами лицо и выкрикнула, сильно наклоняясь к нему вперед:

– Никто никогда не будет тебя любить так, как я!

Это было ещё более неожиданно. Маша плакала напротив него в кресле, опустив голову на сложенные перед собой на столике руки. Он силился вспомнить, видел ли он её когда-либо вообще плачущей, и не мог.

– Маша, – позвал Славик.

– Уйди и оставь меня в покое!

Кажется, у неё начиналась истерика.

– Я принесу тебе воды.

Он встал и медленно пошёл на кухню. Какое-то облегчение вдруг опустилось на него откуда-то сверху, будто он освободился от тяжкого бремени, которое взвалил на себя очень давно, и так привык к нему, что не замечал его тяжести. А тут внезапно новая, забытая волна лёгкости прошла по всему телу, как бы проверяя, что он жив, здоров и готов радоваться жизни.

За спиной послышались всхлипы. Это Маша пришла за ним на кухню. Она

стояла на пороге с распухшими глазами и зло смотрела не него.

– Это всё из-за неё! – крикнула она.

– Из-за кого? – не понял Славик.

– Из-за этой твоей израильской подружки! Я видела, как она на тебя смотрит!

– А как она на меня смотрит? – поразился Славик.

Но Маша махнула на него рукой и вышла.

Славик медленно налил воду в стакан и так же медленно поднял голову. В окне он увидел своё собственное отражение. "А как она на меня смотрит?" – спросил он у этого отражения. Он вспомнил Танин взгляд обращённый к нему – спокойный и внимательный, и ему вдруг стало тоже спокойнее на душе. Он понял, что поступил правильно, придя сюда и сказав всё, что должен был сказать. Он медленно выпил воду, потом опомнился и налил ещё один стакан.

Он вернулся из кухни и поставил стакан на столик рядом с Машей.

– Прости меня, пожалуйста. Я думаю, лучше нам расстаться сейчас. Я не хочу морочить голову ни тебе, ни себе. И Таня здесь ни при чём.

Маша подняла лицо с внезапно ставшими сухими глазами. Слёзы, как по команде, перестали течь.

– Когда-нибудь ты очень пожалеешь об этом, – сказала она, – но будет уже поздно. Боже, а я шампанское приготовила, думала, ты придёшь делать мне предложение!

– С чего ты вообще это взяла? – изумился Славик.

– Ну, ты же сказал, что нам надо серьёзно поговорить!

Он промолчал и только подумал, чего же только может придумать сконцентрированный только на себе человек.

– Маша, я от всей души желаю тебе счастья, – сказал ей Славик наконец.

Она лишь недовольно махнула в его сторону рукой.

Он очень тяготился создавшейся ситуацией,

не знал что ещё сказать, поэтому, не придумав больше ничего, вышел из комнаты, аккуратно снял куртку с вешалки в прихожей и, ступив за дверь, так же аккуратно закрыл её за собой.

Он вышел на улицу. Уже начинало темнеть, и на тускло-синем небе начинали проглядывать первые звёзды. Он вдохнул как можно больше воздуха и поразился тому, какой он чистый и свежий. Кажется, что он уже давно так свободно и глубоко не дышал, как человек, совершивший честный и правильный поступок. Сколько можно обманывать себя и Машу? Улыбнувшись, Славик подумал, что долго бы ещё так обманывался, если бы не Таня. Она снова появилась в его жизни и все расставила по местам.

Удивительным образом события происходили в правильной последовательности и оставляли след удовлетворения в душе. Почувствовав рядом её присутствие, ощутив заново себя, он понял, что в его сердце нет места лжи. Она просто не может там больше находиться, потому что будет уныло напоминать каждый раз при каждой неискренне сказанной фразе, насколько жалкой будет его дальнейшая жизнь, если он и дальше будет так заблуждаться.

Славик шёл по осенней улице, и жёлтые листья кружили вокруг него хоро-вод. Уже совсем стемнело, когда он добрался до дома. Славик поднял голову и увидел, что свет в окне его комнаты горит, как маяк, возвещая, что он на вер-

ном пути.

Мама с папой ушли гулять, и Славик думал, что он расскажет обо всём Тане наедине. Но только он хотел бросить несколько ничего не значащих фраз, чтобы начать разговор, как послышался звук открывающейся двери – родители вернулись.

– Таня, я расстался сегодня с Машей, – всё-таки успел сказать Славик и умолк.

Таня застыла и посмотрела на него.

Больше уже он ничего не говорил. Родители вошли в квартиру. Они ходили в Михайловский парк, благо что до него можно было дойти пешком. Они радостно раздевались в маленькой прихожей, а увидев Славика с Таней, сказали, что принесли им варёной кукурузы.

Сидя на зелёном диване в зале, придвинув поближе завёрнутые в фольгу куски кукурузы, они грызли их, посыпая солью и обжигаясь. Кукуруза была ещё горячая.

Всё это время Славик бросал быстрые взгляды на Таню, чтобы понять, что она думает, и досадуя на то, что не успел с ней поговорить.

Уже поздно вечером, когда все разошлись по своим комнатам спать, Славик столкнулся с отцом на кухне.

– Папа, ты был прав, – сказал ему Славик. – Я поступил очень необдуманно, позвав в гости Таню, не расставшись с Машей. Сегодня я исправил эту ошибку.

Кажется, папа взглянул на него с интересом, по крайней мере, так показалось Славику при свете кухонной лампы.

– Ну, если ты чувствуешь, что поступил верно, – ответил папа, – то молодец, сынок. – Он замолчал и испытывающе смотрел на Славика.

Славик тоже помолчал, а потом сказал:

– Я чувствую, что поступил верно, но не ожидал такой реакции с её стороны. Дело в том, что она подумала, будто я пришёл делать ей предложение. Как она могла такое подумать? Ведь мы же никогда особо не ладили.

– Да, но она об этом не догадывалась, – мягко и примиряюще ответил ему папа, и Славик в который раз удивился, насколько его родители всё замечают и понимают.

– Ну, ничего, не расстраивайся. Она ещё встретит подходящего именно ей человека, – сказал папа.

На этом инцидент был исчерпан, и Славик вновь почувствовал лёгкость, приятную до головокружения, заново осознав, что завтра ему не нужно звонить Маше или избегать её звонков, потому что жаль её и не хочется её расстраивать неминуемым расставанием.

Как будто сложился пазл, который Славик пробовал собрать много времени, в нём не хватало последних нескольких кусочков. Теперь всё было решено. Какое облегчение! С этой мыслью он пошёл спать в тот вечер.

Таня

Неожиданное продолжение последовало поздно ночью, когда Таня уже спала. Она проснулась от неясного света, и поняла, что это экран её телефона зажёгся в темноте комнаты. Она подумала, что родители написали ей что-то, и открыла папку сообщений. Со сна, она не сразу поняла, в чём дело, и подумала, что кто-то ошибся.

Ей были присланы сообщения с незнакомого номера. Одно из них гласило: "Ты всё равно не сможешь быть счастлива с ним, разрушив нашу любовь". Таня растеряно открыла следующее сообщение, такого содержания: "И это называется женская солидарность?". Таня удивилась ещё больше. И только последнее послание разъяснило тайну его отправителя, вернее, отправительницы. Таня прочитала: "Это Маша. Микрюков дал мне твой номер".

Таня в изумлении выключила телефон и села на кровати, перебросив волосы на спину. Сна как не бывало. Боже, так Маша считает, что это она причина их расставания со Славиком? Как же могло так получиться? Ведь она как раз наоборот, смирилась с неизбежным, решив не стоять у Маши на пути.

Если бы Маша не подписалась в последнем сообщении, Таня ни за что не догадалась бы сама, кто ей пишет. Этот импульсивный поступок так не шёл тому образу, который составила Таня об этой успешной бизнесвумен! Маша казалась ей взрослой и независимой, такой уверенной в себе! А эти сообщения были просто ребячеством.

Не зная, что и думать, Таня все же решила оставить всё до утра, и снова легла спать.

На следующий день Таня со Славиком отправились на встречу с Женей. Женина тётя жила где-то в другом районе, поэтому они договорились встретиться возле станции метро «Площадь Восстания».

Запах метро! С каким забытым удовольствием вдохнула Таня этот полузабытый запах! Она наткнулась на него случайно, носом, как будто нырнула в знакомый мир. В Израиле не было метро. Она помнила этот запах ещё по Ташкенту.

– Что это? Где-то рядом метро?

– Ну да, станция Восстания, – ответил Славик с удивлением.

Таня не знала, стоит ли говорить Славiku о её ночных бдениях и их причине, и потом решила промолчать. Она рассудила, что вдруг совсем скоро, когда она уедет, а может даже раньше, Славик с Машей снова помирятся, и тогда уже Маше будет очень неудобно за то, что она в отчаянии писала Тане ночью.

Они стояли и смотрели по сторонам, и совершенно пропустили Женю, пока та хохоча и взвизгивая не обняла Таню сзади за плечи. В скайпе Женя казалась взрослее и серьёзнее, но вживую оказалась совершенно такой же, как была раньше – высокой, улыбчивой, немного полноватой, только волосы отросли. В школе Женя всегда носила очень короткую стрижку, под мальчика, но выйдя замуж, отпустила каре. Это каре ей очень шло и делало её похожей на младшую сестрёнку Ксюшу.

С неё Женя и начала рассказ. Оказывается, Ксюша тоже в Москве, она мечтает о карьере то ли манекенщицы, то ли актрисы – ещё пока не решила. Пока она закончила курсы маникюра. Таня улыбалась, слушая её рассказ, вспоминая Ксюшу, Жениных родителей, их дом в Ташкентской махалле.

– Кстати! Вот новость – Ксюша выходит замуж! И знаете за кого? За Артёма!

– За нашего Артёма? – удивилась Таня.

Они все переглянулись.

– Да, они уже давно встречаются, – продолжала Женя. – Если хотите, приезжайте на свадьбу в феврале!

Таня не верила своим ушам! Артём женится на Ксюше! А она привыкла представлять её себе маленькой сестрёнкой Жени с таким же круглым лицом, полными губами и каре!

Славик тоже внимательно слушал. Потом он рассказал про себя. Про Таню они оба всё знали. Похоже, Женя всё-таки была удивлена тем, что Таня приехала к Славику в гости, хотя во время разговора в скайпе не подала виду. Может, дело было в том, что Славик изменился после школы? Он уверенно шагал рядом с Таней, а на светофоре даже взял её под локоть. Женя наблюдала за ними с интересом.

Она была в светлом длинном плаще и сыпала историями про маленькую дочку. Этим она казалась Тане и Славику намного старше их самих. Впрочем, Женя же вышла замуж сразу же, как закончила в Ташкенте пищевой техникум, она была кондитером. Тане тогда казалось, что лучше бы Жене поступить в университет, получить высшее образование и стать, например, учительницей. С её лёгким терпеливым характером и любовью к детям это было бы самое то. Но Женя ушла от них в девятом классе, познакомившись с Сеней.

Таня не знала, кем он был по профессии. Он был старше Жени, и у них была пасека. Оказывается, в Москве Сеня тоже открыл своё дело – он продавал мёд, который собирал отец. Они с Женей собирались открыть свою кондитерскую и кафе.

Это были удивительные планы. Тане казалось, что Женя очень уверенно чувствует себя в Москве. Они с Сеней были такие простые и такие свои, что она поняла, что соскучилась, о чём сразу же и сказала ей. Женя засмеялась и пригласила Таню в гости в Москву.

– Может быть, в следующий раз, – благодарно улыбнулась Таня.

В этот день они решили пойти в Эрмитаж. Выяснилось, что Женя в Эрмитаже тоже не была.

Подходя к огромному, величественному зданию музея, они увидели Петра и Екатерину, которые позвали их фотографироваться. Сначала сфотографировались все вместе, а потом, когда августейшие особы удалились мерным шагом, держась за руки, они фоткали друг друга, и Таня подумала, что у неё появилась первая фотография в Питере вдвоём со Славиком.

Они прошли внутрь, полюбовались роскошной лестницей, и пошли по залам. Все было интересно Тане – и макеты рыцарей в полный рост в Рыцарском зале, и уютная, вся из дерева, библиотека Петра, и предметы быта древних племён Алтая, и, конечно, Малахитовая гостиная.

Будучи на три четверти русской, воспитанная на русской культуре, Таня впервые попала на историческую родину.

Она привыкла к тому, что исторической родиной евреи называли Израиль, но раз в ней течёт и русская кровь, то она тоже имеет прямое отношение к этому городу Пушкина и Достоевского, где старина на каждом шагу, и все так знакомо по книжкам, по фильмам. Таня заново влюблялась в эту культуру и в свой родной язык. Она осталась очень довольна этой прогулкой и про себя

улыбалась, видя как Женя всё порывается спросить о том, какие отношения у неё со Славиком, но не решается сделать это в его присутствии.

В обед они вышли перекусить и зашли в ресторан прямо на Невском. Там поддерживалась атмосфера советской эпохи, звучали песни в исполнении Муслима Магомаева и Анны Герман, в общем, это было отличное место поностальгировать. Видимо, поэтому было так много людей пожилого возраста. Их же привлекло меню, обещавшее бефстроганов и блины с красной икрой.

Они сидели, болтали, вспоминали школу, уплетали блинчики, и жизнь казалась такой простой и понятной, потому что уехав в другую страну они попали в ту же среду, в которой выросли.

Вечерело, и Таня со Славиком проводили Женю до метро – ей нужно было вернуться к тёте за вещами и уезжать обратно в Москву.

По дороге обратно, в молчании перебирая воспоминания уходящего дня, Славик вдруг нарушил тишину:

– Кажется, Женя была немного удивлена тем, что решив приехать в Россию, ты остановилась у меня, а не у неё.

– Ну, мы же всегда дружили, – ответила Таня. – Нет ничего удивительного в том, что я приехала тебя навестить. К тому же, у неё небольшая квартира, в которой они живут вдвоём с маленьким ребенком.

Славик помолчал. Потом, видимо, решился, наконец:

– Таня, я начал тебе рассказывать вчера о том, что расстался с Машей.

– Да, я помню, – спокойно ответила Таня.

– Я хотел сказать тебе, что очень скучал по тебе ещё в Ташкенте, когда ты уехала.

Таня молчала, она смотрела на него во все глаза. Ей очень не хотелось услышать, что если бы она не приехала так неожиданно, Славик был бы счастлив с Машей.

– Так вот, я хочу продолжать с тобой общаться. Может, мы сможем встречаться чаще. Как ты думаешь?

– Я думаю, что это непросто – мы живем в разных странах. Послушай, – сказала вдруг Таня. – Мы не должны торопиться. Может быть, твоё расставание с Машей было импульсивным и слишком быстрым.

Вспомнив ночные сообщения, Таня добавила:

– Мне кажется, Маша любит тебя. Мне бы очень не хотелось думать, что мой приезд как-то повлиял на ваши отношения. Я не хочу вставать между вами. Ведь мы с тобой друзья. Я хочу, чтобы ты был счастлив.

Славик смотрел на неё как-то ошарашенно. Он даже остановился на минуту. Тане тоже пришлось остановиться.

– Таня, мое расставание с Машей было абсолютно трезвым и обдуманном поступком. Я расстался бы с ней в любом случае, неважно, как повернулись бы события. Я хочу, чтобы ты знала, что даже когда ты скоро уедешь, я всё равно буду надеяться, что мы больше не будем теряться.

– Конечно, мы больше не потеряемся. Я просто не хочу мешать твоей жизни.

Он ещё сказал что-то о том, что хочет, чтобы они встретились опять, но Таня уже приняла решение. Она скоро уедет, именно тогда и будет понятно, расстались ли Славик с Машей из-за неё, и тогда они снова продолжат общаться, или же их отношения естественным образом достигли своего финала.

Славик

Наутро, проснувшись, он обнаружил несколько сообщений от Маши. Первое гласило: "Я знаю, что ты это не всерьёз". Второе было такого содержания: "Она вскружила тебе голову, но я люблю тебя по-настоящему". И третье было уж совсем жалким, Славик аж поморщился, когда прочитал его: "Мне приснился сон, что ты уходишь, и это было ужасно". Сообщения были получены поздно ночью, когда Славик уже спал. Он всегда выключал звук у телефона, когда ложился. Только экстренные звонки с номеров родителей могли разбудить его.

Отвечать или не отвечать на эти полные отчаяния сообщения – вот та мысль, что не оставляла Славика, пока он был в душе, и потом, когда в задумчивости пришёл на кухню заварить себе чаю.

Мама зашла, румяная со сна. Он поцеловал её в щёку. Потом пришёл папа. Таня появилась через несколько минут. Они договорились ещё накануне, что встречаются с Женей, которая специально приедет для этого из Москвы.

Они гуляли с Женей весь день, а к вечеру проводили её, и она уехала.

Когда они шли обратно, Славик, наконец, заговорил о том, что его так волновало. Он сразу же объяснил Тане, что расстался с Машей, потому что уже давно должен был это сделать. Она не сразу поверила ему. Похоже, она считала себя виноватой в этом расставании. Она так и сказала: "Я не хочу вставать между вами". Славик с минуту молчал. Он даже остановился на эту минуту, хотя вокруг шли люди, и толпа начала плавно обтекать их своим потоком, как река.

Как же объяснить Тане то, что Славик давно уже нужно было ей сказать – как он к ней относился в школе, и что, похоже, это чувство не угасло с годами, а наоборот, расцвело пышным цветом, как только он вновь увидел её.

Всё время в промежутке между этими моментами расставания и их новой встречи было каким-то сном. Во время этого сна Славик как будто ворочался с боку на бок, мечтая проснуться и ощутить вкус настоящей жизни.

Не мог он этого сказать Тане сейчас, когда только что расстался с Машей. Как ему объяснить, что он просто пытался заменить Танин образ чьим-то другим, вовсе на неё не похожим.

И что он мог ей сейчас предложить? Ведь они не могут быть вместе – они же живут в разных странах! И что он может ей обещать? Чтобы она ждала его, пока он не придумает, как им быть дальше? Ведь Таня уверена, что они просто друзья.

Все эти мысли наполнили отчаянием Славикину душу и сковали ему язык. В молчании они дошли до дома.

Таня

До дома они молчали, а переступив порог, Таню снова охватило ощущение домашнего уюта и семейного тепла.

– Дети, мойте руки и идёте за стол! Будем чай пить! – весело сказала тётя Валя, совсем как в детстве.

Да, видимо давно уже Таня жила по съёмным квартирам, одна без родителей, если ей вдруг стало так хорошо, что с тоской подумалось, что она ни за что не хочет уезжать.

За ужином Славикины родители сообщили, что купили им экскурсию в Петергоф. Это было здорово! Таня всегда мечтала там побывать.

С утра пораньше они собрались и пошли на Московский вокзал, откуда выезжали экскурсии. Таня ещё вчера купила красивый зонтик с видами Петербурга. Это был настоящий осенний зонт – на нем даже были нарисованы крупные капли дождя. Они захватили с собой дождевики – самое лучшее средство в такую погоду, чтобы остаться сухими.

Дождик начался практически сразу же, как они отъехали в автобусе со стоянки, и продолжался всё время поездки с переменным успехом.

В Петергофе их встретила низенькая женщина-гид в туфельках на каблучках, и всё время, пока они с группой ходили, рассматривая великолепные фонтаны дворца, Таня смотрела, как ловко их экскурсовод обходит лужи, практически не глядя вниз на свои элегантные каблучки.

Не все фонтаны работали, но зрелище всё равно было впечатляющее. Дальше они прошли во дворец, и рассматривали великолепное убранство внутренних помещений.

В общем, это был хороший день, очень спокойный, как будто после бури, которую как раз и напоминали предыдущие, полные неоднозначных событий дни.

Здесь же, в Петергофе была ярмарка, и Таня купила подарки домой: тёплый платок для мамы, кошелёк для папы, наволочки с кошками для Лизы и шапку-ушанку для Антоши.

Дождик то накрапывал, то стихал весь день. Они возвращались домой довольные, как будто отмытые этим дождём. На сердце у Тани было очень тихо и светло. Она поняла, что несмотря на то, что её основная цель поездки с треском провалилась, она всё равно была очень рада, что увидела Славику и смогла с ним побыть эти несколько дней.

И тут она вспомнила про свою новую питерскую знакомую – Евгению Сергеевну – и тут же решила, как вернётся, ей позвонить и зайти в гости.

Дорога обратно оказалась длиннее – был уже вечер, и поток машин медленнее скользил по мокрым серым трассам. Таня со Славиком сидели в автобусе и вместе слушали музыку, как раньше, в детстве, засунув в ухо по одному наушнику. В автобусе было очень тепло, особенно после стылого воздуха снаружи. Они сняли куртки и, ничего не слыша вокруг, иногда касаясь друг друга головами, слушали всё подряд.

– Мы с тобой как графини-вишенки! – в очередной раз столкнувшись головами, чтобы лучше что-то расслышать, сказала Таня.

– Кто? – удивился Славик.

– Ну, это было в сказке про Чиполлино!

И они начали искать в интернете сначала эту сказку, потом "Бременских музыкантов", которых оба очень любили, и другие мультики из детства, вспоминая это забытое ощущение, когда не нужно никуда бежать, впереди целая жизнь, можно просто веселиться и смешить друг друга.

Таня позвонила Евгении Сергеевне уже после того, как они доехали до дома, обсохли и съели весь вкусный ужин, который к их приходу приготовила тётя Валя.

– Да, я Вас слушаю, – ответил в трубке бодрый старушкин голос.

– Евгения Сергеевна, это Таня. Мы с Вами вместе летели в самолёте!

– Ой, Танечка! Как хорошо, что Вы позвонили. А я думала про Вас. Только решила, что Вы можете и не найти времени для визитов.

– Евгения Сергеевна, я тоже думала про Вас, и вот, решила проведать.

– Большое Вам за это спасибо! Не хотите ли в гости ко мне зайти? Познакомимся поближе не в сутолоке аэропорта.

– С большим удовольствием! Когда Вам будет удобно?

– Да хоть завтра! – обрадовалась Евгения Сергеевна. – Приходите часам к двенадцати.

На том и порешили.

На следующий день не было дождя, но было сыро и прохладно, и Таня, в курточке и ботинках в двенадцать часов пополудни стояла возле чёрной металлической двери. Она нажала кнопку звонка, и ей очень скоро открыли. Но это была не знакомая Тане старушка. По другую сторону от порога стоял и с любопытством рассматривал её пожилой мужчина с усами и поварёшкой в руке.

– Таня? – спросил он.

– Да, это я, – ответила Таня, тоже его разглядывая.

– Проходите, пожалуйста, я Семён Григорьевич, супруг Евгении Сергеевны, – и позвал куда-то вглубь квартиры, – Женечка, к тебе гостя пришла!

Евгения Сергеевна вышла из комнаты справа. Она была с теми же седыми кудряшками, только сейчас они не выплясывали на её голове беспокойный танец, а лежали чин чинном, обрамляя улыбающееся лицо. Новая Танина знакомая была в коричневом халате и коричневых чулках. Она напонила Тане старушку из детских книжек, не хватало только очков и вязания. Впрочем, очки очень быстро появились. Евгения Сергеевна выудила их из кармана халата и водрузила на нос. Она внимательно смотрела на Таню, и было видно, что ей очень рада.

– Танечка, заходите, садитесь, где Вам удобно.

Таня сняла куртку и вошла. Откуда-то слева снова появился Семён Григорьевич. Жестом приглашая Таню устроиться на большом сером диване с цветастой накидкой, он сказал:

– Я очень благодарен Вам, что Вы помогли моей лучшей половине разобраться с багажом. Видите ли, я тогда поехал её встречать и опоздал.

Они сели рядом с Таней на диване и стали рассказывать, что у них двое взрослых детей, а у тех – свои дети, и что они все дежурят и по очереди сидят с внуками. И в тот день, когда Семён Григорьевич должен был забирать старушку, он отвозил внука к детям на дачу и задержался в пути.

Таня слушала и кивала. Это было так здорово – сидеть с этими старичками на большом диване в теплой квартире и слушать их рассказы про малышей.

Потом Семён Григорьевич поспешно встал и сообщил, что ему нужно возвращаться на кухню, где он варил в честь гостя борщ. Старушка позвала Таню к столу. Возле стола стоял шкаф с книгами, а оттуда с фотографии на Таню смотрел глазами Семёна Григорьевича и улыбался молодой моряк в бескозырке.

За обедом они делились семейными историями. Оказывается, Семён Григорьевич служил на флоте. Он был призван практически сразу же после войны. Родители старушки пережили Ленинградскую блокаду, чудом выжили и всю жизнь были благодарны друг другу за то, что верили, что вместе обязательно преодолению все.

День был просто чудный. Тане казалось, что она знает эту милую пожилую пару целую жизнь. Перед самым уходом, когда Таня уже стояла в дверях и прощалась, Семён Григорьевич сказал:

– Танечка, а Вы не замужем?

– Нет, – смутилась она.

Семён Григорьевич обрадованно взглянул на старушку и сказал:

– Тогда Вам обязательно нужно познакомиться с Яшей.

– Да я уже скоро уезжаю, – неуверенно произнесла Таня. – Не думаю, что у меня будет достаточно времени на новые знакомства. Да и знакомиться с кем-то, заранее зная, что продолжения может не последовать, я бы не хотела.

При этих словах она подумала о Славике. Вот и с ним она скоро вынуждена будет расстаться. И вздохнула.

Но Семён Григорьевич хитро улыбнулся и сказал:

– С Яшей Вы можете познакомиться в Израиле. Я ему позвоню и расскажу про Вас. Таких барышень, знаете ли, мало осталось в наше время.

Евгения Сергеевна согласно закивала.

– Кстати, не сможете ли Вы ему кое-что передать, если уж зашёл об этом разговор?

Таня согласилась и получила небольшую посылку, которую старушка принесла из соседней комнаты.

– Несколько семейных фотографий, – пояснил Семен Григорьевич.

Таня распрощалась с этими милыми людьми и их уютной квартирой, подарившей ей несколько тёплых часов общения.

Яша оказался племянником старушки, вернее, её мужа, Семёна Григорьевича. Он жил в Петах-Тикве, пригороде Тель-Авива, и писал докторат по биотехнологиям. Фотографии ему были нужны для нового хобби – собрания истории семьи. Все это Тане рассказала Евгения Сергеевна, с которой она созвонилась на следующий день.

Последние дни перед отъездом пролетели очень быстро. Они ещё успели съездить в осенний, пахнущий дождём и елями лесок и собрать там грибов. Эти дни запомнились Тане какой-то грустью и спокойствием. Грустью, потому что ей совсем не хотелось уезжать. Помимо её собственной семьи в Израиле, было не так много людей, знавших её с детства и способных поделиться с ней своими воспоминаниями о той поре.

Умиротворение же всё равно нашло её в сонном, погружающемся в позднюю осень городе. Вода Невы несла с собой холод приближающейся зимы. И ветер дул уже совсем не по-осеннему.

И вот настал день отъезда. Все немного притихли, когда Таня, собрав свой

чемодан вышла из комнаты, в которой провела столько ночей. Это была комната Славика, и этим она была ей дорога. Сейчас эта комната казалась ей пустой и тоже наводящей грусть.

Было решено накануне, что Славик один отвезёт Таню в аэропорт. День уже клонился к вечеру, моросил небольшой дождик. Таня обняла на прощанье тётю Валю и дядю Сашу. Она теперь будет им звонить почаще и передаст от них своим родителям привет.

Молча они сели в машину. Помахали на прощанье Славикиным родителям, смотревших на них в окно. До аэропорта ехали молча. Дорога была скользкая. Чисто вымытый асфальт блестел чёрной лентой шоссе под ярко-жёлтыми фонарями.

– Позвони мне на следующий день, как долетишь, – прервал молчание Славик.

Его лицо было немного напряжённым, или это только показалось Тане?

– Конечно, я позвоню, – ответила она. – Ты уже завтра выходишь на работу?

– Да. Но ты всё равно звони.

– Я лучше позвоню тебе вечером.

– Хорошо, звони, когда тебе будет удобно.

Они разговаривали тихо, вполголоса, очень серьёзно, и оба думали о том, что же принёс им Танин визит, и, что самое интересное, конечно же, о том, что же ждёт их впереди.

Они обнялись, и Тане показалось, что Славик поцеловал её волосы, слегка коснувшись их губами. Но она не могла точно объяснить, было ли это на самом деле или только в её голове.

Славик

Зачем?

И снова в сумраке избыточном
Твои теряются черты.
И для чего портал тот пыточный,
В котором мне являлась ты?
И для чего те годы пройдены,
Если судьба нас развела?
И даже нет уже той Родины,
Что общею для нас была.
И нет уже той прежней лёгкости,
Дарящей чувство простоты,
Когда парили в невесомости
Все наши детские мечты.
Опять с годами позабудутся,
Уйдут во мрак потоки дней
Мгновений тех, что уж не сбудутся.
И тем лишь боль моя сильнее.

***

До Таниного отъезда остались считанные дни. Они ещё успели съездить в Петергоф и погулять в лесу. Это время пролетело очень быстро.

И вот снова едет Славик в аэропорт, теперь уже не встречать, а провожать Таню. Он ничего толком и не помнил из того, что происходило в тот день, кроме самого отъезда – как медленно пустела обжитая за дни её пребывания комната, а её вещи послушно перекочевали обратно в чемодан. И вот уже чемодан стоит готовый, и Славик берёт его за ручку и тянет к двери.

Танин приезд в Питер был как подарок, как ответ на все его просьбы. Как будто бы на мгновение открылся портал и впустил Таню вместе со всеми воспоминаниями из их прошлой жизни. Он позволил им заново пережить и почувствовать все то, что, казалось, было утеряно навсегда. Но вот волшебство закончилось. Портал закрывался. Всё становилось на свои места.

Вечерело, и по дороге в аэропорт накрапывал унылый дождик. Они проехали через осенний город с глубокими лужами, в которые медленно, меланхолично кружась, опадала листва.

Листья клёнов, как растопыренные пальцы древесных ладошек плавали на поверхности чистой воды, превращая её в разноцветные речушки из зелёных, жёлтых, оранжевых и багряно-красных пятен. Вся эта палитра наводила грусть и предсказывала приближение скорой зимы.

И вот Славик снова стоит перед Таней в аэропорту. Они расстались без обещаний и планов на будущее. Ведь этого будущего по всем меркам у них просто не могло быть.

На прощанье Славик обнял Таню и тихонько поцеловал её волосы, надеясь, что она этого не заметит.

***

Таня

Самолёт прилетел под утро. Таня потёрла глаза, всматриваясь в серость за окном иллюминатора. Уже светало, когда, забрав свой багаж, она выходила из аэропорта.

Она села в такси, они выехали за пределы Бен-Гуриона, и только тут Таня по-настоящему почувствовала что вернулась – целая стена кустов бугенвиллеи встречала её на выезде.

Наверное, это было как-то связано с днём её приезда в страну. Первое, что поразило её и осталось в памяти – это каскады бугенвиллеи, разноцветные, с сочной зеленью листвы, растущие здесь повсюду. Впоследствии, ближе знакомясь с исторической родиной, где ей впредь суждено было жить, Таня узнала, что символ израильтян – это кактус.

Ей объясняли во время экскурсий и в ульпане, где она учила язык, что израильтяне в массе своей темпераментом, характером и неприхотливым образом жизни напоминают это растение, в изобилии покрывающее землю с незапамятных времён. Сабрами, то есть кактусами, называют детей, рождённых здесь. Местные жители действительно похожи на кактус – колючие снаружи и мягкие внутри. Коренному израильтянину ничего не стоит выйти из себя по малейшему поводу. Но он также быстро отходит, так как в душе всегда готов выслушать, прийти на помощь и поддержать.

Это действительно тонко подмечено, и это действительно было так. Но для Тани, присматривающейся к здешним реалиям и жадно впитывающей в себя новую жизнь, здешний народ напоминал собой именно бугенвиллею. Так же яркие и колоритны были эти люди, теперь окружающие её. Также живучи и выносливы они были, несмотря на ежеминутную угрозу уничтожения, питая и развивая эту землю, о которой мечтали веками.

И именно им была так благодарна эта земля, Эрец Исраэль, дававшая обильные урожаи круглый год, урожаи в пустыне, которая веками не рожала ничего, кроме этих самых кактусов и вечнозелёных кустарников, пока евреи не вернулись на свою потерянную родину, о которой, как заклинание, каждый год повторяли в Песах – "В следующем году – в отстроенном Иерусалиме!".

Да, кактус был символом евреев, в немногочисленном количестве оставшихся здесь, поддерживая дух тех, кто жил в рассеянии, но современным символом еврея, вернувшегося на историческую родину и заново возродившего эту страну, всё-таки представлялась Тане бугенвиллея, также завезённая сюда издалека, и сумевшая разрастись здесь, обретя новую родину. Таня надеялась, что со временем и она тоже приживётся здесь и будет называть эту маленькую страну своим домом.

Она вспомнила, как они так же ехали в такси из аэропорта в первый день их прилета в Израиль и увидели всю эту неувядающую красоту.

- Что это за цветы? – спросила Таня, с изумлением оглядываясь вокруг.
- Это бугенвиллея, – ответила мама, всегда интересовавшаяся растениями.
- По цвету напоминает скорее фуксию, – задумчиво сказала Таня.
- А она бывает самых разных оттенков.

И действительно, по дороге попадались белые, оранжевые и другие самые немислимые цвета.

- Это бугенвиллея цвета фуксии! – засмеялся Антоша.

С тех пор именно этот контрастный вид бугенвиллеи – зеленое с ярко-розовым – приковывал Танин взгляд на улице. Уж очень эффектно было это сочетание. Оно привлекало внимание и казалось Тане неотделимым от её представления о стране.

Она только сейчас поняла, как устала от этой поездки. Наверное, это от того, что она желала получить так необходимую ей после расставания с Лёшей моральную подпитку, а вместо этого пережила ещё одно расставание со Славиком. А чего ещё можно было ожидать после стольких лет?

Таня поехала на поезде к Лизе. Очень не хотелось будить с утра папу, чтобы он её забирал. А Лиза уже встала и ушла на работу к тому времени, как Таня, усталая, с чемоданом ввалилась в её маленькую квартиру.

Ленни спал и был очень недоволен внезапным вторжением и сопутствующим ему шумом. Таня пошла в душ. Потом спала до обеда. Доедая суп, который она нашла в холодильнике у Лизы, Таня услышала звонок. Это был Славик. Они поболтали о том, как она долетела, потом о том, как проходит его первый рабочий день. За этим, казалось бы спокойным разговором была какая-то печаль, которую они оба пытались скрыть.

– Тебе понравился Питер? – спросил под конец разговора Славик.

Тане показалось, что он хотел спросить о чём-то другом, но так и не решился. Ещё ей показалось вдруг, что это сказал не тот Славик, которого она встретила в Питере, повзрослевший, уверенный в себе, а прежний Славик, её одноклассник, с которым она всегда чувствовала какую-то необъяснимую, мучительную недосказанность. "Вот почему я тогда от него отсела," – вдруг подумалось, как будто вспомнилось ей. Это прозрение не принесло ей никакого облегчения.

Они попрощались и что-то томительное повисло в воздухе, когда он отключился.

Ближе к вечеру вернулась Лиза, они пошли прогуляться по набережной. Вечер стоял тихий, море было спокойно, дневная жара улеглась.

Звонок прозвенел где-то дня через два. Таня подумала, что это снова Славик. Но на телефоне высветился незнакомый заграничный номер, и бодрый женский голос спросил по-русски:

– Татьяна Владимировна?

– Да, – удивилась Таня.

Никто никогда не звал её по имени-отчеству. Это вообще было не принято в Израиле.

– Здравствуйте, Вам звонит Вероника, секретарь Вашего недавнего знакомого Микрюкова. Николай Алексеевич хотел бы переговорить с Вами.

Таня удивилась ещё больше. Она даже готова была поднять вопросительно брови, как это делала Лиза, когда была сильно удивлена.

В трубке раздался голос Микрюкова:

– Таня, здравствуйте, – сказал он. – Вы просили так себя называть, – помолчав, добавил он.

– Да, здравствуйте, Николай Алексеевич.

– Для Вас просто Николай. Знаете, я тут вспомнил наш недавний разговор. Вы говорили, что занимаетесь живописью. Я как раз ищу художника-оформителя для бара-ресторана, который недавно приобрёл.

– Да, я брала уроки в художественной студии и продолжаю рисовать, но это

всё так, больше для себя. Тем более, что я никогда не занималась оформлением.

– Я понимаю. Не согласитесь ли прислать фотокопии любых своих работ? Знаете ли, я стараюсь мыслить широко, и не рассматривать только кандидатуры тех, кто занимается оформлением помещений. Иногда удачный рисунок может полностью поменять обстановку, и вот я подумал, если мне подойдут Ваши эскизы, то я найду людей, которые смогут по ним выполнить дальнейшую работу. Если Вы заинтересованы, мой секретарь завтра же Вам перезвонит.

Таня растерялась. Голос Микрюкова звучал очень уверенно, и похоже было на то, что он всерьёз заинтересовался её рассказом с того вечера, когда они встретились на открытии выставки. А ей-то казалось, что он просто вежливо поддерживает беседу! Таня отвечала, что переберёт работы и посмотрит, что может подойти. Они попрощались.

Таня была очень удивлена. Кто бы мог подумать, что Микрюков запомнит тот разговор. Значит, он неспроста сразу же записал номер её телефона.

Таня достала альбомы и наброски, оставшиеся после занятий в студии. Похоже, что-то могло и подойти.

Она нашла рисунок, за который получила грамоту на конкурсе живописи, ещё обучаясь в студии в Ташкенте. Это был Дионис, списанный с одноимённой скульптуры Микеланджело. В оригинале он стоял белый, высокий, с обнажённым торсом, небрежно опершись о бочку с вином. Голову обрамлял венок из виноградной лозы. Тане же всегда нравилось рисовать движение. Греческий бог у неё был изображён размашисто шагая и сосредоточенно глядя прямо перед собой.

Следующее, что привлекло Танино внимание, был неоконченный набросок с дриадами. Сидя высоко на дереве, нимфы с вплетёнными в волосы лиловыми лентами, казалось, качаются на ветвях и весело щебечут о своих лесных делах. Фон был ярко-жёлтый, как бы залитый солнечным светом. Таня вспомнила, что всегда, ещё с детства любила жёлтый цвет. Он первым заканчивался в её палитре, будь то карандаши или краски.

Пожалуй, такой светлый фон не совсем подходит для бара-ресторана, где обычно царит обстановка приглушённого света и свечей. Но с ним можно поработать.

А, вот что точно должно подойти – гранаты! Выполненные карандашом, они лежали на поверхности широкого стола – один разломанный и два целых. Тени здесь очень удались. Таня никогда не думала добавлять цвет, но она вдруг отчётливо увидела, как оживает рисунок, если добавить сочного тёмно-красного, переходящего в бордовый на стыке чёрных теней. Этот рисунок будет хорошо смотреться в тёмном помещении.

На следующий день, когда секретарь Микрюкова, Вероника, перезвонила ей, у Тани был готов ответ. Она сказала, что отсканирует и вышлет ей три рисунка. Вероника поинтересовалась в свою очередь, есть ли что-либо ещё, и Таня ответила, что готова выполнить эскизы в похожем стиле, если эти три подойдут.

Внезапно она загорелась этой идеей. Как же давно она не рисовала! Краски могли высохнуть, а какие-то она вообще, кажется, оставила у Лёши. Да, до антресолей, где они лежали, она не добралась, когда собирала вещи. Но это не беда, она в любом случае хотела встретиться с ним. До начала учёбы ещё пол-

месяца. Будет чем заняться.

Таня на всякий случай ещё раз перерыла вверх дном сумку с кисточками и красками. Да, так и есть – её акварели остались на прежней квартире.

Вероника показала Микрюкову рисунки в этот же день, и вечером он снова звонил Тане.

– Таня, Ваши работы очень заинтересовали меня. Возможно, понадобятся ещё эскизы. Если Вы не готовы, я найду человека, который сможет выполнить их в том стиле, который предлагаете Вы. Но если честно, я предпочел бы, что бы Вы занялись ими лично.

И Таня согласилась. Ей нравилось чувствовать себя нужной, занятой интересным делом. Она с жаром взялась за работу. Ей вовсе не нужны краски. Она всё нарисует цветными карандашами.

И вот в течение следующей недели было готово ещё несколько рисунков. Первый из них – чаша с цветами и виноградом, стоящая на перилах веранды, за которой открывался вид на цветущий сад.

Затем ещё один рисунок – быстроногий олень остановился и смотрит на зрителя у дерева, с которого, воровато оглядываясь, слезает смешной толстяк Бахус и держит одной рукой на плече кувшин, предположительно с вином.

Следующий сюжет являл собой двух моряков с английскими шкиперскими бородами, хохоча чокающимися двумя полными кружками с пивом. Из кружек лилась пена, и Тане подумалось, что именно эта деталь вышла у неё лучше всего.

Дальше шли два весёлых кота, сплетающие хвосты под столиком на кухне, а возле самого столика стояла красotka в вечернем платье с бокалом мартини. Ножка стакана была такой тонкой и изящной, что делала его похожим на перевернутый зонтик. Элегантность позы дамы перекликалась с изяществом сосуда, который она держала в тонких пальчиках.

Таня отсканировала и послала и эти работы. К вечеру Микрюков звонил сам. Он объявил, что остался очень доволен её эскизами и добавил, что и не сомневался в её таланте. Такие слова было лестно слышать. Микрюков проинформировал её, что сейчас ведутся ремонтные работы в баре, а ближе к концу ноября начнутся и отделочные. Он просил Таню лично приехать и поучаствовать в утверждении проекта оформления.

Ну что ж, подумала Таня, учебный год начнется в начале ноября, но всё, что ей осталось, это только встретиться пару раз с профессоршей и завершить диплом. Она согласилась приехать.

И только тут она вспомнила, что надо бы позвонить Лёше. Все же она обещала. И, конечно, отвезти посылку племяннику старушки из Петах-Тиквы. Внезапно оказалось, что нужно переделать кучу дел. Таня начала со сложного. Она позвонила Лёше.

Лёша ответил довольно быстро.

– А, привет. Спасибо, что позвонила. Мне не совсем удобно сейчас говорить. Я могу перезвонить через четверть часа?

– Да, конечно. Извини, я не подумала, что ты на работе.

– Да нет, я в отпуске. Я тебе перезвоню.

Лёша и отпуск – это были два понятия, не совсем совместимые друг с другом. По Таниному мнению, он вообще не умел отдыхать, да и не любил. Ну, что ж, значит, его всё-таки выгнали в отпуск, скорее всего, насильно.

Лёша и правда перезвонил ровно через пятнадцать минут.

– Понимаешь, – сходу начал он, – ко мне гости приехали из России.

Таня не могла припомнить, когда за всё время общения с ней он принимал гостей.

– Да, я понимаю, я не спешу со встречей. Единственное, что мне нужно – это забрать краски. Я оставила их в верхнем шкафу на балконе.

Лёша замолчал. Кажется он обдумывал, как поступить.

– Хорошо, я могу тебе их передать через неделю.

– Через неделю? Они нужны мне уже завтра, а лучше сегодня вечером.

– Зачем они тебе вдруг так срочно понадобились? – кажется, в его голосе слышалось тщательно скрываемое, но хорошо знакомое Тане раздражение.

Теперь она замолчала, не зная, как поступить.

Наконец, они договорились, что завтра в двенадцать часов Таня будет ждать Лёшу у подъезда.

– Я спущусь и всё тебе отдам, – сказал он.

Таня пришла чуть пораньше. Солнце светило вовсю на проспекте Бен-Гуриона в Хайфе, отражаясь на куполе храма Бахайских садов. Таня не торопясь прошла по улице, как стрела указывающей прямо на Средиземное море. Потом свернула на проспект а-Мегиним. Там, в новом высотном доме она когда-то жила с Лёшей. Окна их квартиры выходили под углом на великолепные сады бахайцев, ухоженные и вечнозелёные, как на картинке.

Таня остановилась возле знакомого подъезда. Прождала десять минут и позвонила Лёше. Его телефон не отвечал. Подождав ещё минут пятнадцать, Таня с удивлением подумала, что это, пожалуй, был первый раз, когда Лёша опоздал. Она послала ему сообщение. Никакого ответа.

Тогда Таня решила подняться в квартиру. Может, Лёша дома и просто не слышит её звонков? Взял же он отпуск и позвал гостей, значит, могло случиться и то, что он может пропустить её звонки и сообщения. Всё-таки люди меняются.

Таня набрала код входа в подъезд и с удовлетворением обнаружила, что его не меняли. Поднялась на восьмой этаж и позвонила в дверь.

Ей открыла незнакомая девушка с крашенными почти белыми волосами и губами уточкой. Таня растерялась. Может, Лёша переехал?

– Вам кого? – спросила незнакомка.

– Мне Лёшу.

– А Алексея нет дома. Ему что-то передать?

– Я должна была встретиться с... Алексеем, – Таня впервые назвала Лёшу полным именем, – чтобы кое-что забрать.

– А вы кто?

– Я? – растерялась Таня. – Я его знакомая.

– Он ничего для Вас не оставлял.

– Я знаю, я оставила у него кое-что.

Складывалась пренеприятнейшая ситуация. У Лёши живет какая-то девушка. Его самого нет дома, и на звонки он не отвечает. Таня вздохнула. В это время зазвонил её телефон.

– Алло?

Торопливый Лёшин голос в трубке сказал:

– Таня, извини, что я опоздал. Понимаешь, у меня сейчас гости. Придётся

встретиться в следующий раз.

– Я у тебя дома, – помолчав ответила ему Таня.

– Что?! Я сейчас буду.

Он пришёл через десять минут, в течение которых девушка, ходившая в Лёшиной квартире в полосатых шортах и белой майке уходила на кухню, возвращалась и рассматривала Таню.

Лёша вошел и с порога уставился на них обеих, будто бы силясь угадать, что здесь произошло до его прихода. В руке у него был букет из трех гвоздичек и небольшая коробка шоколадных конфет. Все это он спешно пристроил на столике у входа. Царило напряжённое молчание.

Наконец, он, как-то неловко кашлянув в кулак, проговорил:

– Знакомьтесь, это – Таня, а это – Вика.

Вика смотрела то на Таню, то на Лёшу. Таня не мигая смотрела на него в упор. Ей просто хотелось уйти, не знакомясь ни с кем и не выслушивая всё то, что она видела, Лёша готовился ей сказать.

– Я пришла за своими красками. Можно их забрать?

– Конечно, идём, – ответил Лёша искусственным бодрым голосом.

Таня видела, что ему очень неловко, но её на самом деле не волновало, что связывало Лёшу и его "гостью". Она отчетливо поняла, что эта встреча – последняя. Она только не понимала, зачем он пытался с ней поговорить, когда она ещё была в Питере.

Когда они вышли на балкон, Лёша закрыл за собой дверь поплотнее. Таня не смотрела на него, но она и без этого чувствовала, что он готовит речь. По части речей он был большой мастер.

– Таня, я тебе сейчас всё объясню, – начал Лёша привычным размеренным голосом.

– Ты не обязан мне никакими объяснениями.

Кажется, похожей фразой она ответила Славику всего две недели тому назад, когда он хотел рассказать ей про Машу.

– Я просто хочу забрать краски и уйти.

– Мы же хотели поговорить, – Лёша вдруг перешёл на несвойственный ему спешный тон. – Понимаешь, сейчас не очень удобно. Это Вика, моя одноклассница. Она просто приехала ко мне в гости и скоро уезжает.

Таня молчала. Она сама была в роли Вики две недели назад. Пора заканчивать с этими совпадениями. Она взобралась на стоявшую рядом табуретку и открыла дверцы антресолей. Без труда она нашла там большую коробку, в которой держала все свои рисовальные принадлежности. Как же она могла их забыть? Таня сунула голову в коробку. Всё было на месте. Можно уходить.

Лёша продолжал говорить. Таня не вслушивалась, но одна фраза всё-таки долетела до неё, когда она тащила коробку вниз.

– ...Она даже спит отдельно.

Таня чуть не свалилась с табуретки.

– Меня абсолютно не интересует, где и как она спит!

Похоже, это вышло слишком громко, потому что выходя с балкона, она вдруг увидела, как Вика быстрым шагом пронеслась мимо неё в ту комнату, которая раньше была их кабинетом, и на ходу шмыгнула носом, видимо, собираясь заплакать.

Боже, этого ещё не хватало! Торопясь убраться из этого злополучного места,

Таня, не видя собственных ног из-за коробки, которую не выпускала из рук, всовывала ноги в кроссовки. Кофту она даже не стала надевать, а просто схватила её со стула, на котором оставила раньше, и повернулась к двери.

Лёша падал в её глазах с умопомрачительной скоростью. Жаль только, что сам он не чувствовал своего стремительного падения, иначе не стал бы придерживать входную дверь, которую Таня открыла одной рукой.

– Я уверен, что во всём можно разобраться, – торопливо говорил он вслед Тане, которая решила не ждать лифта, а просто неслась вниз по лестнице.

Для неё инцидент был исчерпан. Навсегда.

Вылетев на улицу, она глубоко вдохнула. Ей хотелось смеяться. Какая свобода! И не нужны ей никакие объяснения!

Вечером Таня позвонила по номеру племянника, который ей дала питерская старушка.

– Алло? – коротко ответил энергичный мужской голос.

– Здравствуйте, это Яша? – спросила Таня.

– Да, это я.

Таня объяснила Яше, кто она, и спросила, как передать ему посылку.

– Да-да, дядя говорил мне о тебе, – вот так, сразу на "ты", по-израильски говорил голос в трубке. – Ты в Хайфе? Я могу приехать вечером и забрать посылку.

– Вы приедите из Петах-Тиквы на север? – удивилась Таня.

Всё-таки это был не близкий свет. Она предложила обладателю энергичного голоса встретиться в Тель-Авиве на следующий день. Всё равно нужно съездить к родителям.

С утра пораньше Таня села на поезд до Тель-Авива. Она очень любила такие поездки. Северная ветка проходила вдоль моря, и это каждый раз было незабываемое зрелище. Электричка мерно скользила по рельсам. Водная гладь отражала утренние несмелые лучи. Слева виднелась гора Кармель.

Очень часто они с Лизой садились на автобус до Хайфского университета, и оттуда шли пешком в горы. Свежий хвойный воздух, нагретый солнцем, открытые пространства, простирающиеся внизу – всё это всегда приводило их обеих в восторг.

Подъезжая к Тель-Авиву, Таня в мыслях уже снова была в Питере. Как же ей повезло! Она сможет снова пройтись по залитым дождём проспектам, погулять в парках, насмотреться, надышаться свежим северным воздухом!

Яша встречал Таню на станции Савидор Мерказ. Это был невысокий брюнет лет сорока. К Таниному удивлению, у него были немного раскосые глаза. "Интересно, – подумалось ей, – если бы я не знала, что он из Питера, то подумала бы, что он – бухарский еврей".

Бухарские евреи считались одной из древнейших еврейских общин в рассеянии. В Бухару они попали много веков тому назад, а точнее, ещё в пятьсот тридцатом году до новой эры. Исторически известно было то, что их предки прибыли в Среднюю Азию в числе войска Кира Второго Великого, воевавшего с кочевниками-массагетами.

Эти представители еврейского народа были также в числе первых репатриантов покидавших СССР с середины 1970-х годов и стремившихся в молодое государство Израиль.

Несмотря на то, что внешность нового знакомого никак не вязалась в её

представлении с его дядей и Питером, Таня не стала расспрашивать Яшу о его корнях. Пока лишь она только отвечала на его вопросы:

– И как тебе Питер? Понравилось? – говорил он в присущей местному населению торопливой и дружелюбной манере, проглатывая слова и не дожидаясь развернутого ответа.

– Да, там очень хорошо.

– Я очень рад, что ты помогла мне получить посылку от дяди. Я составляю генеалогическое древо нашей семьи, и фотографии мне в этом очень помогут.

– Интересно, и как далеко Вы смогли продвинуться?

– Пока только до шестого колена. Но всё ещё впереди.

– Подумать только – до шестого колена! Я не уверена, что смогу назвать кого-либо из своих прапрапрадедушек и прапрапрабабушек!

Они разговорились, и Яша пригласил Таню прогуляться, если она не спешит. Она не спешила. Яшин рассказ о семейном дереве заинтересовал её, и теперь они шли к набережной. Яша предложил угостить Таню мороженым.

Они шли вдоль моря и разговаривали о том, как каждый из них приехал в Израиль, об учёбе и работе. Выяснилось также, почему у Таниного собеседника была такая интересная внешность:

– Мой отец – татарин, а мама – еврейка, – он помолчал и внимательно посмотрел на Таню, видимо, проверяя, какое впечатление на неё произведут его слова.

– А я думала, что ты – бухарский еврей! – они уже перешли на "ты". – Только не могла понять, какое отношение ты имеешь к Питеру.

– В Питере живет мой дядя, а мама познакомилась с папой, и они уехали в Ташкент.

– Да я ведь тоже из Ташкента! – сама не зная почему, обрадовалась Таня.

Не так много земляков она встречала в Израиле.

– А я знаю, – спокойно ответил Яша и снова внимательно посмотрел на неё. – Мне тётя говорила.

Таня удивилась тому, как много старушка успела рассказать своему израильскому родственнику.

По дороге обратно в машине у Яши вдруг зазвонил телефон. Яша посмотрел на экран:

– Придётся ответить. Это моя мама.

Он включил громкую связь, сразу же предупредив:

– Мама, привет. Я за рулём и не один в машине. Я могу тебе перезвонить?

– Здравствуй, дорогой! – заговорил в телефоне низкий женский голос.

Он как будто бы сразу занял все пространство салона автомобиля.

– Я очень рада, что ты получил посылку. Женечка упомянула, что её передаст очаровательная девушка, которая помогла ей самой в аэропорту.

Таня улыбнулась при этих словах. Она поняла, что Женечка – это Евгения Сергеевна. Похоже, старушка начала рекламировать Таню ещё до того, как та успела передать посылку племяннику.

– Да, мама, эту девушку зовут Таня, – ровным голосом ответил Яша, но Таня видела, что он недоволен такой прозорливостью своей матери. – Мы как раз с ней встретились и едем в машине.

– Танечка! – мгновенно обрадовался голос в телефоне Яши. – Вы нам всем очень помогли! И знаете что? Я приглашаю Вас в гости. Обязательно приходи-

те. Мой сын Вас привезёт.

Таня немного опешила от количества приглашений и знакомств, но всё же согласилась. Позже Яша сообщил, что его мама живет в Беэр-Шеве. Таня поняла, что задержится у родителей ещё немного. Все-таки в Беэр-Шеву – столицу израильского Юга – удобнее ехать из Холона, чем из Хайфы.

Они договорились о том, что на следующий день, в пятницу, Яша встретит Таню, и они вместе поедут к его маме в Беэр-Шеву.

Таня отнекивалась, когда Яша предложил подвезти её до дома родителей в Холон, но он настоял, и Таня отметила, насколько быстро он умеет добиваться своего.

Они выехали на следующее утро в Беэр-Шеву и были на месте ещё до обеда.

Яшину маму звали Олимпиада Григорьевна. Она сразу же сообщила, что в семье её зовут Лилия. Она жила в собственной уютной квартирке на первом этаже. У неё и сад был, и маленький дворик.

Обедали в салоне, который по-ташкентской привычке называли залом. В зале стояла шикарная мебель – удобные, обтекаемые диваны, кресла и такой же удобный овальный столик. В углу высился буфет – всё одинакового тёмно-орехового цвета. Лилия сидела во главе овального стола, накладывая всем еду и зорко поглядывая на Таню. У неё был такой же внимательный взгляд, как и у брата, только выглядела она намного младше Семена Григорьевича.

– Танечка, а чем Вы занимаетесь?

– Я доучиваюсь в Тель-Авивском университете – делаю вторую степень по лингвистике.

– Ой, как интересно! А лингвистика какого языка?

Таня улыбнулась. Она уже привыкла к таким вопросам. Она терпеливо объяснила, что лингвистика – это наука о системе языка. Само слово "лингвистика" переводится как "языкознание". Изучение же любого отдельно взятого языка называется филологией. С греческого этот термин переводится как "любовь к слову".

– А мой Яша занимается биологией. Он скоро уезжает в Канаду – будет делать там постдокторантуру. Возьмите ещё грибочков. Они очень вкусные.

– Спасибо, Лилия, я уже больше не могу. У Вас всё очень вкусно.

– Берите-берите, не стесняйтесь! Я Вам и с собой положу.

Таня не знала, как отказаться, чтобы не обидеть хозяйку. Яша, увидевший её затруднение, до того долго молчавший, вступил в разговор:

– Мама, перестань Таню закармливать. Если захочет, она сама всё возьмет.

Он сказал это негромко и спокойно, но все равно получилось как-то резко. Тане даже подумалось, что не всё ладно между ними. Недаром Яша живет в Петах-Тикве.

После обеда они ещё посидели и обменялись впечатлениями о Ташкенте и Израиле. Лилия Григорьевна больше не пыталась Таню угостить, но снова пригласила её в гости.

– Приезжайте ко мне как-нибудь, – настойчиво попросила она.

Таня, к своему собственному удивлению, согласилась. Похоже, в этой маленькой семье все умели настоять на своём.

Она вернулась домой под вечер – Яша довез её до дома, хотя папа звонил и предложил её забрать откуда-нибудь по пути.

Таня провела с родителями весь следующий день. В воскресенье после обе-

да она вернулась к Лизе.

Лиза была очень удивлена Таниной кипучей деятельностью, но и она сама была занята в эти дни – мама Сережи, с которым она встречалась, попала в больницу. Они ездили к больной каждый вечер после работы.

Октябрь пролетел быстро. А ближе к середине следующего месяца раздался ещё один неожиданный звонок. Звонила Маша.

– Таня, привет. Как дела? – её голос звучал весело и уверенно, как всегда.

Она говорила так, как будто они всю жизнь так легко общались – как лучшие подруги.

– Хорошо, спасибо, – сдержанно ответила Таня.

– Слушай, я хотела попросить тебя об одолжении.

– Я тебя слушаю.

– Николай рассказал мне, что ты участвуешь в оформительских работах его заведения.

– Да, это правда.

– Он также сказал, что ты скоро приедешь в Питер на пару дней.

Таня молчала. Ей показалось, что начинается какая-то игра, в которой ей отведена роль, которую она не до конца понимает.

– Таня, я хотела тебя попросить о том, чтобы ты не говорила ничего Славик-ку о своем приезде.

– И почему же?

– Понимаешь, мы только что помирились. Он сказал, что чувствует себя виноватым в том, что не отвечает на твои чувства, и поэтому порвал со мной. В общем, я боюсь, что мы снова поссоримся, если ты появишься.

Таня снова молчала. Ну что ж, так она и думала. Славик давно не звонил ей. Оказывается, он помирился с Машей. И не удивительно, ведь они так друг другу подходят! И нет здесь никакой игры. Просто он чувствовал свою вину в том, что позвал её в гости. Он не рассчитывал, что у неё с тех пор появились чувства к нему. А когда это выяснилось, то его старая привязанность к ней дала о себе знать. Потом он понял, что она всё равно уезжает обратно и у них ничего не выйдет, и решил помириться с Машей. Всё яснее ясного.

И Маше вовсе не нужно играть в игры. Она взрослая и самостоятельная. А самое главное – это то, что Маше не нужно ничего добиваться, ведь Славик и так встречается именно с ней, а не с Таней. Она ведь просто защищает своё счастье, которому ничего не угрожало, пока на горизонте самым неожиданным образом не появилась Таня.

"Я всё равно расстался бы с Машей так или иначе...", вдруг вспомнились ей слова Славика, которые он сказал, когда вернулся от Маши. Они совсем не вязались с теми соображениями, которые пронесли за минуту до этого в Таниной голове. Ладно, какая разница, если даже она опять приедет в Питер на несколько дней? Всё равно это ничего не изменит. Она уедет обратно, и всё закончится. А у Маши со Славиком есть шанс, если она не будет мелькать у них перед глазами, претендуя на сердце своего бывшего одноклассника.

Тане было легко согласиться. Славик улетел в командировку в Ставрополь на две недели, о чём сообщил, когда звонил неделю назад. Они всё равно не встретятся в этот раз. А когда он вернётся и выйдет на связь, она расскажет ему, что снова была в Петербурге и участвовала в проекте Микрюкова. Они даже смогут посмеяться над невероятностью этого события.

Таня дописала диплом за оставшееся перед полётом время, и больше ничего не удерживало её в Израиле. Защита будет назначена в течение нового семестра.

Таня прилетела в Питер снова через две недели после разговора с Микрюковым. Вероника встречала её в аэропорту. Она оказалась высокой блондинкой с полным лицом и серьёзными серыми глазами.

Этот прилёт был совсем не похож на тот, октябрьский, когда Славик и его родители встречали её в аэропорту Пулково. В этот раз всё было по-другому.

Вероника отвезла Таню в отель на Адмиралтейской набережной. Было уже темно, стремительно наступали сумерки. Угловое здание отеля показалось Тане довольно уютным и каким-то торжественным.

– Отель-бутик, – отрекомендовала его Вероника, – очень респектабельный. Его владелица, Маргарита Вадимовна, не держит много гостей, поэтому все получают внимание и хорошее обслуживание.

Таня подумала, что Николай Микрюков вовсе не бедствует, если имеет возможность поселить её в таком отеле.

После ухода Вероники она поставила чемодан на пол, села на уютную высокую кровать и огляделась. Стены в комнате были оклеены нежно-жёлтыми обоями, отчего все вокруг, казалось, было залито приятным мягким светом. Под потолком висела деревянная люстра, и очень занятная – она была закреплена на шнуре-пружине, которую можно было потянуть книзу за деревянную же ручку, на первый взгляд просто казавшуюся предметом декора. По форме люстра напоминала шестигранный абажур, где гранями служили вставки из полупрозрачного голубоватого стекла. Таня залюбовалась этой люстрой. Она подумала, что ей совсем неплохо будет жить в такой замечательной обстановке.

Таня всегда любила свет. Если придется вносить изменения в эскизы, этот уютный свет настроит её на нужный лад. Таня прикинула, что, возможно, придётся сделать пару исправлений, как только она увидит помещение изнутри.

В углу комнаты стоял большой шкаф. Дверь справа вела в небольшую уборную с душевой кабинкой. Шторы в комнате были задернуты. За окном наступала ночь. Таня вздохнула и отправилась в душ.

Она только что вышла из ванной в пушистом банном халате и с тюрбаном из полотенца на голове, как услышала звонок скайпа. Это был Славик. На мгновение Таня растерялась. Как нехорошо получалось! Сейчас ей придется признаться ему в том, что она в Питере. Да ещё и в банном халате!

Таня всё же ответила, не включая камеры. Славик смотрел с экрана уставшим взглядом, ей даже показалась в его глазах какая-то тоска. Наверное, он соскучился по дому и устал.

– Привет! – сказал он. – А что ты не включаешь камеру?

– Привет! – Таня не знала, какую отговорку и придумать. – Да я не в самом презентабельном виде, – попыталась все же оправдаться она.

Но Славик был непреклонен:

– Оденься, я подожду.

– Да я одета.

– Так в чём же дело?

Пришлось включить камеру. Тане показалось, что Славик внимательно

оглядывает незнакомую обстановку и что-то пытается прочесть по её растерянному лицу. Конечно же, он сразу заметил, что она не дома.

– Ты где? – как бы отвечая на Танины мысли спросил Славик.

Это вышло немного хрипло и, пожалуй, слишком быстро, как будто он боялся в ответ услышать что-то, что ему могло не понравиться.

Тане очень не хотелось вдаваться в подробности, которые откроют, что она не сказала ему, что приезжает в Петербург.

– Я не дома.

– Это я вижу, – сказал Славик и нахмурился.

– Славик, я в Питере, – пришлось признаться ей.

– Где? – изумился он. – Что ты тут делаешь? Вернее там. – поправился он.

– Славик, я хотела тебе рассказать, но ты был занят, и мы почти не разговаривали в последнее время. Дело в том, что Микрюков предложил мне участвовать в своём проекте по оформлению того нового бара.

Славик глядел на неё, казалось, не веря своим ушам.

– И на сколько ты приехала?

– Да всего на несколько дней.

– Чёрт! Почему ты мне не сказала? Я мог бы вернуться раньше.

Тане показалось, что он стиснул зубы. Это снова был тот новый решительный Славик, который встречал её в аэропорту и водил по Питеру. Он отвёл взгляд в сторону.

– Славик, я всё равно не надолго. Мы не успеем встретиться.

– Теперь-то точно не успеем, – хмуро отозвался он, – я тут застрял ещё на две недели. Кажется, мы открываем здесь филиал. Место неплохое, и конкурентов не наблюдается.

Таня слушала его и смотрела на него во все глаза. Как же она, оказывается, соскучилась по нему. По его голосу, по его новой, недавно явившейся ей решительности.

И тут зазвонил её телефон. Это был Микрюков.

– Славик, подожди, – сказала она и отошла ответить.

– Да?

– Таня, – совсем близко сказал голос Микрюкова, – я хотел узнать, как Вы долетели, всё ли нормально. Вам удобно в этой гостинице?

– Да, спасибо, всё хорошо. Вероника встретила меня и устроила здесь.

Они договорились встретиться на следующее утро. Вероника заберёт её и отвезёт в офис к Микрюкову.

– И часто он так названивает? – незнакомым напряжённым голосом поинтересовался Славик, когда она повесила трубку и вернулась к нему.

Он откашлялся и взглянул на неё как-то непонятно.

– Да нет, только сейчас позвонил.

– Ясно.

Славик нахмурился. Таня замерла, силясь разобрать, что же означало выражение его лица.

– Ну, ладно, – решила она наконец, – пойду спать, уже поздно.

– Хорошо, – сказал он тихо, – потом поговорим.

Таня отключилась. Она погасила свет удивительной лампы и легла в постель. Но уснула она не сразу. Ей все ещё виделось выражение лица Славика и слышался его голос, как будто очень недовольный всем происходящим. Что

так тревожило его? Ни до чего путного не додумавшись, Таня решила спать.

Она и правда быстро уснула.

На следующий день Вероника заехала за Таней сразу же после завтрака и отвезла её в бар.

Таня представляла себе, что это будет мрачноватое тёмное помещение размером с небольшую комнату, тесное и перегороженное барной стойкой для ещё большей тесноты. У неё мелькнула в голове мысль о том, что ей, пожалуй, не захочется над этим работать. Но её сомнения не оправдали себя. Помещение, куда они с Вероникой вошли, отряхивая зонтики, было довольно просторным. Стойка была в самом конце зала, и она совсем не перегораживала пространство. Наоборот, создавала какую-то законченность и даже, пожалуй, уют.

– Добро пожаловать! – послышался издалека сочный громкий голос.

Таня повернула голову на этот голос. Откуда-то из противоположного угла шёл, улыбаясь, Микрюков.

– Основные работы закончены. Осталось только добавить детали – Ваши детали, – добавил он.

Он остановился рядом с Таней, и она удивилась тому, как не похож он был на того человека, с которым она познакомилась на выставке. Сейчас Микрюков был одет в белую рубашку с закатанными рукавами и тёмно-синие брюки. Он выглядел немного младше, чем тогда показался Тане. Может, свет тогда был другой, вечерний?

– Эти детали, – продолжал Микрюков, – какими бы незначительными ни казались, изменят весь облик этого места до неузнаваемости. В этом я уверен.

Он улыбнулся и подошёл так близко к ней, заглядывая прямо в глаза, с каким-то ищущим выражением, что Таня удивилась тому, как быстро он перешёл на приятельский тон, будто бы она была не нанятым работником, а другом, с которым он делится своим новым увлечением. Как и тогда, на выставке, это движение было таким стремительным, что ей показалось, что сейчас он возьмет её за руку или сделает что-то ещё, чтобы привлечь её внимание. Но он просто протянул ей папку, которую держал в руке:

– Я думаю, Вы хотели бы ознакомиться с предварительным планом, который я наметил здесь. Хочу предложить Вам осмотреть все стены и решить, где лучше нарисовать ту или иную картину из тех, что Вы мне прислали.

Таня смущённо улыбнулась:

– Да это не картины, а просто рисунки.

Микрюков по-прежнему очень внимательно смотрел ей в глаза.

– Для меня Ваши работы являются настоящим предметом искусства, и я надеюсь, что публика по достоинству оценит каждую из них.

Он слегка улыбнулся ей, и, прежде чем она успела ответить ему, кивнул и отошёл к группе людей в рабочих комбинезонах, стоявших возле окна.

"Ну, что ж, посмотрим..." Таня пошла вдоль стен с папкой в руках. Итак, в нише между двух окон Микрюков предполагал разместить гранаты. По обе стороны от окон висели небольшие настенные светильники. Это совсем не плохая идея, так как в тёмном помещении небольшие источники света могли бы очень выгодно оттенить сочную красную мякоть плодов и осветить жёлтые прожилки между зёрнами. Да, это было хорошо придумано. Таня двинулась дальше.

Славик не шёл у неё из головы. Почему после того, как она обещала Маше не говорить ему о том, что приезжает в Питер, чтобы не вставать снова между ними, она вдруг чувствует себя предательницей? Ведь она же, наоборот, хотела, чтобы улеглось напряжение, возникшее между ней и Славиком после её первого приезда. Иначе она не сможет снова воспринимать его, как друга, и будет мучительно думать о том, что было бы, если бы она вовремя заметила, что он к ней неравнодушен. Один вопрос тревожил её теперь – если бы она знала, что Славик с кем-то встречается, согласилась ли бы она приехать к нему? На этот вопрос Таня не нашла однозначного ответа.

Она обошла всё помещение по периметру и осталась очень довольна, а когда уже собралась уходить, Микрюков окликнул её и, отмерив быстрыми шагами расстояние от барной стойки, где он стоя что-то писал, до неё, приблизился к ней практически вплотную.

– Таня, я хотел бы пригласить Вас вечером на ужин, чтобы обсудить с Вами все Ваши соображения по поводу плана работ, – и он кивнул на папку, которую Таня держала в руке.

– Да, конечно, – согласилась она.

– Хорошо. Будет удобно, если я встречу Вас в холле отеля в шесть?

– Да, вполне.

– Хорошо.

Он был доволен. Таня видела улыбку, притаившуюся в весёлом прищуре его глаз. Он коротко кивнул ей и снова отошел к стойке.

Без четверти шесть Таня ещё собиралась перед зеркалом, когда услышала звонок по скайпу. Её собственное отражение вопросительно глянуло на неё и отметило ещё раз то, что она с удовлетворением наблюдала за минуту до этого – как шло ей её новое сатиновое зеленое платье, тёмного насыщенного оттенка, играющее и переливающееся в свете волшебной лампы.

Сначала Таня хотела взять с собой только пару джинсов и несколько свитеров – удобную рабочую одежду. Как хорошо, что Лиза все же уговорила её взять это новое платье! Иначе в чём же она пошла бы сейчас в ресторан? Не в джинсах же!

Оставалось только надеть серёжки – и она готова! Таня оторвалась от зеркала и взглянула на экран компьютера. Надо было выключить его перед уходом. Кто там звонит? Не опоздать бы! Нехорошо заставлять Микрюкова ждать.

Звонил Славик. Он увидел её лицо в камере и сразу же сказал:

– Нам нужно поговорить.

Таня отошла от стола, на котором стоял её лэптоп, потянувшись за коробочкой с серёжками, и удивилась, почему он замолчал. А когда оглянулась, то увидела, что Славик напряжённо смотрит на неё.

– Какая ты красивая, – сказал он наконец. – Ты куда-то уходишь?

– Спасибо! Да, у меня встреча с Микрюковым. Ты знаешь, всё выходит довольно неплохо.

– Что выходит неплохо? – переспросил он как-то поспешно.

– Наш проект. Слушай, извини меня, но долго говорить не получится. Мне скоро уходить.

Славик рассеянно кивнул, продолжая молча смотреть на неё.

– Давай, я завтра тебе позвоню, – предложила Таня.

Он согласился и отключился. Таня вдела серёжки в уши, взяла пальто и вышла. В холле её уже ждал Микрюков. Он был одет в тёмно-серую рубашку и чёрные брюки – совсем как при первом их знакомстве, только без пиджака. Он поднялся при её появлении с дивана, на котором сидел, держа в руках телефон. Тёмно-коричневое пальто было перекинуто через локоть. Его абсолютно лысая голова блеснула при свете ламп холла, висевших очень низко и отбрасывающих тени на лицо.

– Таня, Вы выглядите великолепно, – сказал Микрюков.

Таня улыбнулась. Она поймала своё отражение в зеркале за его спиной и вдруг почувствовала себя очень счастливой. Впереди была интересная работа, которая принесёт ей массу удовольствия. В этом Таня была уверена. А сегодня она идет в ресторан, где они с Микрюковым будут обсуждать её рисунки.

У Микрюкова был чёрный БМВ с водителем. Они сели на заднее сиденье и поехали через вечеряющий город мимо тускло горящих фонарей и куч осенних листьев по бокам тротуаров. Вдоль улицы шли люди, одетые по-осеннему. У многих в руках были нераскрытые зонты – утром шёл дождь.

Машина подъехала к зданию с огромными окнами, в которых отражались огни внутренних ламп. Они горели мягким светом, освещая большие колонны залов ресторана.

– "Амасия", – прочитала Таня название над входом. – Интересно, что это означает? – сказала она, поворачиваясь к Микрюкову.

Он медленно обошел её, открыл перед ней дверь и ответил:

– Мне говорили, что так звали царя древнего государства Армении. Это армянский ресторан.

Внутри было волшебно. Стены, отделанные плиткой и барельефами, напоминали атмосферу какого-то старинного замка. Такого Таня ещё не видела.

Улыбающийся молодой человек возник перед ними и принял их верхнюю одежду. Всё было необычно в этом месте – богатая обстановка, роскошная мебель, даже глиняная посуда, как выяснилось, была сделана вручную известным мастером.

Официант был очень услужлив. Он объяснял состав блюд с незнакомыми названиями, за которыми, как оказалось, скрывался привычный набор продуктов кавказской кухни.

– Я никогда не была в армянском ресторане. В грузинском была. В Иерусалиме одна семья держит очень хорошее место.

– Да? Я рад, что смог показать Вам что-то новое. Я часто хожу сюда. Мне нравится еда и местное обслуживание.

Они пили красное армянское вино, заказали вкусное мясо и прикинули, что хотели бы на десерт.

– Ну, как? Вам нравится здесь? – улыбаясь спросил Микрюков.

– Очень! Так вкусно, что язык можно проглотить! – засмеялась Таня. – Но мы совсем не говорили о делах.

– Я хотел, чтобы Вы сначала вкусно поели и по достоинству оценили гостеприимство нашего города, – серьёзно сказал Микрюков.

Его глаза, раньше казавшиеся тёмно-серыми, теперь были почти чёрными в приглушённом свете, льющим сверху с колонн и сбоку из светильников на стенах.

– Видите ли, я хотел показать Вам это место. Оно очень необычное. Я хочу,

чтобы мой бар тоже был оригинальным и самобытным. И я надеюсь, что Вы мне в этом поможете.

– Конечно, помогу. Кстати, мне понравилось, как Вы распределили эскизы по стенам.

– Я рад, что Вы одобряете.

– Только мне кажется, что нужно больше рисунков.

– Полностью с Вами согласен, – Микрюков кивнул.

Его голова опять блеснула матовыми бликами, и Таня подумала, что есть что-то гипнотизирующее в этом голом черепе.

Она вышла в дамскую комнату и там остановилась перед зеркалом. Её серебряные серёжки с жадеитом, зелёные, под цвет платья, были привезены Лизой из Иордании. Лиза подарила их Тане, чему та невероятно обрадовалась. Ей нравился их живой зелёный цвет. Её собственные глаза казались ещё выразительнее с этими серёжками. Она даже платье купила такого же цвета, хотя обычно подбирают бижутерию под одежду, а не наоборот. Сейчас камни казались почти прозрачными в свете лампы над головой. Таня очень любила серёжки, и её близкие и друзья знали, что лучше подарка для неё им и не придумать.

Щёки у Тани горели, она открыла кран, опустила руки в воду и приложила холодные ладони к лицу. Вдруг дверь открылась и высокая рыжеволосая девушка появилась на пороге. Она быстро прошла позади Тани, так что не видно было лица, но всё равно показалась смутно знакомой.

Таня вернулась на своё место, и они продолжили разговор. Минуту спустя девушка, которую она видела в дамской комнате, появилась в зале. С удивлением Таня узнала Машу. Похоже, та, свою очередь, узнала их, потому что направилась прямо к столику, где сидели Микрюков и Таня.

– Добрый вечер, какая неожиданность! – приветствовала их Маша.

Глаза её сияли.

Микрюков предложил Маше присоединиться к ним, но она отказалась, сказав, что ждёт клиентов.

Она уже уходила, но потом задержалась, как будто решившись, и, повернувшись к Тане, спросила:

– В этот раз ты снова остановилась у Мариных? Мы могли бы встретиться и пойти куда-нибудь вместе.

– Нет, – удивилась Таня. – Славик же в Ставрополье. Я не хотела беспокоить его родителей.

– Да, конечно, он же уехал! – как будто спохватившись, поспешно ответила Маша.

И, кивнув, отошла.

Они уже вышли на улицу. Вечер подходил к концу, а Таня все думала, что же показалось ей странным. Наверное, Машина реакция на то, что она не остановилась в этот раз у Славика. Что ж, она же обещала ей и себе, что в этот раз не будет мешать.

Микрюков пригласил Таню на следующее утро подъехать к нему в офис.

– Женя подвезёт Вас.

Женей звали его личного водителя.

Машина остановилась возле отеля, где жила Таня, и Микрюков вышел её проводить. Она уже повернулась, чтобы уйти, пожелав ему спокойной ночи,

как опять скорее почувствовала, чем увидела быстрое движение. В этот раз он всё-таки взял её за локоть.

– Я прекрасно провел вечер с Вами, Таня, и очень благодарен Вам за то, что Вы согласились мне помочь.

– Спасибо большое. Мне тоже очень понравилось.

Она кивнула ему и поднялась по ступенькам наверх.

Славик

После Таниного отъезда Славик с головой окунулся в работу. Диплом был написан, и вчерашний студент смог устроиться на полную ставку. Непосредственный начальник Славика, менеджер по маркетингу Виталий Павлович Кузовков, принял решение об утверждении действующего сотрудника в свой отдел на постоянной основе без колебаний. Он давно уже присматривался к этому спокойному, рассудительному парню, который очень внимательно выслушивал указания и никогда не задерживал свою небольшую часть проекта, не важно было ли это время сессии или каникул.

Славик остался в том же кабинете маркетологов, приютившем, кроме него самого, ещё двоих сотрудников – Дашу Везенцеву и Сеню Федоренко. Они оба были настолько разными, насколько могут различаться два человека, выросших в разных местах необъятного постсоветского пространства.

Даша была коренной петербурженкой, воспитанной на здешней культуре, поездках по грибы в осенний лес, окончившей местную школу, а потом и институт. Даше было хорошо за сорок. Она улыбалась лучистыми голубыми глазами, носила распущенные волосы медного цвета, пушистую чёлку и длинные юбки, которые остались ей ещё после бабушки, и водила кучку таких же влюблённых, как и она сама, в Питер сотрудников на выставки и в театр.

Она разводила в их рабочей комнате цветы, обклеивала стены удачными слоганами их собственных рекламщиков и успевала всё на свете. И никому никогда не приходило в голову применить к ней ту жесточайшую меру дисциплины, от которой страдали другие сотрудники, а чаще сотрудницы их фирмы, – дресс-код.

Начальница отдела кадров Наталья Семёновна, дородная шатенка гренадёрского роста, по утрам и на послеобеденных планёрках очень часто скучным голосом распекала их за длину юбок, расцветку рубашек, но стоило её взгляду остановиться на Даше, как она замолкала и переводила взгляд с её разноцветных шалей и гроздей серёжек на более уязвимых подчиненных, жавшихся под этим взглядом и прятавшихся за широкие спины своих коллег, чаще всего мужского пола.

Никто не мог противостоять Дашиному обаянию.

– Дарья, можно просто Даша, – открыто глядя в глаза Славiku, улыбаясь ему и протягивая длинную узкую ладонь, сказала она, когда тот знакомился с новыми коллегами в первый рабочий день.

– А отчество? – осторожно и медленно переспросил Славик, серьёзно и внимательно разглядывая ведущего маркетолога крупной организации, куда ему посчастливилось попасть.

– А зачем оно тебе? – доброжелательно поинтересовалась Даша и улыбнулась ещё теплее. – Мы тут все на “ты”.

– А, хорошо! – Так же серьёзно согласился Славик.

Второй сотрудник отдела, Сеня, был молод и очень не уверен в себе. Он родился и рос где-то в Молдавии. Никто точно не знал, где именно, но всё-таки, видимо, не в самой благополучной её части, так как ещё в школьные годы Сенина семья вынуждена была переехать в Одессу, а оттуда уже – в Пермь. Сам Сеня после окончания школы приехал поступать в институт в Санкт-Петербурге и остался здесь же после окончания учёбы. Сеня был блондином с серы-

ми глазами и светлыми ресницами. Он говорил медленно и тихо. На общих собраниях забивался подальше в угол, так что Виталию Павловичу всегда долго приходилось искать его глазами, когда он проверял наличие своих подчинённых на месте.

Славику казалось, что Сеня боится, что его могут уволить, и тогда ему придётся снова уехать в Пермь, поэтому всегда старался сверх меры и оставался на работе одним из последних в офисе.

Славик дружелюбно относился к обоим своим коллегам, тем более что они открыто обрадовались тому, что он остаётся работать у них после окончания учёбы. Сеня даже улыбнулся рассеянной мимолетной улыбкой, а Даша в обеденный перерыв принесла из кондитерской напротив ароматный рулет с чёрной смородиной, чтобы отпраздновать окончательно утверждение Славика в их коллективе.

Но подружился Славик все-таки с Петрушей Арсеньевым. Петруша был одним из рекламщиков. Он был на год младше Славика и тоже только что окончил учёбу. Это был крепкий коренастый парень на полголовы ниже Славика с большим рыжим чубом над высоким лбом и глубоко посаженными смеющимися глазами под такими же рыжими бровями. Они интересным образом дополняли друг друга. Петруша был разговорчив и смешлив ровно настолько, насколько Славик был молчалив и серьёзен. Они оба оказались в одинаковом положении самых молодых сотрудников своих отделов. Видимо, это и сблизило их.

Они вместе бегали за едой в перерыв на обед, часть пути вместе ехали с работы в трамвае. И скоро начали встречаться и на выходных – ходили друг к другу в гости, на каток, ездили за город. На работе они постоянно пересекались в разных проектах, что только способствовало их тесному общению.

Похоже, Славикина карьера пошла в гору, поскольку именно его Виталий Павлович отправил через пару месяцев в Ставрополь с командой отдела по работе с общественностью открывать новый филиал. Во время краткой беседы, предшествующей этому знаменательному событию, Виталий Павлович вызвал Славика в кабинет, где состоялся важный разговор.

С бьющимся сердцем и непроницаемым лицом вошел Славик в офис своего непосредственного начальника.

– Виталий Павлович, вызывали?

– А, Слава, заходи, заходи.

Виталий Павлович оторвался от экрана своего ноутбука и взглянул на Славика. Тот сел в кресло напротив.

– Да, хотел с тобой поговорить. Понимаешь, наши едут в Ставрополь через две недели, и с ними по плану должен поехать один из сотрудников нашего отдела.

Виталий Павлович помолчал, и Славик выжидающе замер.

– Так вот. Даша нужна мне тут, на текущих проектах. И я решил послать тебя. Как думаешь, справишься?

– Сделаю все возможное для этого, – загораясь от гордости и доверенной ему ответственности отвечал Славик.

Он понимал, что в их отделе не так много сотрудников, но если выбирая между Сеней и им, Виталий Павлович всё-таки остановился на его скромной кандидатуре, значит это чего-то да стоит! Значит, всё не зря! Учёба в Ташкен-

те и Питере, часы раздумий над проектами и ворох прочитанной литературы.

Похоже, Виталий Павлович увидел и одобрил его волнение, потому что протянул Славику через стол руку, и тот её крепко пожал.

До поездки было много работы и приготовлений, собраний – общих и по отделам. А накануне поездки Славик собирал вещи в лёгкий чемодан и краем уха ловил разговор родителей о том, что дать ему в дорогу. Он видел их радость за него и гордость его продвижением на работе, и это увеличивало его собственную радость и гордость во сто крат.

Потом был полёт и размещение в гостинице, много суеты на новом месте, много работы. И опять собрания, презентации и обсуждения.

Славик сообщил и Тане о том, что он уезжает, но даже и предположить не мог что, позвонив ей из Ставрополя, обнаружит, что она опять в Питере! И для чего – работать над проектом Микрюкова! Это было большой неожиданностью. Он увидел, что её имя светилось в скайпе спустя два дня после приезда, и решил провести её, а заодно более подробно рассказать обо всём происшедшем за это время.

Он обнаружил её в банном халате с полотенцем на голове в какой-то незнакомой комнате, и тысячи самых невероятных предположений зашевелились у него в уме. Где она? Неужели она с кем-то встречается? Осталась у кого-то ночевать? Ведь время уже позднее.

Славик был крайне раздосадован, когда понял, что они разминутся всего на несколько дней. К тому же, Виталий Павлович звонил им по конференц-связи и предлагал Славику вернуться раньше – у них в отделе в Питере завал, а Славик великодушно предложил работать на оба фронта в Ставрополе, не теряя ценное время на скорую поездку обратно. Теперь он сам был не рад своей инициативе, но ничего уже нельзя было изменить. Славику оставалось только наблюдать, как Таня в незнакомом питерском номере, озарённом светом какой-то лампы, которая так понравилась ей, ходит легко и быстро в халате с тюрбаном на голове, который делал её похожей на какую-то сказочную восточную принцессу.

Славик с тоской лицезрел эту картину, как тут его размышления прервал звонок её телефона. Выяснилось, что звонил Микрюков, и Славик нахмурился. Таня разговаривала с ним легко и непринужденно, как со старым знакомым. И это окончательно испортило ему настроение. Им пришлось разъединиться, но они договорились созвониться вечером следующего дня.

Славик хотел подробнее расспросить Таню об этом внезапно появившемся проекте, но каково же было его удивление когда, позвонив ей на следующий день, он обнаружил, что она идёт в ресторан со своим новоиспечённым боссом!

Таня, сияющая, в новом зелёном платье, которого он ещё не видел, собиралась для встречи с этим бизнесменом, который напоминал Славику Федора Бондарчука. Это сходство поначалу превращало Микрюкова в какой-то персонаж и заставляло не рассматривать его всерьёз, но теперь Славик убедился, что этот человек абсолютно реален. Он вспомнил его таким, каким увидел на выставке в галерее, – спокойного, снисходительного, окружённого ореолом богатства и благополучия. Этот человек, казалось, не испытывал никаких трудностей судьбы и брал от жизни всё, что считал нужным, как будто это принадлежало ему по праву. И с этим человеком Таня теперь шла в ресторан. Слави-

ку стало тоскливо и неуютно, когда он представил их вместе. К тому же, она была в таком красивом платье!

Таня спешила. Им снова не удалось поговорить в тот вечер.

А буквально к концу следующего дня, когда он задержался в офисе, забежал Петруша и сказал:

– Слышь, там к тебе гости.

– Какие гости? – удивился Славик.

Он никого в Ставрополе не знал.

– Из Питера! – сообщил Петруша и многозначительно подмигнул.

Славик был очень удивлён. “Неужели Таня?” – мелькнуло в голове невероятное предположение. Но это была не Таня. Высокая рыжая девушка обернулась на его шаги, встала с дивана в лобби, и Славик с удивлением узнал в ней Машу.

– Маша? Что ты здесь делаешь?

– Да вот, была неподалёку, решила навестить.

Она улыбалась как раньше, и помада призывно блестела у неё на губах. Славик тряхнул головой. Он ничего не понимал. А Маша трещала о том, что случайно оказалась в городе, случайно узнала об открытии их филиала, а потом решила узнать, а нет ли в числе сотрудников, приехавших открывать новый филиал, Славика.

Он смотрел на неё, слушал её воркование, и не верил ни одному её слову. Маша умоляюще потянула его за руку и опустилась на серый диван с крупными цветами, который ещё при первом взгляде показался Славiku неподходящим и вычурным. Он присел вслед за ней, осторожно высвободив у неё свою руку, и внимательно глядя в её лицо, спросил:

– Маша, зачем ты на самом деле приехала?

И она замерла, и стала искать слова, пока не выдавила, наконец, незнакомым напряжённым голосом:

– Я думала дать нам ещё один шанс...

Славик застыл на месте. Потом собрался с мыслями и медленно и осторожно сказал:

– Маша, пожалуйста, не заставляй меня повторять ещё раз всё то, что я уже сказал тебе тогда.

Маша засуетилась при этих словах, вскочила с дивана, поправляя одной рукой причёску, а другой хватая маленькую сумочку на цепочке. Он никогда не видел её такой растерянной. Ему было жаль её, но он не мог заставить себя найти какие-то слова утешения, которыегодились бы в такой ситуации. Поэтому Славик только наблюдал, как Маша с укором отворачивается от него и идёт к выходу нервной, стремительной походкой.

После её ухода Славик почувствовал облегчение, но оно далось ему с трудом, как будто за эти несколько минут он истратил на пару фраз, сказанных Маше, все свои силы.

Таня

На утро Таня уже сидела в высоком офисном здании на Малоохтинской набережной и грела руки о чашку с какао, которую ей принесла Вероника. За ночь похолодало. Сегодня, сидя в тёплом свитере, невозможно было поверить, что вчера вечером Таня была в сатиновом платье.

Она только встала, чтобы взглянуть на Неву, как дверь в кабинет открылась, и Микрюков вышел оттуда, пожимая руку высокому человеку с бородой. Они распрощались, и он повернулся к Тане.

– Доброе утро, Таня! Надеюсь, что не заставил долго ждать. Добро пожаловать в мой кабинет.

Таня поздоровалась, вошла и огляделась. Кабинет был большим с такой же стеклянной стеной, как и в приёмной, где она пила какао.

– Я, пожалуй, попрошу кофе. Хотите чашечку?

Таня отказалась. Она подумала, что он очень занятый человек, если с утра пораньше уже принимает посетителей.

Вероника принесла поднос с кофе и свежими булочками. Улыбнувшись Тане, она предложила:

– Угощайтесь, ещё горяченькие.

Таня благодарно улыбнулась ей в ответ и согласилась. Она вдохнула запах свежей выпечки и поняла, что ничего не потеряла, решив не завтракать в отеле.

– Ну, что ж, предлагаю обсудить дела, – сказал хозяин этого обширного стеклянного кабинета. – Таня, если Вы планируете продолжить работу над эскизами, то несколькими днями мы не обойдёмся. Предлагаю Вам остаться ещё на месяц.

Он помолчал, выжидая. Потом улыбнулся.

– Заодно предлагаю перейти на "ты", – добавил Микрюков.

Это было, конечно, неожиданное предложение. Но обстановка этого города и нового проекта затягивала, и Таня согласилась.

Они поехали в бар ближе к обеду, после того, как обсудили, сколько ещё понадобится рисунков и на каких стенах их разместить.

Там во всю кипела работа. Высокий человек с длинной бородой обернулся к ним, когда они вошли. Подойдя поближе, Тана узнала в нём того самого человека, которого Микрюков принимал у себя с утра. Она увидела, что он совсем молодой, просто борода добавляла ему лет. Ему было слегка за сорок.

– Таня, знакомься, это – Григорий Макарьев, наш главный художник-оформитель.

Григорий Макарьев пожал ей руку.

– Так это Ваши эскизы Николай Алексеевич выбрал для нашего проекта? – улыбнувшись в свою бороду, спросил он.

– Приятно познакомиться. Да, это мои работы.

– Мне тоже очень приятно. Очень тепло и душевно рисуете.

Микрюков уже отошёл к группе рабочих.

Таня посидела с Макарьевым около часа. Они снова прошлись по всем эскизам. Похоже, ему и правда они понравились. Макарьев объяснил, что он с напарником будет наносить рисунки на стены и заниматься другими отделочными работами.

Таня обедала со всеми присутствующими в баре работниками, а затем вернулась в свою комнату в отеле. Вечером она ждала Славика, чтобы позвонить ему, как и обещала, но он так и не появился.

Наутро Таня была уже в баре. Макарьева не было, когда Таня вошла. На будущей кухне она обнаружила высокую полную женщину. Та стояла с чашкой, из которой шел пар, и щурилась на начинающее подниматься солнце. Таня пришла в семь тридцать, а эта женщина, получается, ещё раньше.

– Доброе утро, – сказала Таня, снимая пальто.

Женщина обернулась к ней. Теперь она с прищуром смотрела на Таню. Солнце светило из окна позади и окрашивало её волосы в золотистый цвет.

– Доброе утро, – ответила она. – Чем могу быть полезна?

– Я – Таня Кувченко, работаю над оформлением.

– А, здравствуй, Танюша, – тепло улыбнулась женщина, – а я Галина Макарьева. Я тоже работаю над оформлением.

– Вы жена Григория? – догадалась Таня.

– Ну да, а также по совместительству его напарница. Проходите, будем краски подбирать.

Это была удивительно уютная и приятная женщина. Таня села напротив Галины за столик, и ей вдруг показалось, что та принимает её на своей собственной кухне у себя дома. Таня оглянулась. Вокруг была самая что ни на есть рабочая атмосфера – банки с красками на полу, окна завешаны газетами, но вот лучик солнца пробился сквозь порванную бумагу, и заиграл на золотом ободке чашки в руках у Галины, и ремонта вокруг как не бывало – только тепло и уют.

– Кофе? – спросила она.

– Спасибо, я предпочитаю чай.

Таня нашла на полке пакетики с чаем и выбрала один с бергамотом. С «бегемотом», как они говорили дома. Заварив чай в большую пузатую кружку, она снова села напротив Галины. Работа началась.

Очень скоро Таня поняла, что Галина очень хорошо умела чувствовать цвет. Она с ходу понимала, что Таня пыталась передать карандашными рисунками. Они вместе собрали нужную палитру.

Ближе к обеду пришел Макарьев с малярами. Те принялись красить стены, а все остальные вышли, чтобы не дышать краской.

– Я вижу, вы уже познакомились, – сказал Григорий и обнял жену за плечи.

Он чмокнул её в щёку, и Тане они показались оба такими домашними и похожими друг на друга. Они оба были высокие и крепкие с серыми смеющимися глазами.

Они ещё посмотрели вместе цвета, потом пообедали, и Таня отправилась домой. На сегодня пока всё было закончено. Стены красились и высыхали.

Как только Таня включила свой компьютер, раздался звонок. Это был Славик. Таня увидела белые стены и широкие окна за его спиной. Похоже, Славик звонил с работы.

– Куда ты вчера пропал? – спросила Таня.

– Извини, я был занят, задержался допоздна. Как у тебя дела?

Таня рассказала ему всё – и про Макарьевых, и про рисунки, и про то, что задержится в Петербурге ещё.

– О, это хорошая новость! – обрадовался Славик. – Я приеду через две неде-

ли.

– Здорово! Значит, мы сможем погулять!

– Конечно! А то я уже начал думать, что ты от меня бегаешь. Ты хоть к родителям сходишь? Я могу им позвонить.

Таня смутилась, но только на минуту. «Я же просто не хотела всё усложнять», подумалось ей. Но, похоже, Славика вовсе не напряг её приезд, как раз наоборот. Было видно, что он очень доволен.

Он скоро распрощался с Таней и ушел работать. А она решила навестить Мариных-старших.

Славик уже позвонил своим родителям, и вечером они ждали её и были очень ей рады.

– Танюша, какая ты умница! – тётя Валя сияла улыбкой и обняла её прямо на пороге. – Славик рассказал нам о твоих успехах.

Дядя Саша торжественно пожал ей руку, и сказал, что это хороший знак, что она нашла такую интересную работу, ещё не окончив учёбы.

Таня просидела у них весь вечер на зелёном диване. Ей вспомнился её первый приезд, и она решила, что этот даже лучше – её принимают также хорошо, но нет недомолвок и разочарований. Она все равно украдкой вздохнула – место Славика за столом пустовало во время ужина.

– Таня, ты знаешь, возможно Славка даже раньше вернется, – как будто заметив её взгляд, сказал дядя Саша.

Они проводили её до отеля. Таня сопротивлялась:

– Чего вам так поздно из-за меня ходить?

Но они все равно настояли:

– Мы и так каждый вечер гуляем.

На улице уже было совсем прохладно, но без дождя. Они брели втроём тихие и задумчивые. Звёзды казались совсем далекими и холодными в сыром пасмурном небе.

– Да, скоро уже зима, – сказал дядя Саша. – Таня, а ты хочешь справлять с нами Новый год?

Первой Таниной реакцией была радость. Она уже представляла, как это будет здорово справлять такой праздник в России. В Израиле совсем не чувствовался Новый год. Но потом она подумала, что и Маша, наверняка, будет приглашена, и поникла.

– Я пока ещё не знаю, дядя Саша, где буду в это время, но большое спасибо за приглашение!

Они проводили её до отеля и пригласили приходить, когда угодно. Таня распрощалась со Славиковыми родителями и пошла к себе спать.

Дальше дни потянулись одинаковые – много работы, совместные завтраки и обеды с Макарьевыми. Она даже была приглашена к ним домой, где познакомилась с их двумя сыновьями и собакой. Собака была великолепна. Колли Патрисия была рада всем – знакомым и незнакомым, и с радостным визгом встречала гостей. Она никому не давала пройти и требовала постоянно гладить себя и трепать по морде, чем все по очереди и занимались к Патрисиному щенячьему восторгу.

Танин контракт был продлен, а это означало, что она задержится здесь до середины января! Единственное, о чем она хотела договориться с Микрюковым, так это о том, чтобы попасть на Новый Год домой. Всё-таки это самый до-

машний, самый семейный праздник.

Собравшись с духом, она направилась к Микрюкову, когда увидела его в баре на следующее утро. Он заметил её ещё раньше, и с улыбкой пошёл к ней навстречу. Его рубашки сменились тёплыми свитерами. Сейчас на нём был тёмно-синий вязаный свитер. Таня подумала, что он очень шёл ему. Она уже открыла рот, чтобы выдать заготовленную заранее фразу об отъезде, как Николай опередил её и сказал:

– Таня, как приятно тебя видеть. Я не зря сегодня оставил офисные дела до обеда и приехал сюда. Дело в том, что помещение будет практически готово к новогоднему вечеру. Я хотел пригласить тебя встретить этот Новый год с нами. Ты уже познакомилась с Макарьевыми. И твоя знакомая Маша будет с нами. Она примется за проект дизайна нашего скромного бара начиная с нового года.

Таня задумалась и помолчала.

– Понимаешь, – ответила она, наконец, – я как раз думала поехать к родителям на праздники.

– Я думаю, ты успеешь и это – мы потом будем отдыхаем десять дней подряд.

– Ну, что ж, – решила вдруг Таня неожиданно для самой себя, – почему бы и нет.

Микрюков улыбнулся ещё шире.

– Вот и хорошо! Ну, что ж, не буду мешать.

Он отошел, а Таня стояла, удивляясь своему поспешному решению.

Как выяснилось позже, Маша занималась ещё и оформлением их новогоднего торжества. Уже через два дня привезли огромную пушистую ёлку и три коробки игрушек. Они наряжали эту ёлку все вместе, дождавшись макарьевских детей со школы. Комнаты сразу же наполнились визгом и радостным возбуждением.

Пожалуй, это совсем неплохая идея – встречать Новый Год в Питере, где он по-настоящему ощущается, как главный праздник в году. Таня была вынуждена признать, что в Израиле смене года никто не придавал такого большого значения, а без праздничной атмосферы подготовки и ожидания праздник был не праздник.

А в баре Микрюкова провели электричество и вешали разноцветные гирлянды. Галина расписала окна, и они выглядели, как будто тронутые инеем и припорошенные свежим снежком.

Славик вернулся домой шестнадцатого декабря. Таня и не подозревала о том, как сильно она скучала по нему, пока он не появился в холле отеля Маргариты Вадимовны в шапке-ушанке и с розовыми от мороза щеками.

Таня как раз возвращалась от Макарьевых в самом приподнятом настроении. Сегодня они рисовали котов и красотку с мартини, которую Григорий почему-то назвал Жоржетт. Животные вышли, как живые, а Жоржетт строила глазки и хитро улыбалась из-под полуопущенных ресниц.

Таня уже поднималась по лестнице, как услышала, что дверь позади неё распахнулась и чей-то очень знакомый голос позвал её:

– Таня, это ты?

Ей пришлось обновить гардероб с наступлением холодов. Так у неё появилось тёплое приталенное пальто замечательного тёмно-зелёного цвета, пуши-

стая белая шапочка и в тон ей – белый вязанный косичками шарф и такие же белые перчатки.

Она как раз снимала эти перчатки, как замерла, услышав этот голос. Повернувшись, не веря своим ушам, она уронила одну из перчаток, и с изумлением наблюдала, что это Славик, смеясь, поднимает и подаёт её со словами:

– Кажется, это Ваше, мадемуазель!

Он в мгновение ока взбежал на ступеньку, на которой она стояла, застыв от неожиданности, сразу же вырастая перед ней так, что ей пришлось поднять голову, как и каждый раз, когда он подходил так близко.

Спустя несколько минут они уже сидели в Таниной комнате, сняв пальто и шапки. Грелась в чайнике вода. Славик принёс с собой пирожки. Таня видела, что он голодный, только что с поезда, но он все отнекивался, пока она, наконец, сама не вручила ему ещё тёплый пирожок. Славик впился в него зубами, и Таня засмеялась от того, что он уже не мог скрывать – как он замёрз и оголодал.

За чаем Славик рассказал последние новости с поездки. Их проект в Ставропольском крае разворачивался на редкость удачно. Начальство пока ещё решило, кого поставить во главе нового филиала. Так что Славик смог отлучиться на праздники домой. Он был гладко выбрит и недавно подстрижен. Таня подумала, что он готовился к этому визиту.

– Как жаль, что ты уже так давно здесь, а я как раз уехал. Это же надо было так разминуться! – сказал Славик.

– Да, я думала, что приеду на пару дней, а вышло, что остаюсь до середины января, – ответила Таня.

– И это здорово! Мы столько всего успеем сделать за это время! – он вдруг вскочил со стула, на котором сидел. – Завтра же начнём! Ты хочешь пойти на каток?

– Очень хочу! Я там ещё не была.

– Ну вот, столько времени здесь, а ещё не была на катке! Это ошибка, которую обязательно надо исправить.

На следующий день была суббота. Они пошли на каток с утра. Редкие прозрачные снежинки кружились в воздухе. Было не очень промозгло, как обычно, скорее, стоял сухой мороз. На площадях уже ставили ёлки. Вечерами на них зажигали огни, и это было просто волшебно. Таня подумала, что правильно сделала, оставшись на Новый год в России.

Они быстро проголодались и забежали поесть горячих бутербродов в ближайшей кафешке. Это было такое чудесное утро. Снова начал идти снег, но не валом, а просто крупные снежинки кружились и таяли, не долетев до земли.

На Славике была шапка с помпоном и тёплая куртка. Таня подумала, что в шапке она видела его очень давно, ещё в Ташкенте, если не считать вчерашнего вечера. Они сидели, тесно прижавшись друг к другу, и тут Таня решила. Видимо, обстановка была самая предпраздничная, а ожидание праздника – это всегда ожидание чуда. Она смотрела на Славика долгим взглядом, решая, сказать ли ему про Машу или нет, пока он, наконец, не повернулся к ней и спросил, опередив её:

– Что ты так смотришь?

– Как?

– Не знаю, но как-то по-другому. И вообще, ты мне так и не сказала, почему

не предупредила, что приедешь.

– Я не могла. Я обещала Маше.

– Что?!

Как будто всё вокруг стало тише, на столько, что, казалось, было слышно, как снежинки кружились вокруг и мягко падали на тротуары, машины, людей, неторопливо идущих по улицам в это тихое субботнее утро.

– Таня, – очень спокойно и очень серьёзно сказал Славик, – расскажи мне всё по порядку.

И Тане пришлось рассказать, как Маша посылала ей сообщения ещё в первый её визит, как позвонила перед отъездом в Питер и просила ничего не говорить Славике о том, что она приезжает, и, конечно, о том, как неудобно она, Таня, себя при этом чувствовала – как предательница. Славик хмурился и молчал. Он смотрел куда-то в сторону, и от этого Тане подумалось, что она всё сделала не так.

– А про Ставрополь тоже ты ей сказала? – спросил он и взглянул, наконец, на неё.

Таня тоже замолчала в удивлении. Потом вспомнила, как встретила Машу в армянском ресторане.

– Я думала, что она знала про твой отъезд, – осторожно ответила она.

– Нет, она не знала, но как только услышала об этом, прилетела ко мне буквально на следующий день. И где она только билеты так быстро достаёт! Печатает она их, что ли?

Никогда ещё Таня не видела его таким раздражённым. Она была поражена. Так вот, что показалось ей странным в тот вечер в армянском ресторане. Маша ничего не знала про отъезд Славика, поэтому Тане в её голосе послышалась заминка. Значит, всё-таки это была игра! И она достойно сыграла свою роль по написанному Машей сценарию!

Всё теперь виделось ей в другом свете.

– Почему ты мне ничего не сказала? – тем временем спросил её Славик.

– Я думала, что встаю между вами. Я не хотела мешать, – растерянно пролепетала Таня в ответ.

– Я же сам тебе сказал, что расстался с Машей ещё тогда, в октябре.

Он порывисто встал и сделал два шага вдоль скамейки, на которой они сидели. Потом обернулся к ней.

Да, думала тем временем Таня. А ведь она просто не поверила ему, а Маше – поверила. Всё вокруг переворачивалось с ног на голову, а может, просто становилось на свои места? Славик стоял задумчивый, потом сел.

– Славик, она так серьёзно просила меня, что я поверила ей, – попыталась оправдываться Таня.

Снова вернулся шум машин, разговоров вокруг и другие звуки – всё то, что до этого замолчало и замерло в ожидании их объяснения. Наконец, он взял её руку в теплой перчатке и спросил:

– Но теперь-то ты будешь верить мне?

И Тане ничего больше не оставалось, как кивнуть ему в ответ и тихо сказать:

– Да.

Они больше не катались в это утро. Славик проводил Таню до отеля и вернулся к себе домой. На завтра она была приглашена к Мариным на обед.

Это был очень весёлый день. Они снова собрались все вместе. Утром Славик позвонил и попросил Таню прийти пораньше, чтобы наряжать ёлку. Таня просидела у них до вечера.

На следующий день она отправилась на работу. Первой, кого Таня увидела в баре, была Маша. Ещё никто не пришёл. Правда, сегодня ожидалось только Макарьевы и Машин ассистент, Настя, но тех тоже не было видно.

Маша увидела Таню на пороге и сказала:

– Привет! Заходи! Мы сегодня в авангарде.

Таня ответила:

– Привет.

Она сняла пальто и стала наблюдать за тем, как Маша раскладывает на столе папки. Ей всё ещё тяжело было поверить в то, как Маша пыталась ею манипулировать.

– Кстати, у тебя очень не плохие рисунки, – взглянув на Таню, сказала она, – но я вынуждена отклонить некоторые из них. Понимаешь, не всё соответствует идее бара-ресторана. Всё-таки это должно быть респектабельное место для взрослых людей, а тут эти мультяшки!

Маша кивнула подбородком на Жоржетт с котами.

Таня была удивлена. Это был неожиданный поворот. Ведь они же с Микрюковым вроде всё утвердили!

Маша снова подняла на Таню взгляд, и та заметила, что какое-то новое выражение мелькнуло и скрылось за светло-рыжими волосами её низко падающей на лоб чёлки. Злость? Настороженность? Таня не могла бы с уверенностью определить, что именно это было. Одно было ясно – что-то шло не так.

Макарьевы пришли буквально через минуту. Они вошли – шумные, весёлые, и Таня повернулась к ним поздороваться.

– Здрасьте-здрасьте! – провозгласил с порога Григорий.

И Галина, тепло улыбнувшись Тане и кивнув Маше сказала:

– Доброе утро!

Они оба ещё раз внимательно взглянули на Таню и, видимо заметив её растерянный взгляд, спросили почти одновременно:

– Всё в порядке?

– Что-то случилось?

Маша в ответ заулыбалась, тряхнула волосами и сказала:

– Ничего серьёзного не произошло. Просто я теперь руковожу проектом дизайна этого бара, и у меня есть пара замечаний по поводу оформления стен.

Григорий сразу стал серьёзным, погладил бороду и переглянулся с Галиной. Та молчала.

– Ну, что ж, – наконец сказал он, – подождём окончательного решения начальства.

Маша взяла сумку, лежавшую на столе, и потянулась за пальто, висевшим на вешалке.

– Я поговорю с Николаем и дам вам знать, что мы решили, – холодным, категоричным тоном сообщила она.

И вышла. Как только за ней закрылась дверь, Галина повернулась к Тане и спросила:

– Что произошло?

– Я не знаю, – тихо ответила Таня.

Она и правда не знала, что и думать. Ведь всё шло так хорошо.

Макарьевы ушли на кухню ставить чайник, а Таня пошла вдоль стен, думая о том, что Маша вздумала всё поменять, и теперь неизвестно, что решит Микрюков. Скорее всего он согласится с Машей, ведь она опытный специалист. А Тане так жалко было Жоржетт и моряков с пивом. Неужели, Маша решила ей отомстить за то, что Славик снова отказал ей, когда она поехала за ним в Ставрополье?

– Танюша, – позвала её Галина, – идем завтракать!

– Спасибо, я не голодна.

Галина выглянула на эти слова из кухни. В руке она держала бутерброд.

– Да будет тебе переживать-то! Оставят твои рисунки, вот увидишь! Микрюков во всём разберётся.

Но Таня не была так в этом уверена.

Вероника позвонила через час и пригласила их троих в офис к Микрюкову.

Когда они вошли, он сам встречал их на пороге своего кабинета – подтянутый, как всегда.

– Доброе утро представителям творческих профессий!

Он протянул руку Григорию и кивнул Галине с Таней.

– Прошу в мой кабинет.

Они сели на диванчик у боковой от большого окна стены. Маша тоже была в кабинете. Она сидела в одном из кресел, пододвинутых к круглому журнальному столику, и листала какой-то журнал. Ничего нельзя было прочитать по её низко склонённому лицу.

– Итак, – начал Микрюков, после того, как Вероника принесла кофе и чай, – я буду предельно краток. Мне очень жаль, но сегодня утром произошло небольшое недоразумение. Я хотел бы сразу перейти к сути дела и сделать заявление. Мария, – он коротко кивнул в сторону круглого столика, где Маша ещё ниже склонилась над журналом, – которая будет заниматься в нашем проекте дизайном помещения, не отвечает за оформление стен. Я надеюсь, теперь, когда мы выяснили этот вопрос, можно продолжать работу.

Он улыбнулся и выразительно оглядел всех твёрдым взглядом.

Таня вздохнула. Ей стало легче после этих слов. Обстановка, напряжённая до этого, разрядилась. Макарьевы заулыбались и зашептались. Потом повернулись к Тане, и Григорий ей подмигнул. Она благодарно кивнула. “Недоразумение”, как его назвал Николай, было разрешено.

Втроём с Макарьевыми, Таня вернулась в бар. Сегодня было решено рисовать гранаты.

Уже полчаса спустя Таня наблюдала, как Григорий наносит рисунок смелыми размашистыми штрихами. Галина разводила краски. Как же здорово было видеть, как её работы обретали жизнь, и отчетливо проступали контуры рисунка написанного – когда? – да уж лет десять тому назад!

Таня успокоилась и села за альбом. Она должна была нарисовать орнамент для кухни. Карандаш в руке завис над бумагой. Ей всё казалось, что у Галины эта работа выйдет лучше.

Роспись миниатюр была основной специальностью Макарьевой, но Таня наблюдала за тем, как уверенно и чётко наносила Галина рисунок на окна. Склонив немного голову вправо, сосредоточенно глядя на кисть, она выводила целую плеяду снежков и снежинок, разного размера и форм так легко и

быстро, как будто те произвольно вылетали из машины с мыльными пузырями. Они и впрямь были похожи на водные узоры – обтекаемые шарики снежков и быстрые штрижки снежинок – написанные светлой голубой краской и обведённые кое-где синим для объёма.

Что нарисовать на кухне, часть которой выходит в зал, так что видна была круглая печка с самым настоящим прихватом и местом для кондитера, который, по замыслу Микрюкова, будет украшать маленькие пирожные на десерт и нарезать фигурно фрукты для барменов?

Таня ещё не встречала кондитера, но он уже представлялся ей французом с длинными чёрными волосами и непременно с длинным носом, как в мультиме про повара "Рататуй".

Предполагалось, что все познакомятся на праздновании Нового года – будущие работники бара-ресторана и теперешние его создатели. Ожидался корпоратив.

Вздохнув, Таня решила, что украсит стены кухни самым простым рисунком – фигурками фруктов и выпечки. Она уже представляла себе рог изобилия, а из него сыпятся и разлетаются в разные стороны крендельки, яблочки и прочие вкусности.

Год подходил к концу. Уже явственнее ощущалось приближение праздника. По утрам Таня скользила по замёрзшим лужам. Деревья уже давно облетели. С утра над рекой стоял туман, казалось, что вода стремится испариться в серое утреннее небо, но замёрзшая влага была настолько тяжела, что ей не удавалось подняться высоко. Тогда туман клубился и расходился к полудню к берегам.

Славик приходил по вечерам за Таней в будущий ресторан Микрюкова, здоровался с рабочими, собиравшими на пустой кухне мебель – столы, стулья и скамейки. Примечательно то, что он ещё ни разу не столкнулся с Машей. Та появлялась «на объекте», как она сама называла ресторан, часам к одиннадцати утра, беседовала с рабочими и удалялась сразу же после обеда, часа в два три, а то и раньше.

С Таней она практически не общалась, но в её взгляде, брошенном в Танину сторону, иногда читалось что-то недосказанное – обида? Раздражение? Таня не хотела гадать. Всё, что ей было нужно – это приходиться рано утром на кухню, где Макарьевы пили кофе, проверять, как лёг рисунок, нанесённый вчера, наблюдать, как ловко появляется картинка на следующей стене, и пообедав, обсуждать работу назавтра.

Дело продвигалось быстро. Макарьевы были настоящими профессионалами. Таня многому научилась у них, и ей даже было доверено сделать набросок Бахуса. Потом Галина развела краску и они вдвоём, нагнувшись каждая со своей стороны, раскрашивали его целых два дня – в этом рисунке было много деталей.

Двадцать восьмое декабря выпадало на воскресенье. До нового года осталось всего три дня. Они уже нанесли все рисунки, которые планировали, и даже покрыли их блестящим прозрачным лаком. Ресторан был готов для встречи нового года. Ожидалось торжественное открытие.

До конца января планировалось закончить ещё и второй этаж – там будут находиться три зала торжеств, небольших, но очень уютных. Микрюков комментировал по этому поводу, что добивается камерной обстановки, а не мно-

голюдных гуляний. Но пока ещё не шла речь о том, как будут отделаны эти залы.

Таня со Славиком решили, что встретят Новый год в новом ресторане, а затем отправятся посидеть с его родителями в домашней обстановке.

Таня приготовила наряд. Она знала, что в России гораздо серьезнее, чем в Израиле, относятся к одежде. Там дресс-код практически не существовал. Собираясь на вечеринку с Лизой зимой, они могли надеть просто джинсы и свитера. Здесь же, Таня была уверена, все будут празднично одеты. Она нашла себе замечательное вязаное платье, тёплое и уютное, приятного цвета морской волны, да ещё и с вязаными шариками для украшения. Всё-таки они шли отмечать Новый год в ресторан!

До самого последнего дня держалось в секрете название нового заведения. И только накануне празднования, тридцатого декабря, состоялась закрытая вечеринка для своих, на которой Микрюков, сияющий лысиной и улыбкой, произнёс тост за счастливое существование нового места, которые отныне будет называться «Виноградная лоза». Он залпом выпил бокал шампанского, и все зааплодировали и чокнулись за успешно завершённую работу.

Таня никогда не задумывалась над тем, какое название подошло бы бару-ресторану Микрюкова, но теперь оно ей очень нравилось. Это название хорошо сочеталось с обстановкой вокруг – светло-лимонный оттенок стен, их рисунки с шуточными сюжетами.

Ещё одна деталь очень импонировала этому месту – на окна с внутренней стороны были навешаны деревянные наличники. Их расписывала Галина, и они придавали залам изысканный, какой-то сказочный вид. Микрюков приказал отделать потолки деревом. Теперь, поднимая глаза, Таня видела широкие бревна тёмного дуба. Это создавало ощущение уюта, как будто находишься в самом настоящем срубе-избушке, а не в роскошном ресторане в центре Петербурга.

На вечеринке накануне Нового года, после водружения вывески с названием, они сидели за столиками, покрытыми белыми скатертями. Таня села рядом с Макарьевыми, которые вместе с детьми заняли целый столик. Но Микрюков поискал её глазами и позвал за свой стол, за которым сидели он сам, Вероника и Маша. Теперь к ним присоединилась и Таня.

Она так и не разговоривала с Машей после того инцидента, когда Микрюков объявил, что дизайн всего помещения и оформление стен – это разные проекты. Ещё тогда, сидя в кабинете директора и глядя на Машу, Таня подумала, что та рассчитывала на большее. Уж не увела ли Таня у неё часть этого проекта? Совсем не хотелось думать об этом сейчас, когда всё было готово и радовало глаз. Да ещё и накануне праздника!

Женя звонила два дня назад и приглашала её на свадьбу Ксюши и Артёма, которая должна была состояться второго февраля. Таня решила пойти. Всё-таки она знала обоих. Ксюша тоже очень хорошо помнила лучшую школьную подругу своей старшей сестры, поэтому и пригласила её. Тем более что Таня как раз оставалась до конца января в России. Микрюков предложил ей участвовать в оформлении второго этажа, и Таня согласилась, уже не раздумывая.

Тане показалось, что Ксюша с Артёмом спешили со свадьбой, ведь не так много времени прошло с тех пор, как объявили помолвку. Но Женя выглядела радостной и сообщила, что родители с обеих сторон уже обо всём договори-

лись.

Она рассказывала, как покупали Ксюше платье через интернет на каком-то сайте. Платье пришло даже раньше срока, что было невероятной удачей и неожиданностью. Оставалось время подогнать его по фигуре. Портниха, к которой ходила Ксюша, говорила, что подгонка было столько, что этих посещений хватило бы на то, чтобы сшить новое платье.

Все это Женя рассказывала с невероятным возбуждением и блеском в глазах, а Таня, глядевшая на неё в камере скайпа, думала о том, что никогда не могла бы представить себе, что Артём женится на Ксюше. И дело было даже не в возрасте, вернее, не только в возрасте. Почему-то она думала, что Артём непременно женится на какой-нибудь успешной бизнесвумен, такой, как Маша. Ксюша, казалось, была слишком проста для него.

Они попрощались. Таня налила горячего шоколада в чашку и села возле окна. Она пыталась понять, какие мысли приходили ей в голову по поводу предстоящей свадьбы Артёма. Он нравился ей в школе, как и многим другим девочкам. Теперь, представляя его себе, Таня находила, что внешне он отдаленно напоминал Славику, наверно, тёмными глазами и волосами. Общий типаж был похож. Отличие было в том, что Артём был значительно ниже Славики и носил очки.

Возможно их сходство было не только внешним. Они оба хорошо учились, пользовались уважением учителей, и по всему их ожидало блестящее будущее.

Таня вспоминала, как сидела позади Артёма до того, как её пересадили к Славику. У Артёма было очень хорошее чувство юмора. Девочки хохотали над его рассказами. Таня как вживую представила его лицо совсем близко, когда он снимал очки и становился серьёзным. Пожалуй, таким он ей нравился больше всего. Она прислушалась к себе, глубоко внутри. Нет, ничего больше не замирает. Похоже, всё прошло. Она может спокойно ехать к Артёму на свадьбу и не переживать, что невестой там будет не она.

Таня продолжала смотреть в окно в вечеряющие сумерки на чёрных ворон, постепенно сливающихся со скамейкой, на спинке которой они сидели.

Интересная мысль посетила Таню, простая и ясная, как будто её прежние воспоминания внесли, как данные, в компьютерную программу, которая проделала необходимую вычислительную работу, и незамедлительно выдала ответ. “Да я просто переключилась на Артёма, когда решила, что Славик мне не подходит. Вернее, решила, что я не подхожу ему. Это было задолго до того, как нас посадили вместе. Поэтому, когда я оказалась со Славиком за одной партой, я просто сбежала, чтобы не менять решение. Сработал закон самосохранения.”

Это была совсем новая и смелая мысль, многое объясняющая теперь, по прошествии времени, когда эмоции улеглись и можно было спокойно подумать о прошлом. Зато Таня почувствовала, что пазл сложился, и она с уверенностью могла бы сказать, что руководило её действиями тогда, в школе. Она могла бы теперь объяснить всё тёте Вале да и себе самой. Если бы это имело ещё какой-то смысл... Несмотря на то, что ничего уже нельзя было изменить, понимание истинной подоплёки собственных поступков принесло Тане облегчение, а с ним и изрядную долю разочарования.

Она всегда считала, что была честна сама с собой и окружающими. Она всегда думала, что говорила правду самой себе и остальным. На поверку же ока-

залось, что заметив проблески чувств к Славику, она поспешила перенести их на другой объект. Это оказалось проще, чем страдать от того, что Славик, казавшийся слишком серьёзным и не искавшим отношений, может на эти чувства не только не ответить, а попросту не заметить их.

Напрасно на уроках литературы, когда они проходили “Евгения Онегина”, Таня отождествляла себя с пушкинской тёзкой. На самом деле, она даже самой себе не смогла признаться в том, что начала влюбляться в своего одноклассника, не говоря уже о том, чтобы попытаться понять, как, в свою очередь, он относится к ней. Ей было проще отсесть от него и сделать вид, что ничего не происходит, чем остаться и честно признаться во всём.

Хотя эти размышления и открытия принесли горечь и разочарование в себе, они внесли какую-то законченность во всё, что касалось её и Славика. “Что ж, лучше поздно, чем никогда,” – невесело подумалось Тане.

Хотя, если спокойно разобраться в этой истории, ничего не изменилось бы, признайся она по крайней мере самой себе в своих чувствах, ведь всё было бы так же. Она всё равно уехала бы в Израиль, а Славик – в Питер. Они были тогда ещё слишком юными, чтобы что-то решать в своей жизни самим.

Максимум, на который можно было бы рассчитывать – это продолжать переписываться и перезваниваться в надежде, что они смогут когда-нибудь встретиться, очутившись в одном городе или хотя бы в одной стране. Но такие отношения чаще всего обречены на провал. Нет, даже не на провал, а на медленное и унылое угасание.

Таня вздохнула. Нет, совсем не весело, как ни крути, выходило их предполагаемое будущее, в случае если бы они признались друг другу во всём. “Полно, хватит заниматься самобичеванием, – сказала Таня себе, – поняли и ладно”. И уж конечно, не стоило морочить голову Славику со всеми этими метаниями. Ромашка какая-то, любит – не любит.

Нужно было заканчивать это документальное кино, мелькавшее перед её глазами обрывками фраз и моментальными снимками сцен из прошлого. Таня встала и прошлась по комнате. Всё, хватит хандрить! Пусть прошлое останется в старом году, а в новый год она возьмёт с собой только приятные воспоминания. У Тани появилась отличная новогодняя идея.

Она тепло оделась и вышла на улицу. Люди вокруг спешили кто в магазин за продуктами на праздничный стол, кто за подарками. Таня решила, что тоже сделает себе подарок. Свернув на Гороховую улицу, она дошла до сквера на Пионерской площади, где вот уже который год устраивали новогоднюю ярмарку. Городок шатров и ёлок был виден издалека.

Народу было много, и все куда-то спешили мимо неё. Вечерело рано, и в палатках уже зажгли огни. Вокруг топтались продавцы пряников, колбас и ёлочных игрушек. Народ приходил сюда поглазеть на всю эту красоту, а заодно и сделать последние покупки. Таня с трудом протолкалась к небольшой палатке с игрушками. Здесь же стояли маленькие настольные ёлочки. Она купила себе одну, а к ней – миниатюрные шарики и коротенькую гирлянду с разноцветными лампочками.

Вернувшись в свою комнатку в отеле она поставила ёлочку на широкий подоконник. Всё, теперь у неё тоже будет праздник. Она позвонила родителям и Лизе, поздравила их с наступающим новым годом. Лиза не могла говорить долго. Таня поймала её, уже нарядно одетую, в дверях – она с Серёжей шла к

друзьям на вечеринку.

У родителей в зале на журнальном столике стояла большая ёлка, которую мама с Антошей нарядили ещё две недели назад. Пожалуй, это был первый Новый год, который Таня встречала не с ними.

Праздник стремительно приближался. Тане было знакомо это чувство, возникающее каждый раз, когда казалось, что Новый год ещё далеко – до него было две недели, потом неделя, а потом вдруг внезапно наступало 31 декабря.

Микрюков объявил всем, что каждый может пригласить кого-нибудь на праздник. Таня, не долго думая, позвала Славика. Теперь он уже стучался к ней в комнату, а она стояла возле окна и наблюдала за тем, как на небе все явственней проступают звёзды.

Таня открыла дверь. Славик стоял на пороге с коробкой торта и каким-то небольшим блестящим пакетом.

– Привет, что это? – удивилась Таня.

– У тебя холодильник есть?

Он был очень доволен, просто светился радостью. У Тани был холодильник, маленький, но всегда практически пустой. Коробка с тортом заняла почти всю полку, которых там было всего три. Одну из них занимали мандарины.

В блестящем пакете оказалась маленькая коробочка, открыв которую, Таня обнаружила двух маленьких белых зайчиков на верёвочках. Они были сделаны из пенопласта или какого-то другого лёгкого материала.

– Какая прелесть!

– Тебе нравится?

– Очень хорошенькие! Куда бы их повесить?

Они оглядели комнату.

– Вот сюда, – сказал наконец Славик, и зайчики уместились на шарнире настольной лампы под светлым абажуром.

Они поспешно вышли и остановились в холле отеля, чтобы застегнуть куртки и надеть шапки – за широкими окнами в свете фонарей кружилось бесчисленное множество мелких снежинок. Дядя Саша дал Славiku машину, и они доехали до “Виноградной лозы” в рекордные полчаса.

В баре постепенно собирался народ. Макарьевы встретили Таню приветственными кивками, Григорий пожал Славiku руку. Они уже привыкли к тому, что последние две недели Славик ждёт Таню каждый вечер после работы.

В глубине зала, у самой стойки мелькнула Маша. Славик отлучился помыть руки, а Таня обнаружила за столиком у окна Микрюкова. Он сидел с телефоном и поднял голову, когда она подошла.

– С наступающим! – Микрюков кивнул на стул рядом с собой. – Не хочешь ли присоединиться?

– С удовольствием, только я не одна.

Славик как раз вернулся в зал и стал искать Таню глазами. Ей пришлось помахать ему рукой, чтобы он её увидел – зал стал заполняться людьми.

– А, Вячеслав, если я правильно помню? – Микрюков встал позвать Славiku руку.

Он всегда хорошо запоминал имена.

– Добрый вечер. С наступающим праздником.

– Присаживайтесь. Сейчас и Маша подойдёт. Вы, как я помню, помолвлены?

С секунду продержалась неловкая тишина. Потом Славик нарушил молчание:

– Это недоразумение. Мы были друзьями.

– Это я пригласила Славика, – вступила в разговор Таня, чтобы как-то разрулить ситуацию.

Микрюков был удивлен. Он перевёл взгляд со Славика на Таню и сказал:

– Ну, что ж, в любом случае рад вас обоих видеть.

Помолчав он спросил:

– Вам будет удобно сидеть с Машей за одним столом?

Славик вопросительно взглянул на Таню.

– Ничего не имеем против, – сказала она.

В любом случае стол был большим. За ним уместились Вероника с импозантным молодым человеком в свитере с оленями, Машина помощница Настя, фотограф Лёня, Макарьевы с детьми – всего набралось двенадцать человек.

В зале стоял равномерный гул голосов, звучала лёгкая музыка. Таня была очень рада, что пришла. Ей очень нравилось здесь. Единственное, что её смущало – это взгляды Микрюкова, которые она ловила в течение всего вечера. Он как будто бы посматривал на них со Славиком и что-то пытался понять.

Часам к десяти вечера музыка зазвучала громче, Вероника со своим спутником пошла танцевать. Славик с Таней тоже встали.

– Ты помнишь, когда мы танцевали в последний раз? – очень громко, как ей показалось, спросил он.

Таня оглянулась. Ей подумалось, что все могут услышать его слова. Но на самом деле в зале было слишком шумно, все были заняты собой, танцами и собственными разговорами. Лёня фотографировал всех желающих под огромной, богато украшенной елкой.

– Конечно помню, в школе на выпускном, – ответила Таня, на сколько могла ровным голосом.

Славик не мог знать, что именно об этом она вспомнила, когда он позвал её танцевать.

Тем временем Славик продолжил:

– Теперь я могу признаться, что долго готовился к тому, чтобы пригласить тебя тогда.

Таня засмеялась:

– А я думала, что ты пригласил меня, потому что никто другой этого не сделал!

– А я боялся, что ты можешь мне отказать!

– Почему я должна была тебе отказать?

– Я не знаю! Ты же ни с кем не танцевала!

– Так это как раз потому, что меня никто не приглашал!

Они оба засмеялись.

Музыка в зале стала глуше, парочки возвращались за столики. Микрюков вышел к барной стойке с бокалом, в другой руке у него оказался микрофон. Вероника появилась откуда-то сбоку и протянула ему красный колпак, отороченный белым мехом. Микрюков нацепил колпак на лысую голову, и все вокруг зааплодировали.

– Дорогие сотрудники! На правах сегодняшнего Деда Мороза позвольте по-

здравить вас всех с наступающим Новым годом!

И снова раздались аплодисменты.

Вечер стремительно катился к полночи. Было выпито много шампанского, закуски улетали со столов с умопомрачительной скоростью. Музыка гремела вовсю. Среди этого шума и веселья кто-то вдруг взял Таню за локоть. Она обернулась и увидела, что это Микрюков. Всё ещё в колпаке, с расстёгнутым воротом белой рубашки, он очень серьёзно смотрел на неё:

– Таня, мы можем поговорить?

– Да, конечно!

Она кивнула Славику в знак того, что скоро вернётся. Он кивнул ей в ответ и проводил их взглядом.

Они отошли к окну – чёрному квадрату, поминутно освещаемому вспышками салютов. Праздник шёл по городу. Такси пролетали мимо, развозя последних опаздывающих на вечеринки.

– Таня, извини, что я ув`л тебя у твоего кавалера. Мне нужно тебя кое о чём спросить. Для меня это очень важно.

Таня смотрела на него во все глаза. Никогда ещё она не видела Николая таким серьёзным. Он всегда был в отличном расположении духа, уверен в себе и шутил по любому поводу.

– Конечно, – наконец сказала Таня.

Глядя ей прямо в глаза настороженным взглядом, он как будто бы хотел, но не решался что-то спросить. Это было очень непохоже на Микрюкова.

– Чёрт! – он отвернулся и мотнул головой.

Снял с головы свой колпак. – Таня, мне очень нужно знать. Я спрошу прямо. Ты встречаешься со Славиком?

Чего чего, а такого вопроса она от него совсем не ожидала.

– Николай, я не понимаю, какое это имеет отношение к нашему проекту? – растерялась Таня.

Кроме того, что этот вопрос был очень неожиданным и застал её врасплох, она к тому же вдруг поняла, что и сама не знает на него ответа.

– Ты права, никакого, – тихо согласился с ней Микрюков. – Но я всё же очень прошу тебя ответить.

Он помолчал, потом отвернулся, а когда снова посмотрел на неё, то отчетливо повторил:

– Я очень тебя прошу. Я бы не спрашивал, если бы это не было так важно для меня.

Таня с тоской посмотрела через плечо Николая на столик, за которым они сидели все вместе всего несколько минут назад. Славик повернулся в этот же самый момент и вопросительно глянул на неё. Его взгляд спрашивал, всё ли в порядке. Таня не была уверена в том, в порядке ли она. Она просто была не готова к такому повороту событий. Ей не хотелось смотреть Николаю в глаза. Кто бы мог подумать, что ей придётся отвечать на такой важный вопрос, да ещё заданный совсем не имеющим к делу человеком.

– Я не знаю, – честно ответила она наконец.

– Как не знаешь? – неожиданно громко спросил Микрюков.

Всё-таки ей пришлось на него посмотреть. Кажется, он ей не поверил. Он оглянулся, чтобы проверить, слышал ли кто-нибудь его слова. Вокруг стоял гомон вечеринки. Градус веселья только продолжал повышаться.

– Послушай, я не просто так спрашиваю из праздного любопытства. Дело в том, что...

Он открыл рот, чтобы продолжить фразу, но увидев её удивлённый и раздосадованный взгляд, вдруг опустил глаза, но только на минуту. Через мгновение он уже снова смотрел на неё.

Наклоняясь к ней ближе, так близко, что ей снова показалось, что он сейчас то ли возьмёт её за руку, то ли сделает ещё что-то такое, о чем они оба потом пожалеют, он тихо проговорил:

– Таня, я думаю, что для тебя не секрет, что ты уже давно мне нравишься.

Он сказал это и, видимо, сразу же понял по выражению её лица, что ошибался, что она ни о чём не знала. Таня глядела на Микрюкова широко открытыми от удивления глазами. Она вдруг испугалась, что он разозлится или обидится на неё. И досадовала на свою собственную наивность. С минуту они смотрели друг на друга. Микрюков, как всегда, заговорил первым:

– Извини, я не хотел вмешиваться в твою личную жизнь. Этот разговор больше никогда не повторится.

– Ты тоже прости меня. Видишь ли, я ни о чем не догадывалась. Всё останется между нами.

Он грустно кивнул и сразу же отошел куда-то так же стремительно, как появился.

В задумчивости Таня вернулась за стол. Вокруг стоял невероятный шум. Кто-то пускал хлопушки в открытое настежь окно.

– Всё в порядке? – спросил Славик, видя Танино расстроенное лицо.

– Я надеюсь, – рассеянно ответила она и провела рукой по лбу.

– Что случилось? О чём вы разговаривали? – кажется, Славик начинал волноваться.

– Микрюков спросил меня, встречаемся ли мы, – вынуждена была признаться Таня и сразу же вспомнила, что обещала, что не будет никого посвящать в детали их беседы.

Впрочем, Славика это тоже касалось.

– А какое ему, собственно, дело до этого? Он предложил тебе встречаться?

– Не совсем. С чего ты это взял? – удивилась Таня.

Он усмехнулся.

– Иначе зачем бы он стал приглашать тебя тогда в ресторан?

– Мы встречались, чтобы обсудить детали проекта!

– Их можно было бы обсудить и в офисе!

Таня обеспокоенно взглянула на Славика. А ведь он прав! Микрюков и правда имел на неё виды, просто она ничего не замечала. И она вспомнила, как напряжённо отреагировал Славик, когда застал её за сборами в ресторан в тот раз.

– О, Боже! Видимо, только я ни о чём не догадывалась!

Вечер терял для неё всё свое волшебство и сказку. Что же теперь делать?

– Таня, а что ты ему ответила? – это Славик спросил её тихо.

Она едва слышала, скорее угадала его вопрос во всеобщем шуме.

– Я сказала ему, что не знаю, – в отчаянии ответила Таня.

Она всё ещё стояла возле стола, не зная, как ей поступить – бежать объясняться с Микрюковым или вообще сразу же уйти, чтобы не было больше никаких недоразумений на сегодня. Кажется, даже слёзы подступали где-то

близко и были готовы брызнуть из глаз. Таня кинула на Славика отчаянный взгляд.

– Идём, – быстро сказал он, встал и потянул её за руку, – я покажу тебе кое-что.

По пути он взял их пальто, и они прошли через весь зал, сквозь толпу танцующих и смеющихся людей до самого дальнего конца, где он отодвинул тяжёлую тёмную портьеру, и за ней вдруг оказалась узкая высокая дверь.

– Куда ведет эта дверь? Я никогда её не видела! – Таня почти бежала, чтобы успеть за быстрыми шагами Славика.

– Сейчас увидишь, – на ходу поворачивая голову в её направлении, ответил Славик.

Он отомкнул деревянную щеколду, смело потянул за ручку двери, и тут внезапно стало темно и очень тихо.

– Где это мы? – поинтересовалась Таня.

– Идём, – коротко ответил Славик снова.

Они поднимались куда-то вверх по узкой лестнице. Потом Славик толкнул ещё одну дверь и свежий морозный воздух пахнул им прямо в лицо и закружил целый хоровод снежинок. Они вдруг очутились на маленьком балкончике, таком узком, что на нём едва можно было стоять вдвоём. Тане пришлось перевести дух после этого стремительного подъёма и перепада температур – на улице было очень холодно. Славик уже подавал ей пальто. Они оделись и оглянулись вокруг.

– Откуда ты знаешь про это место? Мы же никогда не поднимались на второй этаж! – спросила Таня, заглядывая Славика в лицо.

– Я приберёг его для экстренного случая. И вот, кажется, он как раз настал, – ответил тот, улыбаясь.

Снаружи было довольно темно, только редкие сполохи салютов освещали небо вдалеке на Елагином острове. И вдруг небо расцвело целом снопом ярких, рассыпающихся брызг. Раздались громкие голоса и улюлюканье с первого этажа. Послышались крики “С Новым Годом!”, и прямо перед ними с крыши и улиц взметнулись ещё огни.

– Таня, с Новым годом! – повернулся к ней Славик. – Ура!

Таня не могла поверить, что новый год уже наступил. Пожалуй, это был первый раз в её жизни, когда она встречала Новый год не за столом в компании семьи и друзей, а на балконе, не видя, как стрелка часов ползёт и приближается к цифре двенадцать.

Она почувствовала себя Золушкой, сбежавшей с бала, и в довершение картины Славик сделал что-то уж совсем неожиданное. Он взял её руку, поднёс к губам и медленно поцеловал. Да, похоже, сказка новогоднего вечера продолжается. И хотя в её голове ещё прокручивался, беспокоя её, недавний разговор с Микрюковым, волшебство праздника вернулось полностью.

– Ура! – подпрыгнула Таня. – С Новым годом!

И не было вокруг никого, только сыпались снежинки с освещаемого салютом неба и вдалеке проглядывали холодные морозные звёзды.

Они спустились в зал тем же путем, что и покинули его. В этот раз только не так торопились, и Таня увидела, что вся лестница заставлена старой мебелью и картинами. Странно всё-таки, что она так ни разу и не добралась сюда, пока шли отделочные работы.

Они вернулись в зал, где никто не заметил их исчезновения. Таня увидела Макарьевых возле вешалок с одеждой, Галина как раз надевала пальто, а Григорий, уже одетый, держал на руках их спящего младшего. Ещё несколько человек потянулось к выходу, но большинство продолжало танцевать и курсировать между барной стойкой и столиками.

Тане вдруг тоже захотелось домой. Они переглянулись со Славиком.

– Хочешь, поедем ко мне? – предложил Славик. – Мама с папой скорее всего ещё не спят.

Микрюков попался им на пути. Они распрощались так, как будто ничего не случилось. Таня даже удивилась, может, ничего и правда не произошло, а она просто выпила слишком много шампанского? Всё-таки у Микрюкова была впечатляющая выдержка.

Они вышли на улицу, где им в лицо снова пахнул уже знакомый морозный воздух.

Марины-старшие встретили их радостно, не прошло и получаса, как они вместе сидели на кухне и пили чай с тортом. Они посидели ещё немного и разошлись. Таня пошла спать в уже знакомую ей комнату Славика, а он сам привычно занял место на диване в зале.

Впереди было ещё десять праздничных дней. В течение этого времени Славик с Таней сходили несколько раз на каток, как-то зашли в гости к Макарьевым и старушке Евгении Сергеевне. Они гуляли по зимнему городу, заходили на ярмарки. Вечерами возвращались к Мариным или шли к Тане, где их ждали торт и мандарины в холодильнике.

Праздничная суматоха постепенно улеглась. Одиннадцатого января Таня вернулась на работу. Она сидела на кухне с Галиной и Григорием. Вместе они ждали Микрюкова и Машу, чтобы обсудить работы на втором этаже. Там предполагалось разместить залы для проведения небольших мероприятий. Каждый такой зал имел набор столиков и закрывался так, чтобы другие посетители не могли побеспокоить группы клиентов, заранее забронировавших зал.

Первой появилась Маша. Она вошла уверенной поспешной походкой, поздоровалась со всеми и сразу же стала звонить по телефону. Весь её вид говорил о том, что она очень занята. На ней было оранжевое платье, волосы были заплетены, открывая уши с длинными серёжками, и Таня вдруг поняла, кого она ей напоминает – лису Алису из детского фильма про Буратино! Это было интересное открытие, которое заставило Таню улыбнуться.

Микрюков вошёл через пять минут. Он был, как всегда, вовремя. Собравшись в зале на первом этаже, они расселись за столиком. Микрюков потянулся к клеёнчатой папке, лежавшей на столе, ухватил её за уголок и раскрыл.

– Ну, что ж! Надеюсь, все замечательно провели праздники. Возвращаемся к нашей работе.

Он сообщил о том, что они приступают на следующий же день. Потом дал слово Маше, которая выразила надежду, что все будут работать сообща, помогая друг другу.

Всё это время Таня не спускала глаз со своего телефона. Она выключила звук незадолго до собрания, которое оказалось кратким, и теперь посматривала на экран. Славик отправился в офис и должен был позвонить и сообщить ей, когда он уезжает в Ставрополь. Прямо перед самым концом Машиной ре-

чи экран засветился, и Таня увидела, что Славик звонит ей, как они и договаривались. Ей пришлось написать ему, что она не может ответить. Вероника осталась с Машей и Микрюковым выяснять бюджет предстоящих работ, а Таня уже отошла, зажав в руке телефон.

– Привет! – сказала она, когда Славик ответил на звонок.

– Привет! – тоже сказал он. – Итак, я уезжаю сегодня вечером, но всего на две недели. Они уже нашли парня, который будет вести там дела, мне осталось только ознакомить его с работой и проследить, что всё идет по плану.

Таня могла сказать по его голосу, что Славик был очень доволен.

– А, ещё Тема звонил.

Тёмой он называл Артёма.

– Поедем к нему на свадьбу вместе?

– Поедем, конечно, – ответила Таня.

Они попрощались и отключились. Вечером Таня пошла к Мариным провожать Славика. А на следующий день началась работа.

Ещё накануне Нового года Григорий предложил украсить верхний этаж не росписью, а мозаикой. И Тане и Галине эта идея очень понравилась. Вчетвером с Микрюковым они уже сидели над этим проектом и решили, что Таня набросает эскизы. Она даже предложила заняться этим во время новогодних праздников, но Микрюков решительно отказался от этого предложения, заявив, что праздник – для всех, пусть Таня тоже отдыхает.

Он, конечно, был начальством, но никто не мог запретить Тане вечерами, нагулявшись со Славиком, делать наброски. Так появилась идея один из залов оформить в виде горы Олимп, с изображением греческих богов. Другой зал она предполагала посвятить итальянской теме – живописные деревушки, зелёные поля и виноградники. Третий зал по задумке должен быть выполнен в лесной тематике – белочки на ветке, кувыржающиеся медвежата, река, на берегу которой деревенские ребята сидят и болтают о чём-то своём.

Работа закипела. Последующие недели были похожи одна на другую. Таня рано вставала и торопилась в ресторан, где её уже ждали на кухне Макарьевы. Потом они поднимались на второй этаж.

Иногда перед обедом, когда ждали, что все соберутся, Таня выходила на крошечный балкончик, где они со Славиком встретили Новый год. Ей было приятно вспоминать тот вечер, когда волшебство праздника, висевшее на волоске после разговора с Микрюковым, вновь возродилось здесь, на этом пятчке, где шум толпы был почти не слышен, а было только небо, освещаемое салютом, и редкие снежинки, кружившиеся в воздухе.

Славик ей иногда звонил. По вечерам, укутавшись с ногами в тёплый плед, Таня ставила рядом на тумбочку горячую кружку какао и включала скайп – ждала его звонка. Так же она общалась с родителями и с Женей.

Мама сообщила ей новость – Антон шёл служить в армию. Теперь он будет навещать домой только на выходные и то через раз.

Женя обсуждала с ней подробности предстоящей свадьбы Ксюши и Артёма. Славик возвращался тридцатого января. Первого февраля они ехали в Москву.

Танин контракт с Микрюковым был подписан до конца января, но работа была закончена раньше срока. Бесцельно бродя по новым, пахнущим свежей краской залам второго этажа ресторана, Таня вспоминала о том, что практически не разговаривала с Микрюковым всё это время. Пару раз они собира-

лись в его офисе с Макарьевыми и обсуждали оформление стен, но это всё были рабочие моменты. Он редко появлялся в “Виноградной лозе”. Зато Маша была каждый день. Первые две недели она оставалась допоздна – принимала на первом этаже поставщиков и работников. Потом стала уходить раньше. Вероника приглашала её в офис к Микрюкову, когда приезжали блоггеры или журналисты – освещать новинку сезона. Лёня прошелся с фотоаппаратом и сделал снимки для сайта.

Так пролетел этот месяц январь, полный рутинной работы, приносящей Тане удовольствие видеть, как её рисунки оживают в мозаике на стенах и даже окнах – совместно с Машей было решено, что в окнах второго этажа будут витражи. Их рисунок был проще, чем на стенах, но от этого работа была не менее увлекательной.

Открытие ресторана было торжественным. Вечером тридцатого января огромные окна первого этажа светились ярким светом люстр и светильников. Окна второго этажа были завешаны тяжёлыми театральными портьерами тёмно-бордового цвета. Автомобили останавливались на внутренней стоянке “Виноградной лозы”. Из них выходили молодые и пожилые пары и целые группы гостей. У Тани захватило дух от масштаба праздника. Видимо, у Микрюкова было много знакомых, приехавших оценить его детище.

Галина Макарьева, неузнаваемая в длинном блестящем платье сиреневого цвета, взяла Таню под локоть, и они вместе вошли в зал на первом этаже, поднялись по большой лестнице на второй этаж. Было много света, играла джазовая музыка, звенели бокалы, люди перемещались постоянно по залам – вдоль стен был установлен буфет.

Таня кивала немногочисленным знакомым из офиса Микрюкова или Маши и чувствовала себя чужой на этом празднике. Это был не их скромный коллектив, собравшийся под Новый год на открытие первого этажа. Теперь тут царила многочисленная публика из элиты города, знакомые и партнёры по бизнесу Микрюкова. Только теперь Таня увидела и по-настоящему оценила его окружение.

Сам Николай, торжественный и весёлый, прошёл вдалеке с бокалом в руке. Маша шла рядом с ним, и они о чём-то весело беседовали.

Таня не оставалась до конца вечера. Перед самым уходом она решила найти Микрюкова и попрощаться. Он увидел её издали и смотрел на неё, пока она шла к нему сквозь толпу. Таня заметила этот взгляд и вдруг ей почудилось что-то в его глазах. На минуту представилось, что это веселье – показное, как театральные портьеры на окнах.

– Итак, Таня, закончен наш совместный проект, – негромко сказал он и на секунду опустил голову, как будто собираясь с мыслями.

Он всегда говорил первым.

– Да. Я хотела поблагодарить за предоставленную мне возможность быть частью этой работы.

Они помолчали. Наконец, внимательно глядя ей прямо в глаза, подавшись ближе так, как будто он хотел взять её за руку, Николай сказал:

– Таня, мне было очень приятно работать с тобой. Я надеюсь, что мы ещё увидимся. Если тебе когда-нибудь понадобится помощь, неважно в чём, ты всегда можешь обратиться ко мне.

Таня благодарно кивнула. Она была рада, что он не обижен на неё за то

полное неведение касательно его чувств к ней, в котором она пребывала. Она ведь даже и представить себе не могла, что он мог ею увлечься!

– И ещё, – тем временем продолжал он, – моё отношение к тебе никак не повлияло на то, что именно ты занималась оформлением моего ресторана. Ты действительно талантлива, и если тебе понадобятся мои рекомендации, ты можешь смело рассчитывать на них.

Они распрощались, и Таня отправилась в свою комнату в отеле паковать чемодан и готовиться к предстоящей поездке. Славик вернулся утром следующего дня. Вечером они выехали в Москву.

Женя встречала их на Ленинградском вокзале. Она была румяная с мороза, в длинном пуховике и варежках. Оказывается, Ксюша с родителями жила в Зеленограде, где и планировалось справлять свадьбу.

Двенадцатый микрорайон, где проживала невеста, был расположен совсем рядом с лесопарком и озерцом. Через час они втроём уже поднимались в лифте типовой многоэтажки дома Жениных родителей. Предполагалось, что они оставят там вещи, соберутся и все вместе отправятся в банкетный зал.

Женины родители, дядя Никита и тётя Юля, встретили Таню очень тепло. Она такими их и запомнила – высокими, статными, всегда весёлыми. У тётки Юли были всё те же короткие кудряшки, и она была так же смешлива и добра, как раньше. Дядя Никита носил всё те же тонкие чёрные усики на полном лице.

Ксюша же, напротив, внешне изменилась до неузнаваемости. Она была выше Жени почти на полголовы, растеряла все свои веснушки и красила волосы, подстриженные под каре, в чёрный цвет. Неизменными остались лишь громкий смех и беззаботность. Глядя на неё, можно было не сомневаться в том, что предстоящее замужество наполняло её ещё большей радостью и добавляло чёртиков в её смеющихся глазах.

Таня едва узнала Ксюшу, когда та проскакала мимо них с воздушной фатой в руках, в то время как вместе с чемоданами и вихрем стылого воздуха с лестничной площадки, они ввалились в маленькую квартирку, где царил полнейший бедлам.

– Ксюша, иди поздоровайся с гостями! – окликнула её тётя Юля, в тот самый момент когда невеста как раз была готова скрыться за поворотом в дальнюю комнату, откуда доносился шум нескольких голосов.

Ксюша беззаботно повернула голову на голос матери и, узнав Таню, бросилась обниматься.

– Осторожно, не задуши её! – это сказал дядя Никита.

Он явно пытался, но не мог оставаться строгим со своей младшей дочерью в такой важный для них всех день. Его тёмные глаза, такие же, как у Ксюши, тоже смеялись.

Таня смотрела на это весёлое семейство и была очень рада за них.

Единственное, что она никак не могла себе представить, так это экономиста Артёма в костюме и галстук, каким она видела его на фотографиях на Фейсбуке, рядом с Ксюшей, которая, по словам Жени, закончила курсы маникюра и дальше учиться не хотела.

Ксюша взвизгнула в очередной раз, и несколько голов появилось в проёме двери, ведущей в её спальню – это Ксюшины подружки собирали её к торжеству.

В этой семье всё было по-простому. Они не приглашали ни визажиста, ни парикмахера. Коллеги, они же подружки Ксюши, делали друг другу причёски и макияж возле зеркала в её комнате. Тётя Юля позвала Таню собираться в спальне родителей.

– А то девчонки там тебя затолкают, – смеясь, добавила она.

И было видно, что ни эта привычная теснота, ни отсутствие дополнительных удобств и средств для проведения такого торжественного мероприятия нисколько не смущали хозяйку этой квартиры. Она, без сомнения, была очень рада за дочку, была уверена, что та счастлива, а это и составляло её собственное счастье.

Таня закрыла дверь в небольшую спальню и достала из чемодана платье, которое купила специально для этой свадьбы. Платье было бархатное, чудесного лазурного цвета, длинное, до пола, с интересным разрезом до колена. Тане показалось, что оно как раз подойдёт для зимнего мероприятия.

Она распустила и расчесала волосы, слегка коснулась ресниц тушью, и вдела в уши замечательные серёжки с лазуриками. Их привезли родители, когда ездили в Прагу. Таня была готова.

Она вышла на кухню, где те, кто уже успели собраться, подкреплялись пирогами с мясом, яйцами и грибами, нарезанными аккуратными треугольничками. Каждый, входивший на кухню, просто хватал один из этих аппетитных треугольничков, а с ним и кружку, наливал чай из большого чайника, стоявшего тут же, на столе, и перемещался дальше в нужном ему направлении.

Скоро все уже были готовы. Ехали в банкетный зал на двух машинах, украшенных, как это принято, лентами. Таня со Славиком и тётей Юлей оказались зажатыми на заднем сидении выдавшего вида автомобиля дяди Никиты с ним же за рулем. Вторая машина – большая, белая, с куклой впереди, – вместила хохотавших подружек невесты и её саму. За рулем был один из друзей жениха, как поняла Таня.

Банкетный зал очень понравился Тане. Огромными, от пола до потолка окнами, он выходил на лесной парк, засаженный заснеженными деревьями, показавшимися ей высокими и торжественными в своем зимнем уборе. Таня подумала, что могла бы весь вечер просидеть здесь, наблюдая, как тихонько колышется листва за окном, редкие птички перелетают с ветки на ветку и тихо идёт снег.

Было ещё очень рано. Зал продолжали готовить к приёму гостей. Ксюша с подружками убежали в специально отведённую комнату, чтобы освежить макияж. Таня со Славиком стояли возле окна, когда слышались одобрительные возгласы и приветствия. Таня оглянулась. Артём входил в зал. “Пожалуй, он тоже изменился”, – подумалось Тане. Следом вошли родители жениха, и семья невесты кинулась их встречать.

Да, Артём стал другим. Он определённо повзрослел. Раздался в плечах. Круглое лицо его стало ещё круглее. Но главное было не в этом. Таня не узнавала этот серьёзный, сосредоточенный взгляд! Раньше она не замечала у него такого взгляда. Он был чем-то явно озабочен, возможно, даже расстроен. И это в день собственной свадьбы!

Откуда-то сбоку раздался визг, и Ксюша стремительно выскочила навстречу будущим родственникам. На минуту все замолчали. Повисла неловкая пауза.

– Ксюшенька, Тёма не должен видеть тебя в этом платье до начала церемонии, – сдержанно сказала тётя Юля.

Они вообще стали намного сдержаннее и тише с приходом будущей родни. Все, кроме Ксюши.

Таня, продолжавшая обозревать эту живую сцену, вдруг поняла, что неловкость эта не имела ничего общего с суеверием. Достаточно было взглянуть на то, как мама Артёма поджала губы и переглянулась с его сестрой. “Да они ей явно не рады!” – сделала вывод Таня.

Но Ксюша ничего не замечала. Она была счастлива. Она брала Артёма за локоть и тянула куда-то в сторону. Потом, всё ещё сжимая его локоть, подпрыгнула к Наташе – сестре Артёма – и стала о чём-то увлечённо её расспрашивать.

В эту минуту Артём увидел их со Славиком, его лицо озарилось улыбкой, которую Таня очень хорошо знала по школьным дням, и, аккуратно, но решительно отодвинув Ксюшу в сторону, он направился к ним.

Артём пожал Славiku руку, потом повернулся к Тане, развёл руками, как бы приглашая и Славика подивиться на это зрелище, и, наконец, что было ещё неожиданнее, заключил Таню в объятия. Выглядывая из-за его плеча, Таня бросала на Славика беспомощные взгляды.

Впрочем, приветствия длились недолго. Приехал фотограф в длинном пальто и очень интересной шляпе с узкими полями, делавшей его похожим на итальянца. Ксюшины подружки встретили его с восторгом:

– Ну, наконец-то! Фотосессия!

Ксюша подскочила к Артёму и принялась теребить его за рукав. Он обернулся к Славiku с Таней:

– Пойдемте с нами фотографироваться. Я приглашаю!

Таня со Славиком переглянулись и кивнули.

Когда они вышли на улицу и углубились в парк, Таня заметила, что там стояла какая-то особенная звенящая тишина, такая, которая бывает только за городом, где не слышно шума мостовых и людских голосов.

Ксюшины подружки крутились перед фотоаппаратом, подбрасывая вверх еловые ветки и кидаясь снежками – фотограф только успевал щёлкать. Потом он позвал и Таню со Славиком сфотографироваться с женихом и невестой. А дальше они просто бродили по протоптанным в снегу дорожкам, вдыхали свежий морозный воздух, и какое-то умиротворение нашло на Таню. Суматоха, которую поднимали крутившиеся вокруг Ксюша с подружками, отошла на второй план. Был только лес, белое небо над головой, горы сугробов и спящие зимним сном деревья.

Они провели в лесу часа два, а потом, замёрзшие, но весёлые, вернулись в зал, где им предложили горячего чая и ватрушек.

Из угла рядом с кухней потянуло восхитительным сладковатым запахом. Таня оглянулась. Возле пузатой бочки, приспособленной под столик, стояла официантка и помешивала глинтвейн. Он кипел в огромной кастрюле, стоящей на плитке, и источал великолепный аромат апельсиновых корочек и корицы. Официантка поймала Танин взгляд и заговорщицки ей улыбнулась.

Гости постепенно заполняли зал. Было мало знакомых лиц. Таня с трудом вспомнила пару Ксюшиных одноклассниц. Анна Михайловна простыла и не смогла приехать. Из их класса было только трое школьных друзей Артёма.

Как-то по-другому представляла себе Таня эту свадьбу. Все таки Артём был самым популярным кавалером их и параллельных классов!

Церемония началась ближе к обеду, когда все успели сфотографироваться, перекусить и пообщаться. Специально приглашённая служащая ЗАГСа объявила о начале бракосочетания. Она сыпала цитатами о любви, попросила проиграть марш Мендельсона, под который Артём с Ксюшей торжественно приблизились к ней. Было уже сказано всё про верность и партнёрство, опору и поддержку.

Таня вдруг оглянулась и поняла, что хотя в зале было весело и шумно, она начинала скучать. Она выбралась из толпы аплодирующих гостей и отошла к столу, на котором стояли напитки и сладости, задумчиво налила себе воды, выбрала плюшку с яблоком и, также задумчиво откусив от неё кусочек, стала жевать. Она оглянулась, когда увидела, что засунув руки в карманы, рядом с ней опёрся о стол дядя Андрей – папа Артёма.

– Ну, что, Танюша, как поживаешь? – как-то невесело спросил он.

– Спасибо дядя Андрей! Поздравляю Вас со свадьбой сына! – она попробовала улыбнуться ему, но вдруг поняла, что улыбка вышла натянутой и слабой.

– Спасибо, – всё так же невесело ответил папа жениха.

А потом, прищурившись и поглаживая затылок, тихо добавил, как будто про себя:

– Да, не такую невесту я бы хотел видеть рядом с сыном. – И отошел.

Таня оторопела от таких слов. Она хотела ответить ему, но дядя Андрей уже стоял рядом с супругой и вымученно улыбался.

Заиграла музыка. Похоже, церемония подходила к концу. Все кинулись поздравлять молодожёнов. Таня тоже протиснулась к ним и чмокнула светящуюся счастьем Ксюшу. Повернулась к Артёму, и он снова её обнял.

Таня поздравила родителей Артёма, потом Наташу.

– Таня, это ты? – вдруг узнала её та.

– Да, – смеясь сказала Таня, – поздравляю тебя, Наташ!

В ответ Наташа как-то неопределённо скривила губы и вдруг взяла Таню за руку и потащила к столам. Таня ничего не понимала.

– Спасибо, конечно, за поздравления, – глядя куда-то в сторону, процедила сестра жениха, беря с тарелки закусок тарлетку, – но я буду с тобой откровенна. Ты же видишь, что эта Ксюша ему не пара.

– Послушай, – удивилась Таня и попробовала её успокоить, – может, Ксюше недостаёт образования, но она очень добрая и у неё замечательный лёгкий характер, она просто ещё очень молода!

– Да уж, – хмыкнула Наташа, – молода!

– И потом, – продолжала Таня, – Ксюша так любит Артёма, это сразу заметно! К тому же, он не стал бы делать ей предложения, если бы тоже не был в неё влюблён.

При этих словах она снова взглянула на новобрачных. Ксюша поправляла Артёму галстук. Её фата уже слетела, и тётя Юля скатывала её в пышный бело-снежный клубок.

– Ничего ты не знаешь, – отвлекла её от этого зрелища Наташа. – Ладно уж, тебе я могу сказать.

Помедлив и сделав знак, чтобы Таня пригнулась к ней ближе, хотя кто бы мог услышать её в такой гаме, она тихо сказала Тане в самое ухо:

– Ксюша беременна.

Таня быстро взглянула на неё, и ей стало понятно теперь, почему так торопились со свадьбой, почему семья Артёма была не рада невесте, а Ксюшина, наоборот, приветствовала скорейшее заключение брака. Она по-новому взглянула на Артёма, и ей стало его жаль.

Наташа рассеянно кивнула Тане и отошла. А Таня вдруг почувствовала, что не хочет больше здесь оставаться. Она нашла Славика в толпе. Держа по бокалу вина в руке, они с Артёмом что-то оживлённо обсуждали и замолкли, как только к ним приблизилась Таня.

Посмотрев Артёму в лицо, она вдруг растерялась. Ей очень хотелось выразить ему сочувствие, которое, она знала, могло бы прозвучать нелепо для не посвящённых в его тайну людей. Поэтому она только поинтересовалась у него последними новостями и планами. Ксюша прискакала к ним, раскрасневшаяся и растрёпанная. Она схватила Артёма и потащила его танцевать.

– Подожди, – уговаривал он её, как ребёнка, – видишь, я занят.

Тогда она схватила за руку Славика, и они смешались с толпой танцующих.

– А как у тебя дела, Таня? – в свою очередь спросил Артём. – Я очень рад, что ты оказалась здесь и смогла попасть к нам на свадьбу.

Он говорил эти вежливые слова, а Тане казалось, что на самом деле он думал о чём-то другом.

– Артём, извини, я все знаю, – тихо ответила ему Таня. – Наташа рассказала мне.

Он быстро взглянул на неё, как бы проверяя, что именно она хотела сказать, потом понимающе кивнул, напряжённо поджал губы, а затем также тихо сказал ей в ответ:

– Ну, что ж, значит, перед тобой мне нет смысла притворяться.

И вдруг, повинувшись какому-то порыву, добавил:

– Таня, только теперь я осознаю, как я был слеп! – он как бы выплюнул эти слова с досадой, и резко поставил на стол свой бокал.

– Что ты имеешь в виду? – изумилась Таня.

– Тебя, – и пояснил, – я имею в виду тебя.

Видя, что Таня ничего толком не понимает из его слов, Артём, глядя ей в лицо с непонятным, ищущим выражением, сказал с отчаянием:

– Ведь я же нравился тебе тогда, в школе. Теперь ты можешь признаться мне в этом.

Это был вечер неожиданных откровений. Артём невесело усмехнулся и ждал её ответа. Тане показалось, что в его глазах даже мелькнуло какое-то самодовольство, которое вдруг покорило её. Она задумалась, как бы оценивая свои чувства в свете последних открытий, сделанных ею накануне Нового года. Потом она подняла на него глаза и медленно сказала:

– Ты знаешь, я тоже так думала до недавнего времени, но потом поняла, что это всё не так, что я просто обманывалась.

– Обманывалась? – переспросил её Артём. Казалось, он не верит своим ушам. – Так кто же тебе на самом деле нравился – он что ли?

Артём засмеялся, показывая на возвращавшегося к ним Славика. Он не заметил, как Таня вздрогнула от этих слов и отвела взгляд.

– Тёма, отличная вечеринка, но нам уже нужно собираться, – подходя к ним, громко, чтобы перекричать музыку, сказал Славик.

– Где вы остановитесь? – поинтересовался у него Артём.

– У Ксюшиных родителей.

– Да там же нет места! Послушайте, перебирайтесь к нам. У родителей здесь дача неподалёку. Там места хватит на всех.

Эта идея им очень даже понравилась.

Свадьба гуляла недолго, к десяти вечера гости потянулись прощаться. Таня со Славиком поехали к Жене забрать свои чемоданы. Родители Артёма забрали их и Наташу и отвезли к себе, в небольшой уютный домик в Крюково, что было совсем недалеко.

Домик был двухэтажным и топился длинными батареями, расположенными в каждой комнате. Всего комнат было четыре – две сверху и две снизу. Там было уютно и тепло, особенно после мороза, который к вечеру лишь усилился.

Наташа уехала – ей нужно было выходить завтра на работу. Таня со Славиком остались с родителями Артёма. Все устали и рано легли спать, а уже наутро Таня со Славиком возвращались в Петербург. Танин билет до Тель-Авива лежал в сумочке среди остальных документов. Его ей передала Вероника, когда закончились работы в “Виноградной лозе”.

Поезд отходил в восемь утра с того же Ленинградского вокзала, и в полночь прибывал на Московский вокзал Санкт-Петербурга.

Дядя Саша уже встречал Таню и Славика. Они очень быстро доехали до дома.

А уже на следующий день Таня вылетала домой. Она попрощалась с Мариными, и Славик подвёз её до аэропорта. Таню охватило чувство дежавю. Со всем недавно они вот так же прощались и так же стояли и смотрели друг друга в глаза, не зная, что ждёт их впереди, и встретятся ли они когда-нибудь.

Обхватив себя руками за плечи, она говорила ему какие-то ничего не значащие дежурные фразы. Славик молча слушал, а потом сказал что-то такое же малозначащее в ответ. Они оба были обессилены собственной неспособностью как-либо повлиять на события, уже ничего не обещали ни один другому, ни самим себе.

Им оставалось только надеяться, что всё, что их тянуло друг к другу и одновременно сдерживало, как в прыжке, от взаимного притяжения, растаяло бы и перестало беспокоить. Они оба понимали, что для этого им нужно дать себе труд оторваться от рассматривания бледных лиц и усталых глаз друг друга и постараться всё забыть. Только так, взаимным усилием, можно было бы унять эту муку, которую они сами для себя придумали.

Они обнялись на прощанье, и ничего не обсуждали на будущее – ни встреч, ни расставаний.

Так закончился второй Танин период пребывания в России.

***

Она долетела до Тель-Авива, а оттуда на поезде отправилась в Хайфу. Уже по дороге к ней как бы само пришло решение. Она переедет к родителям в Холон. Антошина комната стояла пустая. Работу в Хайфе всё равно тяжело было найти. Значит, Таня будет искать что-нибудь в Тель-Авиве, а для этого нужно было переезжать в центр страны.

Она позвонила маме ещё из аэропорта, чтобы сообщить, что прилетела. Потом, вечером, сидя перед камерой скайпа, они обе обсудили Танино решение.

Было также решено, что родители снимут другую квартиру – побольше,

чтобы все могли уместиться. Лиза, похоже, была даже рада такому повороту событий, потому что они с Сергеем решили съезжаться, чтобы жить вместе. Контракт на Лизину квартиру заканчивался в конце апреля. Получается, что такое положение дел устраивало всех.

Защита Таниного диплома была назначена на второй четверг марта. Таня начала готовиться. В итоге все прошло хорошо. Танина профессорша даже спросила, хочет ли она продолжать учебу и поступать в докторантуру, но Таня ответила, что повременит с этим решением. Ей очень хотелось начать где-нибудь работать. Она только пока не знала где.

Примерно через две недели мама сообщила Тане, что они ездили смотреть очень неплохую квартиру в Бат-Яме. В объявлении было написано, что в квартире три с половиной комнаты.

– Как это три с половиной? Что это ещё за половина? – удивилась Таня, когда мама рассказала ей про это объявление о съёме.

– Вот так! Берут кухню, переносят её в салон, а образовавшуюся после этого комнатку указывают как полкомнаты, – смеясь объяснила мама.

В апреле Таня с родителями переехали в Бат-Ям. Теперь они все вместе жили в небольшой квартире, которая по объявлению претендовала на три с половиной комнаты. Половину отдали Антону, который находился дома меньше всех.

Он приходил теперь домой повзрослевший, загоревший, коротко стриженный в компании таких же, в форме, ребят. Иногда мама кормила их обедом или ужином. Часто Антоша закидывал в комнату необъятных размеров рюкзак и уходил сначала спать, а только потом выходил к ним на ужин.

Вообще он сразу как-то возмужал и подрос. Тане он казался намного старше, чем до поступления на службу.

И вот начались поиски работы. Не так-то просто оказалось устроиться вчерашней студентке переводчиком. В большинстве мест требовали опыт работы. Таня, конечно, занималась переводами, но очень нерегулярно и не официально. Не раз думалось ей, что тут был и пригодился ей опыт работы, устройся она тогда в ту контору в Хайфе.

Раз за разом она проходила экзамены, переводя то рекламные проспекты, то странички сайтов самого разного содержания. Ситуация осложнялась тем, что уровень иврита у Тани не позволял переводить на этот язык. Со временем она поняла, что обычно было принято переводить на тот язык, который переводчик знал на уровне родного. Русскоязычных переводчиков и так хватало. Многие вообще переводили частным образом. На безуспешные попытки найти работу ушло два с половиной месяца.

Таня уже была близка к отчаянию, просматривая очередное объявление, когда увидела, что в издательство в Тель-Авиве, кроме переводчиков, требовались ещё и иллюстраторы. Таня задумалась. У неё появилась мысль послать своё резюме с указанием художественного образования и опыта работы у Микрюкова. Может, всё-таки не зря она провела два месяца в Питере?

К её удивлению, в ответ на посланное электронной почтой резюме, ей позвонила секретарь того самого издательства и пригласила на интервью.

Ранним утром в середине июля Таня вышла из дома с папкой своих работ и целой гаммой чувств в душе, которые варьировались от неверия в собственную удачу до отчаянной надежды на успех.

Офис издательства “Эффект а-Контекст” (“Эффект Контекста”) располагался в южной части Тель-Авива, в полчасе езды на автобусе от нового места жительства Тани. Это было небольшое здание примерно конца семидесятых – начала восьмидесятых годов. Издательство занимало в нём весь первый этаж.

Секретарь, с которой они договорились о встрече, приветливо встретила её в приемной.

– Здравствуйте, я – Элла. Проходите, пожалуйста, я сейчас доложу о Вас.

Таня осторожно присела на краешек дивана и взглянула в направлении коридора, где скрылась секретарша. Там виднелись стеклянные кабинки-кубики, из которых доносился мерный офисный шум.

Элла вернулась буквально через минуту:

– Пойдёмте, Вас ждут.

Таня прошла за ней тем же самым коридором мимо стеклянных кабинок и сидящих в них работников. Весь этот народ что-то весело строчил на компьютерах, отчего слышалось постоянное характерное клацанье.

Элла пригласила её в кабинет в конце коридора, где сидел чернявый мужчина лет сорока с небольшим и крутил в руках карандаш. Его надбровные дуги с густыми смоляными бровями заметно выделялись на высоком покатом лбу.

– Садитесь, пожалуйста, – кивнул он на стул, стоявший по другую сторону стола. – Меня зовут Ронни. Я главный редактор а также арт-директор издательства “Эффект а-Контекст”.

Таниного иврита вполне хватало до этого момента. Ронни внимательно взглянул на неё и поинтересовался:

– Вам удобно продолжать на иврите? Я немного знаю русский. В Ваши обязанности не входит знать иврит на уровне родного языка. Но разговорный очень поможет.

– Всё в порядке, – ответила Таня, – я могу говорить.

– Ну, что ж, – продолжал её собеседник, – тогда расскажите, чем Вы занимались в области оформления. Ваши альбомы впечатляют, и техника очень хорошая.

Таня рассказала про обучение живописи в Ташкенте и Израиле, работу в Питере. К этому рассказу она готовилась заранее, нашла в словаре все нужные слова. Речь получилась очень связная, без единой запинки, и Таня была очень довольна собой. Ронни перестал крутить карандаш и внимательно её слушал. Он улыбнулся, когда Таня рассказывала, как подбирались сюжеты рисунков на стенах первого этажа “Виноградной лозы”, и очень заинтересовался, когда она дошла до того момента, когда было принято решение выложить мозаикой стены второго этажа.

В этот момент в дверь постучали. Высокая девушка с короткой стрижкой заглянула в кабинет и остановилась, увидев Таню.

– А, Рита, заходи! – Ронни сделал приглашающий жест рукой, и девушка проворно проскользнула внутрь комнаты и заулыбалась. – Рита – наша глава отдела переводчиков, – представил её Ронни.

– Новенькие? – поинтересовалась Рита.

– Да, вот к нам сегодня пришла на собеседование очень интересная новая сотрудница.

Он улыбнулся Тане и сказал:

– Спасибо Вам большое. Идите оформляться в отдел кадров. Нам нужны люди с горящими глазами.

Он протянул ей руку, и Таня благодарно пожала её.

– Большое спасибо, Ронни! – сказала она и вышла.

Она снова прошла коридором до стойки Эллы. Секретарша говорила по телефону. Прикрыв рукой трубку она спросила:

– Как всё прошло? Вы остаётесь с нами?

– Да, – волнуясь отвечала Таня. – Теперь я буду работать у вас.

– Отлично! – сказала Элла и махнула рукой в сторону кабинета недалеко от входа. – Вам в отдел кадров.

Таня дошла до открытой двери. Но не успела она войти, как целая волна воздушных шаров пронеслась мимо неё, влекомая решительной женщиной с пучком крашенных блондинистых волос на затылке. Женщина была одета в ярко-малиновую блузку и короткие синие джинсовые брюки. Таня застыла, как была, не решаясь переступить порог и помешать этому действию. Женщина же тем временем раскатистым голосом говорила какие-то поздравления и пристраивала свои шары к спинке стула в углу небольшого кабинета.

Таня всё же заглянула внутрь и увидела пожилого лысеющего человека, сидящего за столом и тихо отвечающего что-то хозяйке воздушных шаров.

– Это от всех нас! – громовым низким голосом продолжала та.

Человек пожевал губами и только тогда увидел Таню на пороге своего кабинета.

– Я могу Вам чем-то помочь? – он говорил очень тихо и медленно, как будто оценивал и взвешивал каждое сказанное слово.

– Я прошла собеседование и пришла к Вам оформляться.

– Проходите, садитесь, – он глазами показал Тане на стул.

Женщина в малиновой блузке ещё какое-то время покопалась в углу, как будто бы совсем не замечая Таню. Потом она вышла. Человек посмотрел на Таню серыми, водянистыми, казалось бы ни на чём не фокусирующими взгляд, глазами и поинтересовался:

– Кем Вы будете работать?

– Иллюстратором.

– Хорошо, – как-то апатично прокомментировал её ответ этот человек.

Затем он откинулся на спинку стула и начал размеренно раскачиваться на нём. Таня смотрела на него с возрастающим удивлением. Казалось, что сотрудник отдела кадров вовсе не интересуется новым пополнением.

Наконец, он кивнул на шары, появившиеся минуту назад в углу кабинета, и процедил медленно, как будто с усилием:

– У меня родились внуки. Близнецы, – добавил он, ещё немного пожевав губами.

– Поздравляю, – автоматически выдавила из себя Таня.

Она не знала, как реагировать.

Это было очень странное собеседование.

– Меня зовут Яков. Я начальник отдела кадров, – представился новоиспеченный дед двух внуков.

Потом он позвонил куда-то, и всё та же женщина в малиновой блузе принесла Тане заполнить форму поступления на работу и чип, чтобы отмечаться на входе и выходе из офиса.

– Приходите завтра к восьми, – внушительным низким голосом сказала она Тане. – У вас будет тренинг.

– Хорошо, – кивнула Таня.

После этого она взяла сумку и вышла из кабинета начальника отдела кадров. Элла проследила за ней глазами и помахала рукой, когда Таня кивнула ей на прощанье.

На следующий день человек десять таких же, как Таня, новых сотрудников собралось в компьютерном классе для ознакомления с работой. Вчерашняя обладательница контральто, только уже без шаров, строго, как-то боком посматривая на них, пригласила всех садиться за компьютеры. На стене висел белый рулон экрана для презентаций.

Невысокая брюнетка в очках с грустными глазами, вошла следом за помощницей Якова, одергивая на себе клетчатую блузку, которая вместе с расклешёнными джинсами делала её похожей на подружку ковбоя.

Девушка представилась главным художником. Она обвела новичков своими очками, за которыми глаза казались совсем грустными и совсем маленькими, и сообщила о том, что её зовут Мор, и она будет знакомить их с работой в издательстве.

– Люси, раздайте, пожалуйста, учебный материал, – попросила Мор, обращаясь к давешней сотруднице отдела кадров.

Люси, сделав строгое лицо, раздала целую кипу отпечатанных листов с подробными схемами работы издательства и макетами изданных уже книг. Мор щелкнула кнопкой проектора и презентация началась.

Очень скоро выяснилось, что из десяти человек, присутствовавших на тренинге, только двое – Таня и худенький йеменский мальчик с кипой на голове, Лиор – будут заниматься оформлением, остальные же станут сотрудниками отдела продаж, переводчиками и корректорами. До обеденного перерыва они сидели вместе, а после должны были разойтись по своим новым рабочим местам.

Ближе к концу лекции Таня увидела, что Рита появилась на пороге их аудитории. Она встала, прислонившись к косяку и скрестив руки на груди. Мор приветственно кивнула ей, и Рита забрала своих новых подопечных с собой. Таня проводила счастливых долгим взглядом. Ах, как бы и ей хотелось заниматься переводами! Но уровень иврита пока не позволял ей работать по специальности.

Мор провела их с Лиором длинным коридором в ту часть здания, где они ещё не бывали. Отдел оформления располагался в самом отдалённом крыле. Здесь не было стеклянных кабинок и не слышно было весёлого стрёкота наборщиков и переводчиков. Небольшой зал был разделен на офисные кубики, в которых сидели их коллеги.

Ронни обходил отделы, куда поступили новые сотрудники, и через какое-то время появился и в их комнате. Все головы повернулись в его сторону. Когда Таня проходила собеседование, то Ронни сидел за столом, и она практически не видела его. Теперь же оказалось, что он довольно высокого роста, худ и широкоплеч. Его фигура в тёмно-синем пиджаке с широкими лацканами и длинными худыми ногами в джинсах являла собой практически правильный треугольник.

– Я очень рад, что мы обзавелись новыми сотрудниками и надеюсь, что вы

сработаетесь и станете частью нашей большой дружной семьи, – начал он.

Все заулыбались, и Таня подумала, что арт-директора здесь уважают и принимают за своего.

– Итак, знакомьтесь с Ави – нашим техническим редактором, который также занимается веб-вёрсткой нашего сайта. Лиор будет ему помогать.

Ави оказался смуглым мужчиной за пятьдесят с чёрной кепкой на голове. Он улыбнулся и одобрительно кивнул в сторону Лиора.

– А это Песя Маевски – наш самый пожилой сотрудник. Песя консультирует нас в историческом и техническом направлениях литературы.

Сгорбленная старенькая дама поднялась из-за своего стола. На вид ей было хорошо за семьдесят. Тане её имя показалось устаревшим, вызывающим в памяти разрушенные еврейские местечки довоенного периода прошлого века. Но странным образом оно очень подходило это худой сутулой женщине.

Всё внимание снова вернулось к Ронни. Жестом фокусника, вытаскивающего очередного кролика из цилиндра, он повел рукой в сторону, и ещё одна сотрудница, очень молодая, бойкая и полненькая встала со своего места, улыбаясь и поправляя чёлку на лбу.

– А это Лена. Лена у нас недавно, но уже успела показать себя. Лена занимается детской литературой. Наше издательство самое крупное в стране, поэтому именно мы выполняем заказы на все школьные учебники и пособия.

Ронни обернулся к Тане и сказал:

– Вы будете работать вместе.

Таня кивнула Лене и прошла к столу, за которым та сидела.

Так закончилось первичное знакомство новых сотрудников со старожилами отдела оформления. Ронни пожелал всем хорошего дня и удалился.

Итак, на первых порах предполагалось, что новички будут сидеть рядом со своими менторами и учиться у них. Потом их должны будут пересадить на отдельные рабочие места. Мор сидела одна в своем кубике-закутке в дальнем углу общей комнаты.

До конца рабочего дня оставалось уже не так много времени, но Лена, с которой бок о бок теперь сидела Таня, успела многое поведать о порядке проведения работы. Она также объяснила слова Мор о том, что их отдел тесно сотрудничает с отделом переводчиков. Дело в том, что в Израиле выходило не так много книг, основной объём продаж поступал от иностранных авторов, чьи произведения переводились и выпускались тут же, в их издательстве. В таких случаях оформление книги утверждалось с участием Риты, которая руководила отделом переводчиков.

– Получается, переводчиков больше, чем оформителей? – спросила Лену Таня.

– Да, у них же ещё есть свои собственные корректоры и редакторы.

Таня задумалась. Оказывается, она попала в абсолютно незнакомый отдельный мир. Издательство имело свои многочисленные отделы и направления. Люди здесь работали самые разные. Было много русскоязычных. На счет этого Таня тоже поинтересовалась у Лены.

– Да, не все хотят идти в издательство, – пояснила Лена. – Здесь постоянные сокращения, потому что часто урезают бюджет. Некоторые идут работать оформителями, если есть опыт работы в этой сфере, так как необязательно знание иврита на уровне родного языка.

Потом Лена показала ей свою текущую работу. Переиздавали серию книг Шая Агнона, и среди них – “Вчера-позавчера”.

– О, это очень интересная книга, – сказала Таня. – У меня создалось такое ощущение, что она написана библейским языком – постановка фраз и сюжеты как будто бы взяты из Танаха.

– Ты её читала? – спросила Лена.

– Да, но на русском. Ещё когда мы только приехали в Израиль. Может, надо перечитать чтобы освежить в памяти?

– Делать тебе что ли нечего? – удивилась Лена. – Наша работа – рисовать, что скажут.

Оказывается, оформители не решали, что рисовать, они получали довольно точный заказ от Ронни, подробно описывающий, что должно быть изображено на картинке. Творчество же заключалось в технике рисунка и подборе цветов. Наброски каждого нового заказа подавались Ронни на утверждение.

Теперь каждое утро Таня спешила в издательство. Для того, чтобы попасть на своё рабочее место, ей приходилось проходить через весь офис насквозь. Она привычно здоровалась с Эллой, потом проходила через ряд стрекочущих стеклянных кабинок многочисленных работников с текстом – наборщиков, верстальщиков, переводчиков и корректоров, а затем, наконец, узким коридором мимо кухни, попадала к себе.

Раньше всех в их отделе появлялась Песя. Таня удивилась, когда услышала, что русскоговорящие сотрудники звали её Полина Марковна. Она даже сначала не поняла, о ком шла речь. Лена объяснила ей, что Песя родилась в местечке на Украине ещё до второй мировой войны. Её назвали Песя, но получая паспорт уже после войны еврейская девушка предпочла более привычное для русского уха имя Полина. Приехав же на историческую родину, она снова назвалась своим коротким именем, данным ей при рождении. Таня вообще заметила, что в Израиле предпочитают короткие имена и фамилии.

Лена пошла дальше и, хихикая от удовольствия, сообщила Тане, что руководитель отдела переводов Рита Зак на самом деле была Маргаритой Заклёпкиной. Таня вытаращила на Лену глаза, и обе закатились смехом. Да, у Риты явно был талант переводчика! Так интерпретировать своё собственное имя!

Таня втянулась в работу довольно быстро. График работы в издательстве был очень удобным. Сотрудники появлялись в офисе с семи до девяти утра и уходили, отработав восемь часов. Можно было делать короткие перерывы, во время которых ходили курить, бегали за едой или устраивали завтраки и обеды в столовой.

Примерно недели две после поступления на работу, Таня шла на кухню заварить чай и перекусить, как столкнулась в коридоре с Ритой. Коридор был довольно узким, в нём едва можно было разойтись вдвоём, поэтому люди проходили довольно близко друг к другу. Ещё издали было видно, что Рита попыталась как всегда очень быстро проскользнуть мимо, едва кивнув, но Таня успела заметить её расстроенное лицо. Оно даже показалось ей заплаканным.

Вернувшись на своё рабочее место, она выяснила причину. Лена, хорошая знакомая Риты, по секрету сообщила Тане, что один из новых переводчиков уволен, так как совсем не справлялся с заданием. Более того, выяснилось, что он едва знает английский, а экзамен прошёл очень интересным способом – его друг, накануне сдававший тот же самый экзамен, сфотографировал текст

на телефон и переслал снимок товарищу.

Всё это выяснилось случайно в разговоре с трюкачом, который проговорился, когда, уже будучи уволенным, делился своим опытом о том, как легко можно попасть на работу в издательство “Эффект а-Контест”.

Ронни вызвал Риту к себе для выяснения подробностей дела, так как собеседование и экзамен для переводчиков проводила именно она. Оказывается, Рита вышла буквально на минуту из кабинета, пока хитрый кандидат проходил экзамен. В это время он и успел сфотографировать задание.

Шуму было много. Даже в Танином отделе, никак не затронутым скандалом, обсуждалось это громкое происшествие. Мнения разделились: одни сотрудники считали, что виновата Рита, оставившая в своем кабинете незнакомца, другие открыто смеялись и говорили, что рано или поздно всё обнаружилось бы.

– А что, кроме него переводить некому? – спросила Таня у Лены.

– Да народу полно, просто как раз незадолго до всей этой истории уволился переводчик с английского на русский, а они как раз взяли большой проект.

– Я могла бы помочь перевести, – вдруг сказала Таня.

– Ты переводишь? – с интересом взглянула на неё Лена.

– Да, это моя основная специальность, – уверенно ответила ей Таня.

– Ну, тогда тебе надо поговорить с Ронни.

Таня подумала, что это могло бы быть неплохой возможностью, которую не стоило упускать. Она решительно встала со своего места и пошла в кабинет главного редактора. Ронни встретил Таню приветливо, спросил, как продвигается работа. В ответ, Таня сказала:

– Спасибо, все хорошо. Я слышала, что вам нужен переводчик с английского на русский. Я могу помочь.

Ронни посмотрел на неё с интересом.

– У нас есть несколько переводчиков. Я не знаю, нужна ли им помощь.

Он снял трубку внутреннего телефона и сказал:

– Рита, привет, это я. Тут у нас появился доброволец-переводчик.

Он перевел взгляд на Таню. Та сидела и ждала ответа.

– Хорошо, она сейчас подойдёт к тебе, – сказал в трубку Ронни. – Рита тебя ждёт, – перевёл он взгляд на Таню, когда положил трубку.

Таня дошла до кубика, где сидела Рита, и заглянула во внутрь. Глава отдела переводов сосредоточенно глядела на экран, насупив чёрные брови.

– Привет, Таня, – каким-то неестественно тонким голосом быстро проговорила она, – садись.

Таня села. Она не совсем узнавала Риту сейчас. Та казалась расстроенной, и Таня объяснила это самой себе тем происшествием с экзаменом.

– Доброе утро, Рита, у меня вопрос, – начала Таня.

– У меня тоже к тебе много вопросов, – внезапно перебила её Рита.

Она оторвалась от компьютера и смотрела Тане прямо в глаза.

– Я хотела предложить свои услуги переводчика, – немного удивляясь такому повороту в разговоре, ответила Таня.

Она хотела рассказать о том, что у неё есть опыт в переводах, и спросить, может ли она часть рабочего времени посвятить работе в отделе Риты.

Но продолжить ей не удалось. Чётким звонким голосом, в котором явственно слышалось раздражение, Рита произнесла:

– Я понимаю, что ты хочешь помочь, но мы стараемся соблюдать свои обязанности. Ты работаешь в отделе оформления. Работы там тоже хватает. Мы скоро найдём переводчика. Я не знаю, почему Ронни решил, что можно перетасовывать сотрудников из одного отдела в другой.

– Я сама предложила помощь, – переходя на такой же поспешный тон, сказала Таня.

– Не важно, – отрезала Рита. – Я думаю, тебе лучше вернуться на своё рабочее место.

На этом инцидент был исчерпан. Таня медленно встала, рассеянно кивнула и вышла из кубика. Перед уходом она ещё раз взглянула на Риту. Та взялась за телефонную трубку, и Таня ушла, чтобы не подслушивать.

Она шла по коридору обратно к себе и пыталась осмыслить, что же произошло за минуту до этого. Она не могла представить, почему предложение помочь вызвало у Риты такое недовольство.

– Ну, что? – спросила Лена, когда Таня задумчиво опустилась на свой стул.

Она уже сидела отдельно от Лены, за своим компьютером, но их столы стояли рядом, на расстоянии вытянутой руки.

– Ничего, – ответила Таня.

Она вздохнула и решила вернуться к работе. Ей очень не хотелось обсуждать недавнее происшествие.

– Не разрешили? – продолжала допытываться Лена.

Она вообще отличалась напористостью характера и редкой целеустремлённостью, как успела заметить Таня. Недаром выбилась на место оформителя детской литературы, когда предыдущий сотрудник покинул свой пост. Такое качество, как ассертивность, было нынче в цене.

– Нет, – все также кратко ответила Таня.

– Жалко, у них и зарплата выше, – вынесла свой вердикт Лена и повернулась к своему компьютеру.

Они продолжали работать над произведениями Шая Агнона. Переводчики переводили на русский язык “Свадебный балдахин” и “Ночного гостя”, за которые автор получил Нобелевскую премию.

Таня вздохнула. Её интересовала не столько зарплата, сколько шанс начать работать по специальности. Жаль, что эта возможность не оправдала себя.

Дни потянулись за днями. Они оформляли целый цикл Агнона, и Таня, заинтересовавшись знаменитым писателем, узнала, что два крупнейших произведения, над которыми они работали сейчас, впервые выпускались на русском языке.

Ещё через месяц появился срочный заказ, на этот раз именно по детской литературе. Они выпускали учебники для начальных классов, состоявшие все сплошь из картинок и графиков. Лена сразу же занялась новым проектом, а Таня осталась доделывать Шая Агнона.

Ближе к праздникам зазвонил телефон, и Таня с удивлением обнаружила, что ей звонит Яша.

– Привет, как дела? – услышала она его энергичный голос.

– Привет. Все хорошо, спасибо. Как ты? – отвечала Таня.

– Тоже в порядке. Собираюсь вот уезжать.

Таня вспомнила, что Яша должен был начинать постдокторантуру в Канаде.

– Хотел пригласить тебя в гости попрощаться. Ты придёшь?

– С удовольствием, а когда?

– Да уже в эту пятницу.

Таня сообразила, что сегодня был вторник.

– Хорошо. Я приду.

– Это в Беэр-Шеве, у мамы, – предупредил Яша. – Давай, я тебя подвезу.

– Конечно, спасибо, – согласилась Таня.

И вот в пятницу с утра они поехали к Лилии. На дворе стоял сентябрь. Дни становились короче, ночи прохладнее. Таня любила местную осень. Она напоминала ей осень в Ташкенте, так как была такой же тёплой и переменчивой. Днём ещё бывало жарко, температура могла подняться до тридцати градусов, а ночью дул прохладный ветерок, было уже около двадцати.

У Лилии собралась довольно большая компания. Здесь были Яшины друзья, коллеги, знакомые. Они все весело переговаривались друг с другом, помогали Лилии накрывать на стол и постоянно ловили Яшу, чтобы поинтересоваться, что ещё он берёт с собой.

Лилия очень обрадовалась Тане. Она даже позвала её в отдельную комнату, шепнув, что им нужно поговорить. Таня послушно пошла за ней, удивляясь, о чём таком они должны разговаривать под таким большим секретом.

Лилия плотно закрыла дверь в комнату Яши, где в углу стояла гитара, а на кровати лежали вещи, которые должны были скоро перебраться в открытый чемодан, стоявший тут же. Она решительно уселась на стул, усадила Таню на другой, и громко зашептала:

– Танечка, ты же знаешь, что Яша – мой единственный сын.

Таня кивнула. Её заинтриговало такое вступление.

– Так вот, ты такая хорошая девушка! – запричитала Лилия громким шёпотом, наклоняясь к Тане и кладя руку ей на плечо. – Ты должна была заметить, что очень ему нравишься.

Таня слушала её, не веря своим ушам. Потом она всё-таки заговорила, считая своим долгом внести ясность в сложившуюся ситуацию:

– Лилия, мы встречались всего два раза! К тому же, разница в возрасте...

Лилия решительно подняла ладонь, призывая Таню остановиться, и та растерянно замолчала.

– Ну, какая разница в возрасте? Сколько тебе? Уже двадцать шесть? А Яше только-только сорок один.

Таня растерялась ещё больше. Похоже, ни один из аргументов не произвёл на Лилию впечатления. Таня и раньше слышала истории про еврейских мамаш, смеялась над анекдотами про них, но никогда и представить себе не могла, что встретится лицом к лицу с одним из таких персонажей.

В этот момент в дверь громко постучали, и на пороге появился Яша. Он обвёл взглядом их обеих – Таню, так и оставшуюся сидеть в изумлении, и Лилию, поспешно вскочившую со своего места.

– Пойду на кухню, – сообщила Лилия с достоинством и проплыла мимо Яши.

Яша в свою очередь, опустился на освободившийся стул.

– О чём вы разговаривали? – напрямик спросил он, явно догадавшись, что речь шла о нём.

– Да так, – пожалала плечами Таня, не зная, что и сказать.

– Не слушай её, – посоветовал Яша. – Пойдём лучше к остальным.

Остаток дня прошёл очень весело. Гости по очереди пели, играли на гитаре, шутили и рассказывали интересные истории про Яшу. Если не считать неожиданного странного разговора с Лилией, Таня не пожалела, что пришла.

На следующий день на работе произошло событие, которое заставило Таню всерьёз задуматься над тем, в правильное ли место она попала.

Утром всё было, как обычно, только Лена, приходившая рано утром почти одновременно с Песей, отсутствовала долгое время. Сумка её стояла в углу на столе, в привычном месте, компьютер был включён.

Мор выглянула из своего кубика и спросила:

– Лена ещё не вернулась?

– Нет, – помедлив ответила Таня, – а куда она пошла?

– К Рите. Она там с самого утра зависла. Они всё переводчика никак найти не могут, а проект не движется.

– Неужели так мало переводчиков с английского на русский? – удивилась Таня.

– Не все соглашаются на такую зарплату и на временные условия, – ответила Мор.

Скоро вернулась сияющая Лена, а с ней – Ронни и Рита. Ронни сделал объявление:

– В связи с тем, что в отдел переводов нужен сотрудник, Лена временно будет исполнять обязанности переводчика с английского на русский язык. Таня, ты теперь будешь работать под началом Мор.

Мор, меланхолично стоявшая возле своего угла, перевела взгляд на Таню и кивнула ей. Рита обняла Лену за плечи и потянула за собой. Она даже не взглянула на Таню, как будто бы та не приходила к ней совсем недавно и не предлагала свою кандидатуру. Ронни отошел к Песе, спросившей его что-то своё.

Все разошлись и вернулись к работе. Только Таня осталась сидеть неподвижно, мучительно соображая, что же пошло не так. Ведь нет сомнения, что Рите нужен был ещё один переводчик, только Танину кандидатуру она отклонила, а Лену с удовольствием приняла. Ну что ж, они ведь близко знакомы, даже домой вместе ходят. Личные знакомства решают всё.

По четвергам в конце недели устраивались собрания. Каждую неделю – по отделам, и раз в месяц-два – общие. Обычно в такой день все расходились пораньше, и тогда Таня встречала на автобусной остановке Лиора. Он оказался очень начитанным и интеллигентным молодым человеком. Его родители жили в Нетании, а сам он снимал квартиру в Бат-Яме.

От Лиора Таня узнала много нового. Он обстоятельно рассказывал ей о политической обстановке в стране, проблемах безопасности и обо всём другом, что живо обсуждалось в газетах на сегодняшний день. Таня никогда не читала газет, они казались ей скучными и субъективными. Но Лиор умел отстраниться от личного мнения репортёра и обсудить проблему с разных сторон, объясняя Тане, кому выгоден тот или иной подход. Он очень интересно рассказывал, и Таня не замечала, как доезжала до своей остановки.

Ещё одна традиция бытовала в издательстве – совместные обеды. Эти обеды разогревались, реже готовились на общественной кухне, а потом сотрудники со своими тарелками и прочей посудой отправлялись в столовую. Там стоя-

ло несколько столов, стулья и нещадно работал кондиционер. Уже давно похолодало на улице, но теплее в помещении не стало. Народ надевал тёплые кофты при входе в столовую.

Ави ходил к Якову попросить снизить температуру, на что получил очень странный ответ. Пожевав губами и сфокусировав мутный взгляд на посетителе, Яков сказал:

– Я не могу менять температуру каждый раз по желанию каждого сотрудника в этом офисе.

– Я не от своего имени прошу, – объяснил свою позицию Ави. – Я разговаривал с другими людьми, и все согласны с тем, что в столовой очень холодно.

– Ты понимаешь, – отвечал ему на это Яков, – кондиционер уже очень старый, плохо работает. Я могу поставить температуру или на 22 или на 28 градусов.

Ави ушел ни с чем. Никто не хотел, чтобы в столовой был парник в 28 градусов, хотя Яков явно что-то недоговаривал, потому что 22 градуса всеми ощущались как все 16.

В октябре промелькнула череда праздников – Рош а-Шана (Новый год по еврейскому календарю), Йом Кипур (он же Судный День), за ними наступил Суккот, праздник шалашей, когда в Израиле ставят белые палатки, в которых сидят семьями и принимают гостей целую неделю.

Всё это время издательство было закрыто, а в ноябре снова возобновилась работа. Мор с Таней работали над циклом детских книжек – Астрид Линдгрен, Алан Александр Милн, Туве Янсон. Хотя иллюстрации к этим произведениям давно были придуманы другими художниками, и по мотивам этих книг было снято много мультфильмов, их издательство приняло решение, что выпустит книги со своими собственными иллюстрациями. Их выдержат в стиле и технике оригинальных работ, но нарисуют совершенно новые сценки, ранее не появлявшиеся в печати. Это была очень интересная работа, и Таня с Мор пролистали много известных изданий, чтобы не повториться и выпустить в свет новые работы.

Таня так увлеклась новым проектом, что уже и думать забыла о своём несостоявшемся переходе в другой отдел. Лена к ним так и не вернулась, скоро перестали искать переводчика, и жизнь в издательстве покатила дальше по уже известному руслу.

С утра и до вечера в приёмной появлялись авторы и поставщики, и Элла всех принимала и отводила в соответствующие кабинеты. Наборщики весело стрекотали за своими клавиатурами, изредка выходя покурить на винтовую пожарную лестницу. Переводчики за столом во время обеда обсуждали свои варианты интерпретации произведений, корректоры спорили с ними по поводу приемлемости тех или иных выражений. Редакторы держались особняком. Они обедали позже других и общались очень тихо и степенно, так что никто не слышал тем их разговоров.

Но были и такие сотрудники, как Песя и Мор, которые предпочитали питаться отдельно. Рита с Ронни поначалу выходили вместе за обедом и возвращались с одинаковыми коробочками гамбургеров или суши на вынос. Потом Ронни все чаще стал выходить один, а к Рите присоединилась Лена.

К концу года произошло довольно неожиданное событие. Ронни собрал их всех в главной комнате, где обычно проходили тренинги и собрания. Оказы-

вается, их издательство было куплено более крупным печатным домом из Нью-Йорка. Теперь их проекты будут утверждаться в Штатах, и даже название изменится. Их нынешнее начальство посчитало название “Эффект а-Контекст” слишком тяжеловесным и непонятным для американского слуха. Было принято решение его укоротить, и теперь их издательство называлось просто “Контекст”.

Сотрудники встретили сдержанно такую необычную новость. Никто не знал, как реагировать. Яков, взявший слово сразу же после Ронни объяснил, что ни условия работы, ни оплаты труда не изменятся. Перемены затронут больше руководящий состав, чем подчиненных.

На этом все разошлись. А на утро их ожидала ещё одна новость. Её принесла Лена, ворвавшаяся в их отдел очень рано. Таня только пришла на работу. Она собиралась на кухню за чаем и бутербродами к завтраку.

Все повернулись, когда Лена влетела в комнату и закрыла за собой дверь. Взахлёб, поминутно прерываемая вопросами, она выпалила что-то насчет увольнения Ронни. Полусонная Мор выглянула из своего кубика и попросила повторить всё спокойно. Но Лене некогда было повторять.

– Яков скоро все сообщит официально, – внезапно переходя на приглушённый шёпот сообщила Лена и так же стремительно шмыгнула за дверь.

Сотрудники отдела оформления издательства “Контекст” застыли на своих местах. Только Песя, ни слова не понявшая из Лениной пламенной речи, пыталась выяснить суть суматохи.

Таня же решила всё-таки отправиться на кухню, но по дороге её развернул Яков и позвал всех в общий зал. Там уже поспешно собирался народ. Ронни сидел хмурый в первом ряду как-то отдельно от всех остальных. Он уже не шутил и на вопросы отвечал кратко и отстранённо.

Яков дождался, пока все соберутся и рассядутся в зале, а потом, поминутно вертя худой шеей и обводя аудиторию мутными серыми глазами, сообщил то, что уже всем было известно – Ронни увольняли, на его место должны были приехать два сотрудника из Нью-Йорка, но они не будут находится в их издательстве круглый год, а будут руководить штатом на расстоянии, изредка наезжая в Тель-Авив по необходимости. Яков заметно волновался, хотя что могло бы угрожать ему лично в такой ситуации, ведь все понимали, что ему давно пора было на пенсию.

Собрание было довольно кратким, пока нечего было сообщать. Можно было отправляться по своим рабочим местам, так как дополнительных новостей до приезда менеджеров из Нью-Йорка можно было и не ждать. Но люди не расходились. Кто-то подходил к Ронни выразить участие и попрощаться, кто-то остановился обсудить неожиданные новости с коллегами.

Таня увидела, как Рита мелькнула где-то на выходе из зала. Быстрыми шагами она удалялась по коридору в свой кубик.

– Так, ладно, у меня много работы, – услышала Таня старческий голос.

Это Песя пожала грустному Ронни руку и, прихрамывая, вышла.

Так закончился этот год на новом рабочем месте. Первого числа Таня взяла выходной. В этот раз она встречала праздник с родителями, но нет-нет и вспоминался ей прошлый год, когда она осталась в России и провела новогоднюю ночь со Славиком. Белые зайчики, приехавшие с Таней из Питера, заняли своё место на ёлке.

Высокие гости пожаловали в “Контекст” уже после новогодних праздников. Их было трое: новый владелец издательства и два менеджера. Владелец появлялся с тех пор в издательстве нечасто. А менеджеры стали приезжать практически каждые месяца два-три. Один из них даже говорил по-русски, иврита же они оба не знали. Того, кто говорил по-русски звали Майкл Кортин, а второго – Джереми Вайс. Они теперь регулярно переписывались по электронной почте с руководителями отделов.

Перемены в служебной иерархии мало затронули Таню. Она по-прежнему подчинялась напрямую Мор, а та уже контактировала с зарубежным начальством. Таким образом, Таня мало с кем соприкасалась по работе. Она уже не стремилась в отдел Риты, к тому же памятуя о том, какую реакцию у той вызвала её просьба. Издательство продолжало жить своей жизнью. А в начале февраля произошло интересное событие.

Лена влетела в их зал как всегда впопыхах, покрутила головой, оценивая обстановку, подскочила к кубику, где Мор с Таней обсуждали свою работу, и так же торопливо зашептала:

– Привет, девчонки, как дела?

Девчонки подняли головы и выжидательно смотрели на утреннюю гостью. Они уже по опыту знали, что отвечать на этот вопрос вовсе не обязательно. По её взволнованному лицу они видели, что Лена явно хотела сообщить что-то интересное.

– Короче, – продолжала она, – наши два орла конкурс объявили на перевод стихов.

Двумя орлами Лена законспирировано называла новых американских менеджеров. Весь январь эти джентльмены занимались тренингом сотрудников отделов продаж и связи с общественностью. А теперь, видимо, обратили взоры в сторону Риты и её подчинённых. Оказывается, они взяли пробный проект на перевод поэзии – что-то, чем их издательство никогда раньше не занималось.

– И что за конкурс? – поинтересовалась Таня.

– Нужно перевести два коротеньких стишка с английского на русский, – трагическим голосом сообщила Лена. – Готовый перевод нужно выслать Кортину до конца рабочего дня. И я чувствую, что не справлюсь.

– Ну, удачи тебе, – пожелала Мор.

Она не представляла, зачем Лена им всё это сообщает.

Но Лена не уходила. Она села на краешек стола Мор и остановила молящий взгляд на Тане:

– Я подумала, может, ты мне поможешь?

– Я? – удивилась Таня.

– Ну, да, ты же говорила, что умеешь переводить.

Дело приобретало интересный оборот. Лена вытащила из кармана юбки сложенный вчетверо листок бумаги и раскрыла его. Мор с Таней вытянули шеи. На листке было напечатано разосланное Ритой сообщение по электронной почте, а в нём – два стихотворения на английском языке.

– Короче, – опять затараторила Лена громким шёпотом, – я это оставлю тебе.

В ту же секунду она быстро встала со стола и убежала.

Таня прочитала первое стихотворение. Оно и в самом деле было коротень-

ким – всего четыре строчки:

Many critics, no defenders,

Translators have but two regrets:

When we hit, no one remembers,

When we miss, no one forgets.

Таня оторвалась от листка и посмотрела на Мор.

– Ты хочешь перевести это вместо Лены? – поинтересовалась та.

– Я не знаю, – пожала плечами Таня.

Внутри у неё происходила борьба, и одна навязчивая идея требовала внимательного обдумывания.

– Лена рассказывала мне, что ты просилась в Ритин отдел, а она тебя не взяла, – неожиданно отвлекла её от этих мыслей Мор.

– Ну, да, – Таня отвела взгляд.

Она не знала, что так много людей вокруг знают эту историю. Мор тем временем продолжала:

– Мне кажется, если ты до сих пор хочешь заниматься переводами, ты должна сама участвовать в конкурсе.

– Ты так думаешь?

Таня вдруг почувствовала сильную усталость. Она вспомнила тот день, когда Рита смотрела на неё холодным острым взглядом. Мор наклонилась к ней ближе и, внимательно глядя на неё из-за больших очков, тихо сказала:

– Лена держится в отделе Риты только за счёт её помощи. А теперь она вообще боится, что новое начальство разберётся в том, что она не сильна в переводах, и уволит её. Мы с Ритой тоже раньше дружили. Только у нас с ней разные представления о дружбе.

Таня удивилась. До этого Мор никогда не была с ней так откровенна. Она предпочитала держаться особняком и, казалось, ничего её не интересовало.

– Я думаю, что попробую ещё раз, – наконец сказала Таня, тронутая участием своей коллеги.

– Конечно, а это мы потом обсудим, – Мор кивнула на открытый в компьютере документ.

Таня решительно встала и прошла на свое место. Она открыла новый текстовый документ, с которыми практически не работала здесь, в издательстве, и задумалась.

У них в университете была очень хорошая учительница по художественному переводу. До преподавания в университете она работала синхронным переводчиком в ООН. У Тани были неплохие переводы, в том числе и стихов. Что она хорошенько уяснила ещё тогда, на курсе, было то, что объёмы оригинального текста и переведённого редко когда совпадали. С поэзией же было и того сложнее – иногда приходилось менять размер строфы.

Таня вздохнула и принялась за дело. Скоро в новом текстовом документе были напечатаны следующие строки:

Нет у него ни друзей, ни защитников.

И успехов никто не запомнит в труде.

Но от взгляда толпы не укроется критиков,

Если вдруг он оступится где.

– Ну, что? – раздался вдруг совсем рядом, над ухом чей-то свистящий шёпот.

Таня вздрогнула от неожиданности. Это была Лена. Низко наклоняясь над Таниной головой, и откидывая со лба светлые волосы, она закрыла собой всё поле зрения.

– О, я вижу, есть успехи! – бесцеремонно заглядывая в Танин монитор, обрадовалась Лена. – Молодец!

– Да, я перевела первое стихотворение, – собираясь с мыслями сказала Таня.

– Классно! Пришлешь мне его по почте? – Лена выпрямилась и собиралась уже уходить.

– Подожди, – остановила её Таня.

Лена остановилась.

– Что? Только никому не рассказывай! – тут же зашептала она и обернулась вокруг, проверяя, не слышат ли их.

– Я решила послать этот перевод от своего имени, – тихо, но твёрдо сказала Таня.

Она смотрела Лене прямо в глаза. Та замерла в удивлении и открыла рот.

– Ты что! – в ту же секунда Лена опять оказалась рядом с Таней.

Её взгляд предостерегал и гипнотизировал. Наклоняясь ещё ниже, она опять торопливо зашептала:

– Никто вообще не должен знать, что я послала тебе эти тексты! Это же внутренний конкурс, он касается только работников нашего отдела!

– Я уже всё решила, – также тихо и твёрдо ответила ей Таня.

Тогда Лена недовольно скривив рот схватила листок с заданием, кинула на Таню немой укоряющий взгляд и скрылась за дверью. Она не знала, что текст второго стиха уже был напечатан Таней во втором документе.

Незадолго до окончания рабочего дня, Таня выслала оба документа на электронную почту Кортнина.

На следующее утро в офисе царил ажиотаж. Когда Таня переступила порог офиса, то увидела стайку сотрудниц переводческого отдела, стоящих кружком вокруг Эллы. Они что-то оживлённо обсуждали и смолкли, когда Таня, расстёгивая на ходу куртку и спешно поздоровавшись со всей группой, проходила мимо.

– Таня! – окликнула её Элла.

Тане показалось, что секретарша смотрит на неё с интересом.

– Да? – Таня поняла, что тихо прошмыгнуть мимо не удастся.

– Кортнин просил зайти к нему, когда ты придёшь.

– Хорошо.

Таня почувствовала, как сильно забилося сердце. “Что-то будет!” – подумалось ей.

Мор выглянула из-за перегородки своего кубика, как только Таня вошла в зал отдела оформления.

– Таня, привет! Тебя Кортнин искал.

– Да, знаю. Я уже иду.

Таня оставила сумку и куртку и пошла к Кортнину, который теперь обитал в кабинете Ронни. Дойдя до двери в знакомый кабинет, Таня постучала.

– Войдите, – ответили ей по-английски.

Таня вошла. Майкл Кортнин был не один. Его неразлучный коллега, Джереми Вайс, сидел тут же. Они оба обернулись, когда Таня вошла.

– Доброе утро, я – Таня из отдела оформления. Вы меня вызывали, – представилась им она.

– Проходите, пожалуйста, – пригласил её Майкл.

Тане показалось, что эти двое тоже разглядывают её с интересом. Она смотрела на них во все глаза. Таня никогда ещё так близко с ними не общалась, только на официальных собраниях в числе остальных сотрудников издательства.

Она села на свободный стул возле стола Майкла. На другом таком же стуле сидел Джереми.

– Видите ли, Таня, – начал Майкл, – мы проводим конкурс на лучший перевод стихов среди наших сотрудников. Мы думали, что участвовать будут только сотрудники отдела переводчиков. Но вчера я получил Ваш текст.

Он помолчал и выжидательно взглянул на Джереми. Тот, как будто дождавшись своей очереди, заговорил:

– Мы не будем спрашивать у Вас, как к Вам попали тексты конкурсных стихов, хотя у нас уже был неприятный инцидент с утечкой информации. Но это вина руководства, а не Ваша. Мы хотели спросить Вас о другом.

Он замолчал и внимательно посмотрел на Таню.

– Да, пожалуйста, – ответила та.

– Скажите, Вы сами переводили эти стихи?

– Да, сама.

– Видите ли, мы сегодня соберём всех сотрудников и прочитаем лучший вариант перевода. Мы считаем, что это Ваш перевод.

Таня улыбнулась. Тогда оба американских менеджера тоже заулыбались, и Майкл спросил:

– Скажите, пожалуйста, Вы готовы работать над новым пробным проектом переводов? Тогда Вам придётся перейти в другой отдел.

Тане показалось, что её захлестнула горячая волна безграничного счастья. Вот уже много месяцев она мечтала попасть в отдел переводов. Наконец-то эта мечта сбудется!

– Я с радостью приму участие в этом проекте, – сказала Таня и сама услышала, как по-новому, радостно прозвенел её голос.

– Отлично, тогда мы договорились! – вставая со своего места, сказал Джереми.

Они оба пожали ей руку, и Майкл добавил:

– Общее собрание состоится сегодня после обеда. Вы получите приглашение по почте.

Таня поблагодарила их и вышла. С новым чувством удовлетворения и радости она шагнула за порог кабинета Майкла. Она дошла до своего места и подумала о том, что всё не зря, и жизнь её меняется в лучшую сторону.

Она едва дождалась двух часов пополудни, когда пришло письмо с приглашением на собрание по электронной почте. Оно было разослано всем сотрудникам. Мор сразу же высунула голову из-за своего кубика. Она увидела Танино выражение лица, и, кажется, Таня в первый раз за всё время своего пребывания в отделе иллюстрации увидела, как Мор улыбается.

– Тебя можно поздравить? – спросила она.

– Кажется, да, – ответила Таня.

– Ну, что ж, тогда я думаю, пора собираться.

Они пошли в зал для общих собраний, где уже сидело довольно много народа. Лена с Ритой сидели в самом первом ряду. Они синхронно повернули головы в Танину сторону, также синхронно отвернулись, увидев её и принялись шептаться. Но Таню это мало интересовало. Она смотрела, как все рассаживаются, как последними входят Майкл, Джереми и Яков и проходят вперед.

Яков выступил первым, как обычно. Он сказал, что в их организации ожидается реорганизация. Люси обрадованно захлопала шутке своего непосредственного начальника. Майкл улыбнулся в усы.

Они с Джереми следующими вышли и встали перед всеми.

– Здравствуйте, дорогие друзья, – начал Джереми, – как вы уже все знаете, наше издательство берётся за крупный проект перевода поэзии. Мы проводили конкурс среди наших сотрудников, чтобы определить, кто будет участвовать в проекте. Довольно неожиданным образом было обнаружено, что не все сотрудники, которые обладают талантом перевода, работают в соответствующем отделе. Так, например, победителем вышла Таня из отдела оформления. Таня, прошу Вас встать.

С громко бьющимся сердцем Таня поднялась и увидела, как все головы повернулись в её сторону. Она благодарно кивнула и села.

– А теперь, – продолжал Джереми, – позвольте зачитать вариант перевода победительницы нашего конкурса. Для тех из наших сотрудников, кто не участвовал в нашем соревновании и не знаком с текстом стихов, я, с вашего разрешения, прочту оригинал.

Он достал из кармана брюк белый листок бумаги и начал читать:

Reason

For every burden that we bear,

For every sorrow, every care,

There is a reason.

For every grief that bows the head,

For every tear-drop that is shed,

There is a reason.

For every hurt, for every plight,

For every lonely pain racked night,

There is a reason.

But if we trust God as we should

All must work out for our good.

He knows the reason.

Затем в полном молчании, Джереми оглядел аудиторию и продолжил:

– А теперь мой коллега Майкл прочтёт вариант перевода на русский, победивший в нашем соревновании.

Майкл встал рядом с Джереми и тоже достал из кармана листок бумаги. Скользя взглядом по поверхности листа, он прочёл строчки, которые Таня написала накануне:

Причина

На каждый наш крест, что по жизни несём,

Тепло и заботу, в пути что найдём –
На всё есть причина.
На радость и горе,
На слёзы и ссоры –
На всё есть причина.
И раны, и бедствия – всё нам не зря.
Не зря одиноким застанет заря,
На всё есть причина.
Но если Всевышнему вверишь судьбу
И примешь, как должное, долю свою,
Увидишь, как путь тебя к счастью ведёт.
Хоть мучит, но учит и позже спасёт.
Ведь Он знает причину.

Неожиданно послышались аплодисменты. Невысокий смуглый парень из отдела переводчиков, сидевший где-то впереди, привстал со своего места и с сильным французским акцентом громко сказал на иврите:

– Даже я, не зная русского языка, слышу, что рифма очень удалась.

Люди в зале заулыбались и повернулись в Танину сторону. Послышались слова одобрения. Тане стало неловко. Затем Майкл и Джереми также зачитали варианты на второе и третье место. Они объявили, что в проекте будут участвовать трое, и Таня в их числе.

Затем со своего места встала Рита и тоже вышла вперёд. На пару с Джереми она зачитала переводы на иврит и французский, но Таня уже ничего не слышала. Она так долго мечтала об этом дне, а сегодня её мечта сбывалась у неё на глазах.

В этот же день она переехала в отдел Риты. Он оказался довольно большим. В нём одновременно работало около пятнадцати человек. Как потом выяснилось, были ещё сотрудники, которые работали из дома. Фрилансерами также были несколько редакторов и корректоров.

Высокий худой парень из отдела технического обслуживания пришёл налаживать Танин компьютер. Таня же, получив передышку, познакомилась ещё с двумя сотрудницами, с которыми должна была работать над новым проектом. Девушка в джинсах и свитере, с тёмными волнистыми волосами, собранными в высокий хвостик на затылке, представившаяся Дианой, позвала Таню к себе в кубик. Там сидела ещё одна девушка, тоже брюнетка. Присмотревшись, Таня разглядела у неё на голове парик. Девушка была соблюдающей религиозные традиции, о чём свидетельствовала её одежда – юбка, прикрывающая колени, и блузка с длинным рукавом.

– Привет, я – Дина, будем знакомы, – сказала девушка в юбке.

Так Таня познакомилась с обеими коллегами, отношения с которыми со временем переросли в крепкую дружбу. Как будто по заказу, они были примерно одного возраста, имели гуманитарное образование, а самое главное – испытывали большой интерес к своей работе, друг другу и со временем стали практически неразлучны.

Их проект продвигался довольно споро. В тот год их издательство решило выпустить целую серию стихов иностранных авторов. Задумка была в том, чтобы не переиздавать существующие переводы с имеющимися иллюстраци-

ями, а перевести и проиллюстрировать всё своими силами. Поэзия переводилась не только на русский, но и на иврит, английский, французский и арабский. Это был довольно крупный проект, и работа во всех отделах закипела.

Очень скоро Таня поняла, какие ступени иерархии образовались в издательстве “Контекст”. Их американские менеджеры продолжали наезжать раз месяц в Тель-Авив. Работу на местах ежедневно курировали главы отделов: Мор вела отдел оформления, Рита главенствовала над отделом переводов, существовал ещё отдел продаж во главе с Данни, отдел службы по связям с общественностью, технический отдел Алекса и другие сотрудники, присутствующие в издательстве в единственном числе и не относящиеся к какому-либо отделу.

Что касается переводчиков, то Рита очень скоро нашла себе заместителя, и никто не удивился, когда эту должность заняла Лена. Народ перешёптывался и обсуждал это решение. Ведь были сотрудники, которые проработали в отделе дольше, и знание языков у них было намного лучше. Но Рита, предвидя вопросы, объявила, что главными качествами, которыми должен обладать её заместитель, были ассертивность и умение брать на себя ответственность. Этими качествами с лихвой обладала Лена.

Она понимала свои обязанности очень своеобразно, и к каждому сотруднику у неё было свое отношение.

С Дианой и Таней Лена соблюдала нейтралитет. Дину же она откровенно невлюбила. Скорее всего, поводом для этого послужил Динин язычок. Именно Дина громче других удивлялась Лениному скорейшему продвижению по службе. Дина уже работала с Леной над другими проектами и была лучше, чем кто-либо осведомлена о компетентности Лены, как переводчика.

Риту Лена боготворила. То и дело слышалось “Рита сказала...”, “я спрошу у Риты”. Когда они собирались тесным кружком обсудить проделанную за неделю работу, связанные с этим вопросы и предложения, Лена всегда приносила два стула – для себя и Риты. Она садилась бок о бок с начальницей и, казалось, отслеживала её реакцию на слова и поведение других сотрудников. И действовала в зависимости от того, одобряла ли Рита чьё-то предложение или отклоняла его. И даже слабое знание иврита не мешало Лене чувствовать себя среди сослуживцев, как рыба в воде.

Но не обходилось и без промахов. Как-то раз Лена пришла к ним, чтобы рассказать о нововведениях. Отныне им нужно будет посылать Лене в конце дня отчеты о проделанной работе. А также не обращаться с каждым вопросом напрямую к Рите, а сначала обсуждать любые непонятные моменты с Леной. Таня, Диана и Дина переглянулись. Такая ступенчатость иерархической лестницы грозила усложнениями и распространенной проблемой, известной в народе как “испорченный телефон”. Но спорить было как-то не с руки, уж очень уверенно объявляла об этих новшествах Лена. Она не приглашал к обсуждению, и не собиралась выслушивать отзывы. Она констатировала факт.

Буквально через месяц, когда Лена заболела, Таня отправилась к Рите, чтобы спросить, кому же теперь отправлять ежедневный отчет, может, самой Рите. Последующий диалог многое объяснил в поведении Лены за последнее время.

Сведя брови к переносице, как каждый раз, когда она слышала что-то неожиданное, заставляющее её останавливаться и недоумевать, Рита спроси-

ла:

– Какой отчёт?

– Тот самый, который мы все трое посылаем Лене в конце дня, – удивилась в свою очередь Таня.

– А кто вам сказал его посылать? – продолжала допытываться Рита тоном человека, разговаривающего с малым ребёнком.

– Лена и сказала.

– А-а-а-а. Ну, можете мне прислать.

Таня поняла по Ритиному лицу, что та не заинтересована продолжать разговор, но ей всё-таки нужно было выяснить до конца свои дальнейшие действия.

– Так теперь всё время, пока Лены не будет, присылать отчёты тебе? – уточнила Таня.

Рита, видимо, раздражаясь от такой настойчивости, быстро потрянула головой, как будто прогоняя назойливую муху, и также быстро произнесла:

– Нет, ты знаешь, вы можете не посылать никаких отчётов. Понимаешь, каждый сотрудник на руководящем посту по-своему рассматривает свои обязанности. Насколько мне известно, указание посылать такие отчёты никогда не поступало.

Видимо, Рита уже представила себе объём сыплющихся в её почту отчётов в конце каждого дня.

Таня ушла от начальницы с чётким ощущением, что Лена просто придумала это задание для них, чтобы почувствовать собственную важность. Она поделилась этим соображением с Дианой и Диной, и вместе они пришли к выводу, что, скорее всего, Таня права.

Во время совещаний Таня, Диана и Дина садились вместе. Иногда Тане казалось, что переводчики составляют какой-то единый фронт, которому приходится защищать свою точку зрения и держаться заранее выбранной линии поведения. Бывало так, что чувствовалось, если фраза будет сказана недостаточно уверенным голосом, то ей не поверят или не примут всерьёз. Реплики во время обсуждений лучше было подавать убеждающим тоном, твердо смотреть в глаза собеседнику и не “юлить”, как это называла Рита. Этому всему сотрудники отдела переводов учились на собственном опыте.

Время от времени Тане казалось, что в определённые дни Рита просто была настроена на то, чтобы спорить и доказывать, что чей-то перевод никуда не годится, и нужно всё переделывать заново.

Особенно часто от вспышек недовольства начальницы страдали переводчики французского. Наверно, потому что не до конца уяснили себе девиз этого отдела, который гласил: “Начальник всегда прав”.

Сосредоточенно сдвинув на переносице чёрные брови на смуглом лице и глядя Рите прямо в глаза, Галит, тщательно подбирая слова на иврите и переглядываясь со своими коллегами, очень часто была вынуждена защищать свою версию перевода. В такие минуты, обе с насупленными бровями, они казались зеркальным отражением друг друга.

Казалось, было бы логично то, что глава отдела должен знать большинство языков перевода, чтобы определить качество работы. Рита действительно знала французский, но очень слабо, и ничего, казалось, не могло убедить её в обратном, если она утверждала, что “строчка не звучит”.

Редактор французского языка, он же редактор арабского и иврита, Моше, который, в отличие от Риты, в большинстве случаев был согласен с переводчиками французского, появлялся в таких случаях на их собраниях и авторитетно заявлял, что он пропускает тот или иной перевод, ему он “звучит”. Он оглядывался на роптавших переводчиков французского, и бросал пару ободряющих фраз на их родном языке, подтверждая своё мнение. Моше был выходцем из Марокко, и знал в совершенстве три языка.

Галит, обретя необходимую поддержку в лице редактора, обращала возмущённый взгляд на Риту, но та была непоколебима. Она открывала словарь и потрясала найденной страницей, где было написано, какие нюансы имеют то или иное слово или фраза. И если то самое значение, использованное переводчиками французского, в словаре отсутствовало, то перевод приходилось переделывать.

Таня с Дианой, которые тоже знали французский и могли следить за этими перепалками, были молчаливо солидарны с Галит и её коллегами. Но однажды настал такой момент, когда они тоже оказались на баррикадах и были вынуждены защищаться.

Их троица была занята переводом стихов Матушки Гусыни с французского и английского языков. Сказки известного сборника не входили в их проект.

В числе остальных, Тане выпало переводить знаменитые строчки стихотворения “Remedy”:

For every evil under the sun
There is a remedy or there is none.
If there is one, try and find it.
If there is none, never mind it.

Таня уже интересовалась переводами своих предшественников. В различных источниках само слово “remedy” было переведено как “лекарство”, “излечение”, “решение” и “спасение”. Но Таня продолжала крутить в голове оригинальные строчки, и слово “evil” – “зло” в данном контексте не давало ей покоя. Её ум искал чего-то более подходящего концепции зла, чем лекарство или спасение.

Наконец, она напредила самой себе, что занимается литературным переводом, и, следовательно, придерживаясь основной смысловой линии, может позволить себе проявить творчество. Так родились следующие строки:

В чертогах светлых Немезиды
Зло наказание найдёт.
Хоть иногда, как ни проси ты,
Она на помощь не идёт.
Найти попробуй наказанье
Поступку злему или же
Не мучай сердце ожиданьем
И не ищи его уже.

Когда Таня показала перевод Диане и Дине, те на мгновение умолкли. Они уже знали, что Таня потратила много времени на поиски рифм и размер стиха, но результат всё равно был неожиданным и, конечно же, спорным.

– А ты уверена, что “remedy” можно перевести, как наказание? – осторожно спросила Дина.

Она сидела, сложив руки на чёрной узкой юбке, традиционно прикрываю-

щей колени.

– Ну, не совсем, – неопределённо протянула Таня.

Теперь она повернулась к Диане и ждала ответа от неё. Та продолжала вчитываться в строчки на Танином экране и молчала.

– Ты понимаешь, что Рита это не пропустит? – наконец спросила она.

Теперь она смотрела Тане прямо в глаза. Её взгляд был твёрдым и серьёзным.

– Да, понимаю, – вздохнула Таня, – и именно поэтому и спрашиваю вас.

Она знала, что Ритино определение художественного перевода практически исключало творчество. Рита была фанатом построчного перевода с минимальными отступлениями от оригинала, даже если это шло вразрез с проявлением индивидуальности переводчика. “Машинный перевод”, как однажды в пылу спора назвала это Галит. Рита тогда нисколько не смутилась такому сравнению. Наоборот, она, казалось, была согласна с таким определением и не находила в нём ничего предосудительного. Была бы её воля, она, скорее всего, ограничилась бы подстрочником, поступившись поэзией с её нюансами и многозначностью.

Диана неуверенно пожала плечами. Таня снова вздохнула. Их краткая дискуссия не привела ни к какому результату. Они разошлись по своим местам. В конце дня Таня помедлила, но затем всё же послала спорный перевод Рите. Авось, пронесёт!

Не пронесло. До общего собрания в четверг было ещё два дня, но на следующее же утро Лена забежала к ним и попросила всё переделать. Ей некогда было слушать Танины контраргументы. Лена торопилась. Шла вторая неделя апреля. Надвигались праздники. Песах длился целую неделю, в течение которой их издательство будет закрыто, поэтому многое нужно успеть сделать, чтобы начальство в Нью-Йорке не требовало ледяным канцелярским языком быть внимательнее к качеству перевода.

Нью-йоркское начальство никогда не выходило из себя и не опускалось до гневных выговоров, заканчивающихся улыбками и дружескими похлопываниями по плечу, как было принято раньше. Вместо этого, послания, обнаруживаемые рано утром в электронной почте, были суше, конкретнее и официальнее.

Иногда Рита оставалась в офисе позже остальных – ждала звонка от начальства, которое только-только появлялось в это время на работе и посылало свои указания уже после того, как сотрудники тель-авивского филиала покидали свои рабочие места.

Но в этот день все офисные баталии отошли для Тани на второй план. Дело в том, что накануне вечером объявился Славик. Он давно не давал о себе знать, был занят, как он сам объяснял, “расширением дела на восток”. Их фирма открыла филиал в Казахстане, куда Славик даже летал на неделю, чтобы “налаживать производство”, как из-за его плеча сообщал дядя Саша, когда Славик, наконец, вернулся, и они обеими семьями собрались у экранов компьютеров разговаривать. Повод был уважительный – тридцатилетний юбилей свадьбы Мариных.

Родители Тани послали по такому случаю им посылку, а Антоша, увлечённый общим настроением, даже достал скрипку и сыграл в прямом эфире марш Мендельсона.

Уже после, когда все разошлись, и Таня со Славиком остались одни, если это можно было так назвать, они обсудили самую главную новость. В Тель-Авиве открывался какой-то очередной съезд рекламщиков, и Славик с коллегами должен был там представлять свою организацию. Это было невероятно! Так далеко географически их фирма ещё не забиралась. Это был прорыв, которым Славик очень гордился лично.

Таня внимательно кивала и понимала, что он очень волнуется от возложенной на него ответственности.

– И на сколько ты приедешь? – поинтересовалась она, когда он выжидающе замолчал и хлебнул из стоящей рядом кружки, одним глазом всё равно косясь на неё.

– Дней на десять. Здорово, да?

– Да, конечно!

– Мы сможем погулять! Надеюсь, что сможем, там такая программа плотная, я уже смотрел.

– Ты ведь ни разу не был у нас в гостях, – подала голос Таня.

Ей ещё не верилось, что он сможет вот так сесть на самолет и прилететь. Между Израилем и Россией не было безвизового режима, хотя этот вопрос уже обсуждался.

В тот вечер они долго болтали. Новость не отпускала их обоих. Казалось бы, уже больше года они не встречались и уже не рассчитывали на продолжение, а тут сама судьба преподносит такой сюрприз!

Вот почему на следующее утро по пришествии на работу, Таня довольно равнодушно отреагировала на Ленино замечание, которое в другое время заставило бы её отстаивать своё мнение. Тане не хотелось споров и войны. В её душе воцарился нерушимый мир, и всё вокруг улыбалось.

По дороге с работы уже не было темно, всюду цвели жакаранды и акации. Воздух был наполнен весной, теплом и надеждами. В этом воздухе не было места пререканиям с начальством. Поэтому, пожав плечами, Таня просто переписала прежний перевод:

В чертогах светлых Немезиды

Любой спасение найдёт.

Хоть иногда, как ни проси ты,

Она на помощь не идёт.

Найти попробуй то спасенье

От духа злого или же

Не мучай сердце сожаленьем

И не ищи его уже.

Диана с Диной довольно закивали. Никому не хотелось участвовать в изнурительных дискуссиях с Ритой, которые, к тому же, были просто бесполезны.

Но к их удивлению, этим дело не обошлось. Таня послала обновлённый вариант с утра, чтобы не ждать конца дня. Но это не спасло её от последующего обсуждения этого варианта. Лена прибежала примерно часа через полтора:

– Идём, тебя Рита зовет.

Диана и Дина как по команде выглянули из-за своих мониторов. Диана вопросительно подняла бровь. Таня в ответ лишь пожала плечами.

Рита ждала их с Леной в своем кубике.

– Таня, садись.

Кажется, разговор обещал быть долгим. Обычно у Риты никто долго не задерживался. Она ценила оперативность и чёткость работы. Таня присела на краешек стула. На следующий основательно уселась Лена, положив ногу на ногу и скрестив руки с распечатанными листами на коленях. Краем глаза Таня успела увидеть, что это – оба варианта её перевода.

Рита понеслась сразу же с места в карьер. Чётким, звенящим голосом, в котором явственно слышалось нетерпение от вынужденной необходимости заниматься воспитанием нерадивой сотрудницы, она выпалила:

– Таня, мы уже так долго обсуждаем стандарты нашей работы. Ты присутствуешь на заседаниях, проводимых по четвергам. Почему же я должна вызывать тебя отдельно и тратить время на дополнительные разговоры?

Вопрос был задан, но Таня не знала, что ответить. Когда же она, наконец, собралась с духом, и, набрав в грудь побольше воздуха, была готова извиниться за вызванные неудобства и объяснить, что вовсе и не собиралась нарушать стандарты чего бы то ни было, то Рита, не дождавшись ответа, вперив в собеседницу колкий взгляд, продолжала:

– Никого не интересует, какие именно художественные обороты ты будешь использовать в своих переводах. Всё, что от тебя требуется – это правильно, – тут она повысила голос, – перевести каждое слово. Это понятно?

Таня собиралась выдохнуть и сообщить, что понимает, о чём вещает начальница. Но, похоже, последний вопрос, как и предыдущий, был риторическим.

Тане осталось только кивнуть. Тогда Рита тоже удовлетворённо кивнула и сказала:

– Ты можешь идти работать.

На этом её монолог был закончен.

Таня вернулась к себе и первым делом проверила телефон. Она боялась пропустить сообщение от Славика, в котором он должен был назвать дату и время прилёта. Нет, ничего не было.

Дина с Дианой выглянули из-за Дианиного компьютера, где обе что-то увлечённо обсуждали.

– Ну, что? – первой не выдержала Дина, удивляясь, что Таня молчит и не посвящает их в детали только что состоявшегося разговора.

– Да ничего, – махнула рукой Таня. – Всё то же. Я перепишу, мне не трудно.

– А что она сказала? – спросила в свою очередь Диана, ожидавшая оживлённого рассказа, а не этой апатичной реплики.

– А что она может сказать? Всё то же самое.

Дина с Дианой переглянулись.

– А ты что сказала? – поинтересовалась Дина.

– Ничего, – пожала плечами Таня в ответ.

– Ты так это оставишь? – уточнила Дина. – Не будешь защищаться?

– А что мне делать? К адвокату идти?

– Дождаться четверга и поднять этот вопрос на собрании, – твёрдо сказала Дина.

Она явно пребывала в боевом настроении.

– Да ну их, – снова отмахнулась Таня.

Она села за компьютер и открыла новый текстовый документ. Очень быстро в нём появились такие строчки:

Лекарство от зла существует под солнцем

Попробуй найти в спасенье оконце.

Но если не можешь спасенье найти,

Забудь его вовсе и искать прекрати.

Затем документ был выслан по почте Рите и напрочь забыт Таней.

День тянулся медленно, они втроём ходили за мороженым в ларёк по соседству. Дина, пропагандирующая здоровый образ жизни, посадила их на замороженный йогурт, который был гораздо полезнее замороженных сливок с добавлением неизвестно чего, как она описала мороженое.

На следующий день вечером, как только Таня встала из-за стола после ужина, у неё зазвонил телефон. Какой-то заграничный номер. Может, Славик звонит с работы?

– Да? – ответила Таня.

– Таня, привет! – заговорил знакомый глубокий голос. – Это Вероника тебя беспокоит.

– Вероника, привет! – обрадовалась Таня. – Как дела?

Она вспомнила невозмутимую светловолосую секретаршу Микрюкова.

– Хорошо, – отвечала та, и Таня по голосу поняла, что Вероника улыбается. – Вот, хотела передать тебе приглашение на свадьбу. Ты ещё получишь его по почте.

– Ты выходишь замуж? – удивилась Таня.

Вероника засмеялась.

– Да нет, мы поженились, но без церемоний. Теперь вот пополнения ждём.

Таня представила, как лучатся спокойным светом серые глаза её собеседницы.

– Я так рада за вас! Поздравляю! – обрадовалась ещё больше Таня.

– Спасибо. Твои поздравления понадобятся скоро и Николаю Алексеевичу. Он у нас женится.

– Да? – удивилась Таня. – А я её знаю?

– Конечно, – как всегда спокойно, отвечала Вероника. – Это Маша.

– Какая Маша? – не поняла Таня.

– Наш главный дизайнер, – пояснила Вероника.

И только тут Таня поняла, о чем идет речь. Микрюков женился на той самой Маше, которая встречалась со Славиком! Это было слишком неожиданно. Потом Таня вспомнила, как в день открытия “Виноградной лозы” они вместе шли по залу, когда она стала искать Николая, чтобы попрощаться с ним. Ну что ж, похоже, Маша времени даром не теряла и сделала блестящую партию. И, значит, она всё-таки отказалась от идеи вернуть себе Славика.

– Ну как, ты будешь на свадьбе? – поинтересовалась тем временем Вероника. – Я составляю список гостей.

– А когда свадьба?

– Шестнадцатого июня. Это суббота. Николай Алексеевич распорядился заказать тебе билет за два дня до церемонии, если, конечно, тебе всё подходит.

– Да, я приеду, – ответила Таня.

Как здорово, что у неё появилась возможность снова побывать в Питере. “И встретиться со Славиком!” – сразу же шепнул ей ликующий внутренний голос.

Они договорились о том, что Вероника вышлет приглашение по электрон-

ной почте, а затем и билет.

Солнце стояло ещё высоко, когда теперь Таня выходила с работы. Дни стали намного длиннее. Повсюду на улицах лёгкий ветерок разметал лепестки жакаранды, акаций, бугенвиллеи. Они лежали по бокам улиц разноцветными охапками и придавали всему вокруг исключительно нарядный вид.

Славик позвонил через два дня к вечеру. Его самолёт прилетал через неделю.

В конце этой рабочей недели переводчики издательства “Контекст” собрались, как всегда, на свой собственный разбор полётов. Рита была напряжена до предела. Она старалась закончить большую часть работы до праздников. Её голос звенел, как натянутая струна, и никто не смел с ней спорить. Все отчитывались по последним переводам за неделю. Рита сообщила, что рада тому, что проект продвигается, и начальство одобряет их работу.

Теперь всё проходило с оглядкой на Нью-Йорк. Оба менеджера уже успели уехать, но продолжали неусыпно бдить деятельность своих подчинённых.

В конце собрания, как всегда, Рита обвела их всех глазами и бросила дежурную фразу насчёт вопросов. Все уже порывались уйти, и только Дина подняла руку.

– У меня есть вопрос, – тонким, но твёрдым голосом сказала она.

– Да, Дина, – повернулась к ней Рита.

– Мой вопрос довольно общий: насколько мы можем отступить от размера стиха и, как бы это сказать...

Никто до этого не слушал. Всем показалось, что Дина хочет спросить что-то конкретно по делу, никого другого в этой комнате не касающемуся. Но тут все замолчали и посмотрели на неё. Дина не торопясь обводила глазами потолок и остановилась взглядом на Тане. Та, пожалуй, была единственной, кто до сих пор не замечал происходящего. Она была погружена в свои собственные мысли. Едва заметная улыбка блуждала на её лице.

Славик должен был остановиться в гостинице Дэвид Интерконтиненталь, которая стояла прямо у моря на границе Тель Авива и Яффо в престижном районе Неве Цедек. Их конференция проходила именно там, в одном из залов отеля. Таня прикинула, что сразу же после работы, она поедет туда на встречу с ним.

Не найдя поддержки у Тани, Дина повернулась к Диане, которая тоже смотрела на неё вместе со всеми, и едва заметно кивнула.

–...Как бы это сказать, – продолжала Дина.

На этом Ритино терпение лопнуло:

– Дина, что именно ты хочешь сказать? – устало поинтересовалась Рита.

– Я хотела спросить, – тянула тем временем Дина, – можем ли мы отступить от размера стиха...

– Это ты уже спросила. Если это всё, то я готова ответить. Размер стиха не так важен, как его смысл. Что-то ещё?

– Да нет, это, в общем-то всё.

– Отлично. Все свободны. Всем хороших выходных.

Баррикада была сдана без боя.

Таня была одной из первых, кто вскочил со своего места и устремился к выходу. Подруги едва успели нагнать её по дороге. Тане пришлось вернуться в реальность, так как кто-то довольно чувствительно ткнул её в бок.

– Ты что, – зашипела ей в ухо Дина, – ты почему ничего не сказала?

– Когда? – удивилась Таня.

Улыбка, которая блуждала на её лице до сих пор, сменилась встревоженным выражением:

– Я что-то пропустила?

– Я же специально задала Рите вопрос, чтобы ты тоже могла присоединиться!

– А, извини, я не заметила, – Таня рассеянно кивнула подругам и побежала собираться домой, оставив их гадать, что же с ней происходит.

Неделя пролетела незаметно. Вечером следующего четверга Таня, притаившись в кабинке уборной, спешно и бесшумно переодевалась. Приехав на работу в джинсах и блузке, она меняла наряд на новое платье чудесного винного цвета.

Таня считала, что это был очень удачный вариант. Красное выглядело бы слишком ярко, а этот оттенок смотрелся очень элегантно и благородно – как раз тот эффект, которого она добивалась. Платье-карандаш хорошо облегло фигуру и было чуть ниже колен. Его выгодно освежал белый круглый воротник с выпуклой чёрной пуговицей и белые манжеты на рукавах длиной три четверти. В таком платье можно прийти и на деловую и на личную встречу. А она как раз с работы. Туфли-лодочки чёрного цвета и чёрный жакет дополнили её наряд. А джинсы с блузкой она оставит в тумбочке на работе и потом их заберёт.

Таня торопливо вышла к зеркалу и расчесалась. Всё, можно идти.

Первая же маршрутка довезла её до отеля. Таня вышла и поняла, что приехала слишком рано. Она всё-таки решила пройти во внутрь. На входе стоял охранник, у которого она без труда узнала, где проходит конференция. Она сразу же нашла нужное крыло здания и этаж. Дверь в зал была открыта. Небольшая группа вышла и остановилась возле Тани неподалёку от окна.

Таня решилась войти. Зал был полон народа. На сцене стоял длинный стол, а возле стола – трибуна. Таня оказалась в самом конце зала. Она смотрела вокруг во все глаза. И вдруг поняла, что это Славик в тёмно-синем костюме и галстук стоит за трибуной и показывает что-то указкой в тексте презентации. Она не слышала и не поняла, что он говорит, но знакомый низкий неторопливый голос рассказывал что-то важное, судя по тому, как его внимательно слушали все эти люди вокруг.

Таня огляделась. Здесь были иностранцы, группами сидящие в креслах, и местный народ с характерной внешностью. Выступление Славика подошло к концу. Он только на минуту замолчал, посмотрев вдаль, где она сидела, и ей даже показалось, что они встретились глазами, чего, правда, Таня не стала бы утверждать наверняка. Всё-таки она сидела очень далеко.

Потом раздались аплодисменты. Люди стали вставать со своих мест и выходить из зала. Славик и другие участники, сидевшие за длинным столом на сцене, сошли вниз и удалились куда-то. Таня вышла на улицу.

Они договорились встретиться в шесть часов в лобби отеля. Было ещё время, и Таня позвонила маме, чтобы предупредить, что она уже доехала и будет сегодня нескоро.

Она вернулась через четверть часа и сразу же увидела Славика, сидящего в мягком кресле и смотрящего прямо на входную дверь. Теперь он смотрел на

неё, пока она шла к столику, за которым он сидел, и встал, чтобы её встретить.

Они обнялись, и Таня опустилась в кресло напротив.

– Привет, как ты, Таня? – спросил Славик. – Ты давно пришла? Мне показалось, что я видел тебя в зале.

Таня вдруг обрадовалась. Значит, это правда, что он её узнал, а вовсе не показалось ей.

– Привет, я хорошо. Как ты? Я действительно попала в зал под самый конец.

– Хочешь, поужинаем вместе? Здесь очень неплохой ресторан, как я успел заметить.

– Спасибо, не откажусь.

Таким образом они вели свою вежливую великосветскую беседу двух одноклассников, не видевшихся много времени. Но в голове у Тани крутились совсем другие мысли. Она не могла произнести их вслух. Как, например, не представляла себе, что сможет поинтересоваться невзначай, встречается ли Славик с кем-нибудь.

Она видела фотографии на Фейсбуке, с тех пор как кто-то стал вести официальную страничку фирмы, в которой он работал. Они много ездили по России, бывали уже и за границей – в основном, в странах Балтии. Среди этих фотографий всегда были и такие, где их делегация в полном составе стояла полукругом, обнимая друг друга за плечи, или сотрудники сидели в таком же, как здесь, конференц-зале, внимательно глядя перед собой.

Как раз с такой фотографии в зале все и началось, припомнилось Тане, той самой фотографии, увидев которую, она написала Славику после долгого молчания в первый раз.

В команде у них были очень даже симпатичные девушки, совершенно разные – блондинки и брюнетки, полненькие и худые, но всех их отличал уверенный целеустремлённый взгляд, с которым они смотрели прямо в камеру. Они напоминали ей Машу и наводили на мысль о том, что запросто могли заинтересоваться Славиком. Он сам обычно получался на снимках серьёзным и сосредоточенным, чуть ли не на полголовы возвышаясь среди остальных.

В ресторане уже зажигали вечерний свет. Их встретил молодой официант в рубашке и брюках, как и положено в отеле высокого класса. Он заговорил с ними на английском, но позже выяснилось, что знал и русский, как это часто бывало здесь.

Таня со Славиком прошли к столику на двоих возле окна. Они рассматривали друг друга вблизи, делясь новостями о родителях, работе, о чём-то ещё.

Таня вдруг почувствовала, что что-то неуловимо изменилось. Как будто они оба стали намного старше. Может, на это повлияло то, что Славик выглядел так официально и только что выступал перед большой аудиторией? Ещё в старших классах он носил костюмы, правда, без галстука.

Нет, тут было что-то ещё. Наверное, то, что раньше она никогда не видела его на работе. А теперь оказалось, что он может быть таким серьёзным, таким солидным, таким непохожим на того Славика, которого она видела в домашней обстановке. Ей показалось, что очень давно они ехали в автобусе в Петергоф и смеялись, слушали музыку в наушниках. Как будто это было не год назад, а очень, очень давно.

В ресторане играла тихая спокойная музыка. Официант принёс им меню.

Они долго выбирали, что заказать, и наконец, набрали самых разнообразных местных блюд, что только были, чтобы Славик попробовал Израиль на вкус.

Им принесли питы и хумус, нарезанный мелкими кубиками салат с зеленью, и оливки. Они заказали кебабы и зеленую фасоль, и теперь ждали основного блюда, подкрепляясь закусками.

Разговор крутился вокруг приезда Славика – как прошел полёт, перемена климата. В Израиле уже сейчас было тепло, и можно было ходить без куртки.

– Я так понял, что зима была у вас очень холодная, – припомнил Славик. – Ты всё время сидела тепло одетая, когда я звонил в феврале.

– А, это у нас зимой холодно в домах, потому что нет отопления. – объяснила Таня.

Они ещё поговорили какое-то время о погоде, очень чинно сидя на своих местах и временами поднимая друг на друга взгляды от тарелок.

Тане показалось, что Славик очень сдержан в этот вечер и смотрит на неё как-то украдкой и отводит взгляд, когда она что-то начинала говорить.

Они ещё заказали десерт, когда Таня попросила рассказать, с чем же он сегодня выступал. Славик с готовностью начал объяснять, что это была такая показательная презентация, когда участники конференции получили слово, чтобы познакомить остальных со своей компанией и объяснить, чем каждая из них занимается в данный момент.

– Если хочешь, я могу показать тебе слайды. Там же и фотки с поездок. У меня всё в ноутбуке хранится, – предложил он.

– Конечно, почему бы и нет, – отозвалась Таня.

– Тогда я сейчас схожу наверх, принесу. Или, если хочешь, – помедлил Славик, – можешь подняться со мной. Заодно посмотришь, как я живу.

– Конечно, пошли, – согласилась Таня.

Они поднялись на шестой этаж, где разместились участники конференции. Некоторые из них сновали по коридору туда-сюда с бейджиками, общающимися, к какой именно делегации относится каждый из них. Постоянно открывались и закрывались двери, от чего весь этот отсек отеля напоминал весёлое студенческое общежитие, хотя здесь попадались люди абсолютно разных возрастов.

Славик открыл дверь в номер недалеко от конца коридора и пропустил Таню вперёд. Комната была совсем небольшая, но очень уютная. У стены, как водится, стояла большая кровать, занимавшая, пожалуй, всё пространство. Под окном разместился уютный столик, напоминающий стойку в кафе. На этом столике и был ноутбук.

– Вот, выпало мне жить одному, – рассказывал Славик. – У нас получилось нечётное количество участников. Всем дали большую комнату на двоих, а мне маленькую, но на одного.

Он сразу же снял пиджак, оставшись в светло-голубой рубашке, стянул с себя галстук и сказал, извиняющимся тоном:

– С твоего разрешения, освобожусь от этого официоза, – он смущённо улыбнулся. – Я так с семи утра хожу.

Таня улыбнулась ему в ответ:

– Конечно, конечно, – возможно, излишне поспешно ответила она, – не обращай на меня внимания. Если хочешь – переодевайся, я выйду.

– Вот ещё глупости! – также поспешно заговорил Славик. – Я могу и в ван-

ную пойти, чего это я буду выдворять тебя из комнаты, если сам пригласил.

Таня села возле столика у окна, и Славик стал показывать ей слайды, а потом и первые фотографии, сделанные на Святой Земле – виды Средиземного моря из подлетающего к аэропорту самолёта, общая фотография со всей группой, когда они уже приземлились, завтрак в отеле на фоне большого окна, за которым был виден бассейн, а выше – голубое небо без единого облачка и верхушки пальм.

– Впрочем, ты со всем этим знакома, – сказал Славик, отрываясь от экрана компьютера.

– Ничего, мне всё равно интересно, – абсолютно искренне ответила Таня.

– Кстати, они, кажется, снимали меня, пока я там ораторствовал, и успели прислать всё на телефон. Сейчас я найду.

Славик встал и стал подключать телефон к ноутбуку, а заодно и ноутбук в розетку, чтобы его подзарядить.

Таня тоже встала со своего места, чтобы дать ему достаточно пространства развернуться, и подошла вплотную к высокому узкому окну, через которое было видно море и низко висящий огненный шар заходящего солнца – зрелище, которое всегда завораживало её.

Славик возился с проводами и искал тот, что соединит телефон и ноутбук, а Таня тем временем села на широкий подоконник и смотрела вниз на отъезжающую группу китайцев в одинаковых красных футболках и кепках.

Славик вынырнул откуда из-под стола и сказал:

– Так, что-то темновато.

Он не глядя потянулся к выключателю через Танино плечо и невольно коснулся её. Они оба одновременно повернули головы друг к другу, и их глаза на мгновение встретились. Таня вздрогнула от этого взгляда и внезапного прикосновения. Ей показалось, что пробежала какая-то искра, и всё вокруг зажглось этим светом. Свет действительно брызнул ей в глаза, а потом мгновенно потух, потому что Славик от неожиданности нажал на выключатель два раза подряд.

Таня поспешила слезть с подоконника, чтобы дать ему возможность дотянуться до кнопки, но спрыгнула она не очень удачно – прямо на Славика, который ещё не успел отойти. Он качнулся и едва успел подхватить её. Таня не сразу поняла, что же произошло.

Кажется, Славик не торопился её отпускать. Наоборот, он держал её крепко и смотрел прямо в глаза.

– Славик, свет, – сказала Таня, чтобы как-то выйти из этой неловкой ситуации.

– Что? – переспросил он непонимающе.

– Ты хотел включить свет.

– Ах, да...

Он шагнул вперёд по направлению к выключателю, покачнулся, сделал два шага назад, чтобы удержать равновесие, и споткнулся о кровать, в которую они оба тут же полетели. Славик не выпускал её из рук, а наоборот, обхватил ещё крепче, и Таня, с той же улыбкой, которая появилась у неё на лице ещё когда она только узнала, что он скоро приезжает, подумала с удовлетворением: “Да не встречается он ни с кем”.

Всё, что было потом, было, конечно, лишним, но в тот момент Тане показа-

лось, что по-другому быть и не могло, и что как раз то, что раньше казалось важным и безотлагательным, отошло на второй план. Их накрыло жаркой, пульсирующей волной. Тане помнилось, что она ещё пыталась вынырнуть из этого омута, но Славик каждый раз настойчиво возвращал её обратно.

Они очнулись одновременно в кромешной тьме, и оба не сразу поняли, что же с ними произошло. Первой мыслью, которая пришла Тане в голову было, что теперь ничего не может быть, как раньше. Если до этого им как-то удавалось справляться со своими ролями одноклассников, друзей детства, вспоминающих совместную учёбу и объясняющих ностальгией по родному городу их обоюдное желание постоянного общения и влечения друг к другу, то все, что происходило с ними сегодня, не вписывалось в этот сценарий и перечёркивало дальнейшее дружеское общение.

Какой ностальгией и дружбой можно было объяснить его слова, которые он шептал ей сегодня: “Таня, я люблю тебя. Я хочу, чтобы ты знала, что я всегда любил только тебя.” Эти слова невозможно ни забыть, ни интерпретировать иначе.

“Какой кошмар! – подумалось вдруг Тане. – И мы ведь даже ничего не пили! Наваждение какое-то! Интересно, а он жалеет о том, что произошло?”

Она повернула голову в том направлении, где должен был быть Славик, и встретила его немигающий взгляд. Конечно, невозможно было разглядеть выражение его лица, но само оно, бледное с тёмными глазами виделось очень четко. Просто он лежал очень близко.

– Таня, – позвал он еле слышным шёпотом.

И так как она не отвечала, то повторил ещё громче:

– Таня!

– Что?

Он замолчал. Потом привстал на локте и сказал:

– Я знаю, что должен перед тобой извиниться. Но я хочу, чтобы ты знала, я ничего такого не планировал, но и не жалею ни о чём.

Тем самым он ответил на её вопрос.

Таня не могла разговаривать с ним в тот день, не после того, что случилось. Она только пролепетала что-то о том, что родители зовут его на следующий день на ужин, и ретировалась впопыхах, не разрешив ни проводить себя, ни посадить в такси.

Домой она вернулась не так поздно, как ожидала. Кивнув родителям, сидевшим на диване, она проскользнула в свою комнату, надеясь, что они не заметят ничего необычного в её поведении.

Славик

После Таниного отъезда дни потянулись за днями, не отличимые друг от друга в своем однообразии. Было много работы. Затем появились командировки. Славик каждый раз входил в состав групп, открывающих новые филиалы, участвуя в конференциях и презентациях. Так они побывали в Казахстане, почти во всех странах Балтии, поездили по всей России.

Та первая поездка открыла Славику дорогу к повышению. Сеня был направлен возглавлять отдел в Ставрополе, чем очень гордился. В их питерский отдел Виталий Павлович набрал ещё двоих сотрудников, а своим заместителем назначил Славика.

По началу тот был ошеломлён и даже немного подавлен. Славику казалось, что он перешёл дорогу Даше, которая появилась в их компании задолго до него, да и опыта у неё было намного больше. Он даже прямо сказал об этом Виталию Павловичу, на что получил такой ответ:

– Слава, не беспокойся. Даша никогда не останется в тени. Она так и будет ведущим маркетологом. Даша очень хорошо знает рынок и ориентируется в российской реальности. Её отчётам я смело могу доверять. Но для поездок за пределы страны нужен человек, обладающий, кроме всего прочего, навыками разговорного английского, составления презентаций и участия в переговорах и конференциях. Я беседовал с Дашей. Все это её интересует меньше, а я привык доверять подчинённым, и считаю, что каждый хорош на своём месте.

Славик понимающе кивнул и согласился.

– Ну, что? – улыбнулся Виталий Павлович. – Теперь, когда все точки над “i” расставлены, могу я надеяться, что ты готов для новых свершений?

– Конечно, Виталий Павлович! Вы же знаете, что можете на меня положиться.

– Хорошо. Тогда есть у меня для тебя новое серьёзное поручение. В апреле полетишь в Тель-Авив. Бери с собой кого хочешь, сам набирай команду. Я тебе полностью доверяю.

Он говорил что-то ещё, иногда посматривая сквозь очки на экран раскрытого перед собой ноутбука, но Славик уже ничего не слышал. Раскрытыми от удивления глазами он смотрел прямо перед собой.

– В Тель-Авив? В Израиль? – переспросил он внезапно осипшим голосом.

Пожалуй, это было в первый раз, когда Славик перебил начальника так непочтительно на середине фразы.

– Ну, да, конечно, Тель-Авив в Израиле, – Виталий Павлович оторвался от экрана компьютера и посмотрел на Славика поверх очков. – Я сделаю вам всем визы. Там будет проводиться крупная конференция по рекламе. Я понимаю, что так далеко мы ещё не забирались. Так вот, как раз есть шанс поучаствовать.

Виталий Павлович замолчал и посмотрел на Славика.

– Слава, я уверен, что ты справишься. Или ты не хочешь лететь в Израиль?

– Нет, что Вы, что Вы! – поспешно затараторил тот и замотал головой так, что ему самому показалось, что она сейчас отвалится.

Не мог же он признаться начальнику, что и мечтать не мог о такой удаче. Таня работала в Тель-Авиве и жила где-то в пригороде, переехав к родителям, как только вернулась после их поездки в Москву. Как во сне Славик поблаго-

дарил Виталия Павловича за доверие.

Целый день он ходил по офису сам не свой, а вечером рассказал обо всём Тане.

Они уже давно не разговаривали, пожалуй, с тех пор как он ездил в Казахстан. Потом он был очень занят. И теперь, вглядываясь в её изображение в камере он хотел разглядеть и понять, рада ли она ему, хочет ли она, чтобы он приехал? А может, всё уже позади?

Прошло больше года с её поездки в Россию. Может быть она уже смирилась с тем, что они не будут вместе, и начала встречаться с кем-то другим? Славик знал, что на правах старого друга мог бы задать ей такой вопрос – одна ли она или нет. Но он не мог себя заставить сделать это. Слова не шли с языка, как тогда, в школе на выпускном. “Ладно, – решил про себя Славик, – вот приеду и всё сам пойму”.

Он тщательно готовился к поездке. Они собрали много материала. Славик сам составил большинство презентаций. С ним ехало двое рекламщиков, и в их числе Петруша, и отдел по связям с общественностью, практически в полном составе – четыре человека. Они много работали, Славик возвращался домой поздно и практически не перезванивался с Таней.

Зато незадолго до отъезда он получил очень неожиданный звонок от человека, о котором давно и думать забыл. Собираясь с работы домой, он услышал входящий вызов на мобильнике. Посмотрел и удивился – звонила Маша.

– Да, Маша? – осторожно сказал он.

– Слава, привет! – как ни в чем не бывало заверещал её беззаботный голос в трубке. – Как дела?

– Все хорошо, спасибо. Как ты? – очень сдержанно и вежливо отвечал Славик.

– Всё просто замечательно! – уверяла Маша так, как будто не было между ними сцен у неё на кухне и потом в Ставрополе в отеле. – Вот, хотела на свадьбу тебя позвать. Я замуж выхожу!

– Поздравляю, – автоматически ответил Славик.

– Спасибо большое! Так ты придёшь?

– А когда? У меня через несколько дней командировка.

– В июне, шестнадцатого. Вот, заранее звоню, нужно же всё подготовить.

– А, да. Хорошо, приду, – так же на автомате ответил Славик.

– Ну, и хорошо! Настя вышлет тебе официальное приглашение.

Они попрощались, и Славик коротко вздохнул. Пожалуй, это и в самом деле хорошо, что Маша выходит замуж и больше не имеет на него видов. Он даже не спросил её, кто же тот счастливчик, с которым она намеревалась связать свою судьбу.

Только усевшись в кресло самолёта Славик смог, наконец, позволить себе расслабиться. Он только на минуту закрыл глаза, а Петруша уже толкал его в бок – оказывается, принесли обед. Они прилетали поздно вечером, а конференция открывалась утром в девять часов следующего дня. Славика не беспокоил такой плотный график. Они хорошо подготовились, а их выступление было назначено на вечер, практически к концу первого дня.

– Не так просто заинтересовать публику под занавес, народ подустанет, – комментировал этот факт Виталий Павлович, – зато не надо с утра торопиться, и вы уже ознакомитесь со многими другими участниками.

Они прилетали в аэропорт имени Бен-Гуриона, первого премьер-министра Израиля, когда уже стемнело. Славик прильнул к иллюминатору. Они подлетали с моря, и первое, что было видно – это много огней, небоскрёбы и пляж.

Они очень быстро прошли проверку в аэропорту, а в зале ожидания их уже встречал представитель от организаторов конференции – смуглый невысокий паренек, невероятно подвижный и с жутким местным акцентом.

– Амир, – расплываясь в улыбке представился он.

У Амира зазвонил телефон по дороге, и он стал что-то быстро говорить на незнакомом певучем языке с восточными интонациями. Славик улыбнулся про себя. Неужели и Таня так же разговаривает?

До гостиницы доехали быстро. Она стояла очень близко к Средиземному морю. От пляжа её отделяло только шоссе. На улице после промозглого Питера было очень тепло. Лёгкий ветерок шевелил верхушки высоких пальм, бриз просился в окна открытого в номере окна. Славике досталась комната на одного, зато в ней было спокойно, можно было посидеть и всё обдумать.

Петруша стал стучаться практически сразу же. Когда Славик ему открыл, тот был уже в джинсах, закатанных до колен и рубашке нараспашку, за его спиной виднелась шумная компания коллег – они собирались на пляж.

Славик отказался и остался сидеть возле открытого окна, вдыхая морской, насыщенный солью и ещё всякими неведомыми запахами, воздух. Он открыл ноутбук с презентацией, но не прочёл ни строчки. Мысли одна невероятнее другой мелькали в его голове. Он смог приехать к Тане. Завтра они встретятся после конференции в шесть вечера, и он заранее волновался ещё больше, чем из-за выступления перед незнакомой аудиторией. Такие презентации он проводил не раз. Он знал, что волнение уляжется практически сразу же, как только он начнёт говорить спокойным, размеренным голосом.

Славик рано лёг спать, а утром проснулся в семь, надел свой любимый тёмно-синий костюм и голубую рубашку в тонкую полоску. Он даже галстук повязал, хотя видел, что многие ходили и без галстуков.

Петруша зашёл за ним, и они пошли завтракать, а потом вышли подышать свежим воздухом на улицу. Над морем висела лёгкая дымка. Народ кинулся фотографироваться. Потом Амир повёл их в зал и показал их места.

Конференция была интересной. На обед ходили все вместе и уже общались во всю с делегациями других стран. Царила очень непринуждённая дружеская обстановка. Славик успел познакомиться и обменяться контактами с кучей других участников.

Он выступал практически в самом конце. И вдруг уже на последних фразах какая-то девушка в чёрном жакете с распущенными волосами мелькнула на входе в зал и села в последнем ряду. Она показалась ему неуловимо похожей на Таню.

Они закончили, и Славик спустился вниз ждать, когда же она появится, как вдруг увидел другую девушку, в красивом красном платье. Она стояла спиной к нему и разговаривала по телефону. Может, это Таня? Девушка повернулась, положила телефон в сумочку и направилась ко входу в отель. Ещё нельзя было разглядеть её лица, но походка была похожа, и волосы. Славик смутно подумал, что если это всё-таки Таня и она ни с кем не встречается, то он её поцелует сегодня же вечером и пригласит в гости в Питер или сделает что-то ещё такое, чтобы она и не начинала ни с кем встречаться.

Это была Таня. Теперь, когда она подходила ближе, он разглядел, что это она, и встал, чтобы встретить её. Они обнялись, и она показалась ему взрослее. Лёгкий запах духов коснулся его, и Славик понял, что не знал, что у неё есть такие духи, что она носит такое красивое красное платье. Он очень давно её не видел. Ему казалось неприличным так пристально рассматривать её, и в то же время хотелось запомнить каждую деталь, запечатлеть в памяти, чтобы было что вспоминать, когда они снова расстанутся.

Славик хотел знать про неё всё – как её работа, как родители и Антон. Он пригласил Таню в ресторан при гостинице.

Они сидели за небольшим уютным столиком прямо возле окна и ели местную еду. Только здесь Славик наконец осознал, как далеко Таня уехала. Она живёт теперь в незнакомой стране и говорит на незнакомом языке. Когда она приезжала к нему в Питер, всё было по-другому.

Славик задавал Тане вопросы, но постоянно ловил себя на том, что не слышит ответов. Это было очень непривычно. Самое главное, он никак не мог избавиться от мысли, что ему мучительно хочется её поцеловать. Он вынужден был напоминать себе, что они не одни. Вот и давешние новые знакомые китайцы вошли в ресторан и сели неподалёку. Тогда Славик пообещал себе, что предложит проводить её до дома.

Но вот Таня спросила его о работе, конференции, презентации, которую он готовил. И он встряхнулся, отогнал от себя неподобающие другу детства мысли и с энтузиазмом начал рассказывать всё то, что не успел рассказать ещё до поездки в Казахстан.

В какой-то момент он даже предложил принести ноутбук и показать всё наглядно. Он видел, что Тане было очень интересно. Затем без всякой задней мысли он предложил Тане подняться наверх и посмотреть там – у него уже и первые фотографии накопились.

В номере он стал искать зарядку для ноутбука. Потом решил подключить к компьютеру телефон, потому что часть фотографий была в нём – тех, что он сам сделал, а часть Петруша прислал ему по почте. Славик всё ещё нырял под стол и возился с проводами, когда понял, что не хватает света. В комнате стремительно темнело – ещё одна особенность местного климата, к которой нужно было привыкнуть.

Ему не хотелось тянуться к выключателю с другой стороны длинного стола. Поэтому он решил пока включить бра на стене возле портьеры. Таня сидела на подоконнике окна, и Славик мельком увидел китайцев, собиравшихся внизу. Наверно, они решили погулять по вечернему городу.

Он протянул руку наугад и случайно коснулся Таниного плеча. От неожиданности этого внезапного прикосновения он нажал на кнопку два раза, и свет, мгновенно вспыхнув, тут же погас, как будто какая-то искра ударила им в глаза одновременно.

Её лицо вдруг оказалось очень близко к нему. Славик снова потянулся к выключателю, но не успел нажать – в этот же самый момент Таня спрыгнула вниз, и он подхватил её, чтобы она не упала. Её лицо снова было очень близко, и это мучительное желание поцеловать её снова овладело Славиком.

Он раздумывал над этим, когда она сказала ему что-то, чего он не расслышал и не понял. Оказалось, что Таня напомнила ему, что он хотел включить свет. Славик не хотел выпускать её из объятий. Он потянулся к выключателю

снова в который уже раз, покачнулся, шагнул назад, не выпуская Таню, и они оба полетели куда-то, где стояла большая кровать.

Его дилемма была решена. Он мог бы теперь точно поцеловать Таню, как и обещал самому себе ещё в начале вечера. Или же он мог бы обратить всё в шутку и сказать, что не устоял на ногах от её красоты. Мог бы, если бы всё так неуловимо не усложнилось, когда он увидел, как она закрывает глаза и улыбается. Тогда в его голове, в которой всё уже и так окончательно перемешалось, промелькнула мысль, которая и привела к необратимым последствиям. “Да ни с кем она не встречается!” – вот что подумалось ему. И Славик, всё ещё обнимая Таню, привлёк её ближе и через всю спину потянул вниз молнию на её красивом красном платье.

Таня

На следующий день мама задумала корейский вечер. Дело в том, что корейская кухня была очень популярна в Ташкенте. Много корейцев, ассимилировавшихся и привыкших к местным реалиям, проживало там. Корейская еда продавалась на улицах, были специальные рестораны, содержащиеся и обслуживаемые корейцами, и все привыкли к этому и любили эти блюда наряду с узбекскими, русскими и многими другими.

К приходу Славика в мантышнице были приготовлены пирогиды – корейские пирожки на пару с капустой и рубленным мясом. Вместе с мамой Таня приготовила несколько корейских салатов – чумчу из капусты или, как её ещё называли в России, кимчи, морковчу, салаты из огурчиков и грибов – всё то, что они любили и ели регулярно до отъезда в Израиль.

Таня нервничала, но не показывала вида. Когда позвонили в дверь, она зачем-то ещё раз убежала на кухню, поэтому Владимир Леонидович пошёл открывать сам.

– Заходи, Слава, – услышала Таня с сильно забившимся сердцем и попыталась вдохнуть побольше воздуха.

Но нельзя же было весь вечер отсиживаться на кухне. Она вышла в зал, где родители принимали гостя, и сразу же встретила с ним взглядом. Славик стоял посреди комнаты и держал в руках огромный букет красных роз.

– Ну, ты прям как жених! – папа похлопал его по плечу.

– Танюша, принимай цветы, – улыбнулась мама и пошла наполнить водой вазу.

Они поставили букет на столик возле окна, и весь вечер он ловил взгляды ярким цветом и свежестью.

Таня поспешила выложить горячие пирожки на большой ляган, на котором они традиционно подавали любое главное блюдо – плов, манты, картошку с мясом – и внесла дымящееся блюдо в зал. Оно почётно заняло центральное место на столе.

– Ну, – сказал Владимир Леонидович, – накладываем? Или три раза предложить?

Все за столом заулыбались. По узбекской традиции гости не показывают, что голодны. Это считается невежливым. Хозяйка предлагает еду в первый раз: “Берите, угощайтесь!”, а гости благодарят и отказываются. Разговор продолжается, пока хозяйка не предложит опять. И лишь на третий раз гости соглашаются и из уважения к труду, затраченному на приготовление блюд, и вниманию, оказанному им, благодарят и начинают есть.

Говорили о конференции, на которую приехал Славик. Всем было интересно, как она проходит, сколько участников, из каких стран. Потом разговор перешёл на впечатления Славика о стране.

– Да я ещё ничего толком не видел, – смущённо улыбнулся он. – Вот завтра как раз поедем в Иерусалим и Вифлеем всей группой.

Танины родители понимающе закивали.

– Славочка, тебе бы ещё успеть попасть на север, погулять по Тель-Авиву, на пляж сходить, – сказала Танина мама.

– Катя, – повернулся к ней Владимир Леонидович, – а давай им куда-нибудь экскурсию возьмём!

И они посмотрели на Славика с Таней. Таня замерла и перестала есть. После того, что произошло накануне вечером, она не могла и представить себе, как поедет с ним вдвоём куда бы то ни было. К счастью, Славик сказал, что пока не может сказать, удастся ли ему выбраться отдельно от группы. Их расписание было составлено очень плотно, практически по часам.

Таня не оставалась со Славиком наедине ни минуты. Впрочем, он и не старался поймать её одну, только внимательно наблюдал за ней и, видимо, понял, что ей нужно время, чтобы осмыслить случившееся. Все по очереди обняли его на прощание, а Владимир Леонидович отвёз обратно в гостиницу.

Всю субботу Таня провела в раздумьях. Мама даже стала беспокойно поглядывать на неё и, наверно, сказала об этом папе, так как Тане послышался с кухни его спокойный голос:

– Катюша, оставь ребёнка в покое.

В воскресенье, первый рабочий день на неделе, Таня поехала на работу. Диана и Диана звали её после работы погулять, но Таня отказалась, сославшись на то, что раньше ушла в четверг, и ей надо было отработать часы. На самом деле ей просто хотелось побыть одной. Она дождалась, пока подруги, весело переговариваясь и маша ей, уйдут, и тоже засобиралась.

Зайдя перед уходом в туалет, Таня стала участницей небывалой сцены. Ещё в коридоре ей послышались всхлипы и рыдания, а зайдя вовнутрь Таня увидела Риту, низко склонившуюся над умывальником и разглядывавшую в зеркале своё красное от слёз лицо. Таня не знала, как ей поступить, поэтому поспешно извинившись, залетела в ближайшую кабинку и замерла.

Она не торопилась выходить, рассудив, что Рита, конечно же, не захочет, чтобы её видели в таком состоянии, поэтому скоро приведёт себя в порядок и уйдёт. Но не тут-то было! Всклипы не прекратились, а, наоборот, стали сильнее и, похоже, переходили в истерику.

Таня подумала, что долго не может оставаться здесь, и решила уйти и оставить Риту, чтобы та постепенно успокоилась.

Она вышла к умывальникам, не глядя на начальницу, чтобы не смущать её, вымыла руки и потянулась уже было за бумагой, чтобы вытереть их, как услышала усталый и полный горечи голос:

– Вот из-за таких как ты всё и происходит!

Таня подумала, что ослышалась. Она уже хотела оторвать кусок бумаги и выйти за дверь, выбросить бумагу можно и в кухне, в конце концов. Но следующая фраза остановила её.

– И как тебе спится по ночам, мне интересно знать?

Таня медленно повернула голову в Ритину сторону и переспросила для верности:

– Это ты мне?

– Тебе, тебе, кому же ещё? – Рита смотрела на неё тёмными от гнева глазами.

– Ааа... в чём дело? – осторожно поинтересовалась Таня. – Я ничего не понимаю.

– Не прикидывайся, пожалуйста, – устало махнула рукой Рита. – Тут никого больше нет.

Дело принимало неожиданный оборот. Теперь Таня не могла уйти просто так. Следовало во всём разобраться.

Очень спокойно глядя Рите прямо в лицо, Таня сказала:

– Я буду очень тебе благодарна, если ты объяснишь всё по порядку.

Рита снова всхлипнула. На этот раз ещё горше.

– Да чего тут объяснять-то! – последовало между рыданиями. – Мы с Ронни расстались.

Таня с трудом понимала, о чём идет речь.

– Ронни, в смысле, наш Ронни? – решила она наконец прояснить обстановку.

– Мой! Не наш, а мой! Только мой! – громко сказала, практически выкрикнула Рита.

Таня смотрела на неё, широко раскрыв глаза. Кажется, до неё стал доходить смысл происходящего. Потом медленно произнесла:

– Я очень сочувствую, что ты так переживаешь, Рита. Я даже не знала, что вы встречаетесь.

– Потому что нам приходилось скрывать это, пока он здесь работал, – ответила Рита. – Каждая вертихвостка пыталась обратить на себя его внимание! Ещё бы! Директор! К тому же он такой симпатичный.

Она тяжело вздохнула и отвернулась от Тани. А та не понимала, какое отношение вся эта история имеет к ней.

– Я не старалась привлекать к себе его внимание, – медленно и всё так же спокойно сказала Таня.

Она теперь начинала понимать, почему всё это время Рита относилась к ней с такой неприязнью.

– Ну, конечно! – не поверила ей Рита. – А чего он тогда сказал, когда принимал тебя на работу, что ему нужны люди с горящими глазами? И потом ещё так быстро согласился взять тебя переводчиком в мой отдел!

Рита смотрела на Таню с подозрением, прищурясь и выжидая, какой же теперь последует ответ. Похоже, её ревность не имела предела и успела нарисовать в голове самые нелепые предположения. Последовало молчание, и она снова отвернулась, горестно всхлипнув.

– Рита, я практически не знала Ронни, – решила, наконец, заговорить Таня. – Мы не выходили за рамки деловых отношений. К тому же, – тут голос Тани немного дрогнул, – я много лет люблю другого человека.

Рита перестала всхлипывать и снова повернулась к ней. Она пристально и внимательно разглядывала Танино лицо и всё-таки, видимо, нашла в нём подтверждение сказанным Таней словам, потому что устало кивнув, сказала тихо:

– Ну, что ж, зато другие твои коллеги не были столь щепетильны в этом вопросе. Хотела бы я знать только, кто это!

С этими словами она махнула в воздухе кулаком, но это было уже не так убедительно, как её предыдущие всплески гнева. Похоже, ярость всё-таки сходила на нет.

Они расстались, под конец кивнув друг другу довольно миролюбиво, насколько вообще позволяла эта ситуация.

Таня вышла в коридор и недоверчиво покачала головой. Это ж надо было так вляпаться! Она собрала свои вещи и поехала домой. Теперь, когда истинная причина Ритиногo отношения к ней была выяснена раз и навсегда, Таня надеялась, что всё будет по-другому между ними.

В середине следующего рабочего дня у Тани зазвонил телефон. Она пожалала плечами – какой-то незнакомый городской номер.

– Да? – сказала она.

– Таня, – услышала она в трубке голос Славика, – как дела?

– Ааа... Хорошо, – растерялась она.

И добавила, помолчав:

– А как у тебя?

– У меня тоже хорошо. Вот, решил тебе позвонить.

Она вдруг поняла, что он улыбается. Оглянувшись на коллег, занятых каждый своим делом, Таня поспешно вышла в коридор, а затем и на улицу.

Погода стояла великолепная, самая весенняя. Воздух был напоен ароматом цветущих деревьев из парка возле их здания. Таня села там на скамейку и теперь вглядывалась в золотых рыбок в пруду. Вон утка с жёлтыми пушистыми утятами вышла из высокой травы с противоположного берега и зашла в воду.

Они оба молчали. Наконец, Славик спросил:

– Таня, мы можем встретиться?

– Да, конечно, – ответила она.

– Хочешь, я буду ждать тебя возле гостиницы сегодня вечером?

– Хорошо.

Она сама не узнавала свой спокойный, казалось, ничего не выражающий голос. А ещё она вдруг подумала, что не успела подготовиться к этой встрече. А может, и к лучшему, что на ней не будет сегодня красивого нового платья, чтобы эта встреча ничем не напоминала свидание.

Вечером Таня приехала к гостинице, и сразу же увидела Славика возле входа. Он был уже не в костюме, а просто в джинсах и рубашке с закатанными рукавами. Её собственный наряд тоже состоял из джинсов и блузки.

Таня издалека пыталась разглядеть выражение лица Славика. Кажется, он был серьёзен, даже сосредоточен. Она очень боялась, что их предыдущая встреча в отеле возведёт какую-то преграду, за которой останется вся их предыдущая жизнь. Но, к её удивлению, этого не случилось. Он очень просто подошёл к ней и обнял, как раньше, только пожалуй, чуть дольше задержал, прижимая к себе, и Таня услышала, как очень близко бьётся его сердце, успокаивая и как бы напоминая, что она ничего не потеряла в нём с тех пор.

Славик потянул её на пляж. Они перешли шоссе и оказались на мосту у моря. Стоя у перил, за которыми мерно качались и иногда выплескивали солёные брызги синие волны, они смогли, наконец, посмотреть друг другу в глаза. Первая реакция была неожиданная – они вдруг одновременно рассмеялись. И сразу же волной охватило какое-то облегчение, которое и разрядило всю эту ситуацию. Тогда Славик тихо заговорил:

– Таня, я уже успел соскучиться по тебе. Перестань от меня бегать. Я понимаю, что всё получилось слишком быстро, но, может, это и к лучшему. Мы не можем убежать друг от друга всю жизнь.

Он помолчал, и подняв к нему лицо, Таня увидела, что он улыбается.

– Возможно, ты прав, – так же тихо ответила она. – Только я не представляю, как мы с этим справимся.

– Я тоже пока не представляю, но мы справимся как-нибудь.

Он помолчал, а потом добавил:

– Ты хочешь приехать в Питер этим летом? Дело в том, что Маша выходит

замуж и самым неожиданным образом пригласила меня на свадьбу.

– Тебя?! – поразилась Таня.

Славик иронически улыбнулся и даже развёл руками, как бы давая понять, что эта ситуация удивляет его не меньше, чем её.

– Ну, что ж, – сказала тогда Таня, – я всё равно собиралась приехать, потому что меня пригласил Микрюков.

– Ну, вот, а ты удивляешься моему приглашению! – засмеялся на это Славик.

Потом, посерьёзнев, он добавил:

– Не знал, что Микрюков ей нравится.

Таня в ответ только пожала плечами.

Итак, они решили, что Таня прилетит к нему за два дня до свадьбы Маши и Микрюкова, как и договаривалась с Вероникой, а потом они вместе пойдут на церемонию.

– Кстати, – сказал Славик, – а я тебе кое-что привёз в подарок.

И он вытащил из кармана и протянул ей жёлтый прозрачный кулон на цепочке.

– Это янтарь, – объяснил Славик и добавил, помолчав. – Я купил его специально для тебя, когда мы ездили в Ригу.

У Тани не было слов. Она только посмотрела на него с благодарностью и подняла волосы, чтобы Славик помог надеть цепочку. Вглядевшись, она увидела, что в камне вырезаны голубые волны с красным корабликом вдали.

– Спасибо большое, – наконец сказала Таня и поцеловала его в щёку.

Но Славик удержал её и, наклонившись, поцеловал в губы.

– Ты хочешь подняться сегодня ко мне? – тихо, внимательно глядя ей прямо в глаза спросил он.

Таня кивнула ему в ответ, и Славик сразу же взял её за руку и потянул в сторону отеля.

Славик

Конференция прошла очень удачно. Славик звонил Виталию Павловичу с докладом каждый вечер. Его начальник остался очень доволен отчётами.

Таня приехала провожать Славика в аэропорт, но это прощание было совсем другим, не похожим на оба раза в Питере. Это прощание обещало непременно скорую встречу.

Что-то открылось ему за время пребывания в Израиле. Да, не зря он приехал на Святую Землю. Ведь именно здесь совершенно случайным образом решилась его судьба. Долгие годы сдерживаемое чувство обжигало его изнутри. Оно сформировало его характер, превратив Славика в человека скрытного и серьёзного. А теперь впервые за столько лет он мог свободно смотреть Тане в глаза, не скрывая, что думает и чувствует. Это было как откровение свыше, как ответ на все его молитвы, если бы он верил в высшие силы и молился. Небывалая, никогда не испытываемая им до этого момента лёгкость как будто поднимала его над землёй. Даже дышалось легче, и всё вокруг казалось ярче и интереснее.

Ещё в самолёте по дороге домой Славик принял решение. Он переедет жить отдельно от родителей. С его должностью и доходом он мог себе свободно это позволить. И сразу же почувствовал себя взрослее и увереннее.

Родители встретили его решение с уважением и радостью. Папа одобрительно похлопал его по плечу.

Очень быстро Славик нашёл квартиру поближе к работе. Вдвоём с мамой они выбирали недостающую мебель, собирали посуду и всё необходимое. Потом с папой вешали подаренные родителями на новоселье шторы. В зале повесили плотные тёмно-зелёные, а воздушные занавески бежевого цвета с какими-то белыми и жёлтыми цветочками украшали теперь окна в спальне. Своей лёгкостью и свежестью оттенка они как будто бы олицетворяли для Славика его новую жизнь и новое ощущение себя самого. В этой просторной квартире ещё и кабинет был с диваном и рабочим столом, с книжными шкафами вдоль стен и плетёным ковриком на полу.

После их удачной поездки Славик почувствовал, что заслужил всеобщее уважение и признание на работе. Он даже получил отдельный кабинет с телефоном, по которому отвечал на звонки только после того, как их переводила ему их секретарь Алина.

Алина была воплощением профессионализма и представительности. Высокая, почти со Славика ростом, очень худая, с белесыми волосами до плеч, она была похожа на эльфа из сказки, если бы не деловой тон и серьёзность. Алина носила строгие офисные костюмы и озадачивала клиентов, приходивших к Славику или Виталию Павловичу, когда, обманчиво хрупкая и миниатюрная, вырастала перед их носом, вставая из-за стола, чтобы проводить их в нужный кабинет.

В этот раз Таня прилетала посреди дня, ближе к обеду, и, схватив свой дипломат за ручки, Славик поторопился к выходу, предупреждая Алину на ходу, что обедать будет не в офисе. Он ехал встречать Таню на своей новой машине. И это чувство самостоятельности, когда не надо было больше просить машину у папы, окрыляло Славика и заставляло чувствовать себя ещё взрослее и независимее. По дороге он купил букет белых лилий, клубнику и круглый шоко-

ладный торт.

Таня вышла в зал ожидания с той же знакомой сумкой, как и в прошлый свой приезд, загорелая и свежая. Он так же шагнул ей навстречу и обнял. И их обоих охватило такое же праздничное чувство единения, как и в прошлый раз. Она оглядела его, в костюме и галстукe, кажется, с уважением. Славика распирало от гордости, когда он вёз Таню на своей новой машине в новую квартиру, которую снимал сам.

По обоюдному соглашению, Таня разместилась в спальне, а Славик заявил, что будет спать на диване в кабинете. Он видел, как она удивилась и этой квартире, и обстановке в ней, когда ходила с ним смотреть комнаты. Но больше всего, и Славик это знал заранее, Тане понравилась кухня, вся отделанная деревом и выходящая на небольшой балкончик.

– Хочешь дома обедать или сходим куда-нибудь? – поинтересовался гордый хозяин этого удобного современного жилища.

– Давай лучше дома, – ответила Таня, – на кухне!

И Славик принялся выгружать из холодильника всё, что накануне заготовила мама – курочку с грибами и сливками, салатик и солёности. Они сидели за небольшим кухонным столом и болтали, и летний ветерок шевелил лёгкий тюль на окне.

После обеда Славик оставил Таню располагаться и отдыхать, а сам вернулся на работу. Он взял выходной только со следующего дня. Это была пятница. А уже в субботу они шли на свадьбу.

Таня

Время до полёта в Питер пролетело незаметно. И вот уже Таня собирает чемодан и складывает в него свой праздничный наряд на свадьбу, на которую была приглашена – лёгкое, летнее платье персикового цвета, до колен на тоненьких бретельках.

Славик встречал её с букетом белых лилий, в костюме и галстукe. Она и не ожидала увидеть его таким торжественным и официальным, как тогда, на конференции.

– Я с работы – пояснил он, и, кажется, остался доволен произведённым на неё впечатлением.

Лилии пахли невообразимо. Это был запах лета, отдыха и новой встречи со Славиком. Он вёз её на машине, которую купил совсем недавно. Но главный сюрприз был впереди. Оказывается, Славик переехал и вот уже месяц жил отдельно в большой квартире с балконом и восхитительной кухней, отделанной деревом.

Они обедали на этой кухне, а потом Славик поехал на работу. Таня же отправилась распаковывать вещи и отдыхать с дороги. Вечером они пошли к Славикиным родителям.

Марины-старшие были, конечно, очень рады их приходу.

– Вы не скучаете по Славику? – спросила Таня тётю Валю на ушко, пока они накрывали на стол, а Славик рассказывал дяде Саше последние новости на работе.

– Скучаем, конечно, – вздохнув ответила она, – но рано или поздно он должен был бы начать взрослую жизнь.

Ужин прошёл очень хорошо, вернулись Таня со Славиком в его квартиру уже поздно вечером. Утром выяснилось, что к предстоящей свадьбе нужно ещё готовиться. Танино платье помялось в пути, а у Славика закончились рубашки. Они стирали ворох его одежды, накопившийся за неделю, потом Таня гладила всё к следующему дню. День тянулся медленно, с клубничкой и чаепитием с тортом по случаю Таниного приезда. И только вечером они вышли в парк неподалёку и, сидя на скамейке под акациями, ели мороженое и смотрели, как постепенно темнеет небосвод и на нём начинают проглядывать первые несмелые звёздочки.

Церемония бракосочетания Маши и Николая была назначена на четыре часа в его загородном доме. Таня со Славиком выехали пораньше, так как не знали дорогу. Они долго плутали в посёлке роскошных загородных вилл с высокими заборами и редкими пешеходами. Наконец, нашли то, что нужно – широкие деревянные ворота и поток машин, заезжающих и высаживающих своих пассажиров.

Родители жениха и невесты, торжественные и волнующиеся, встречали гостей. Николай мелькнул на веранде с бокалом, в белой рубашке без пиджака, серых брюках и узком сером галстукe.

Таня со Славиком тоже поднялись на веранду. Во дворе уже было жарко – солнце грело и слепило во всю. Машина помощница Настя пробежала мимо, на ходу улыбнувшись и кивнув им.

И только Вероника, невозмутимая и спокойная, как всегда, создавала впечатление торжественности и солидности. Она сидела за высоким столом, где

были разложены карточки для гостей. Таня со Славиком подошли к ней, чтобы узнать, куда их посадили, и Вероника, обрадовавшись, кивнула им высокой причёской и улыбнулась полными розовыми губами. Поговорить с ней не удалось – всё время появлялись новые гости.

Церемония началась через полчаса в саду. Там был натянут огромный тент, украшенный цветами, а также звёздочками и сердечками из блестящей бумаги, от чего по траве, лицам приглашённых и столикам с закусками прыгали весёлые яркие блики.

Таня наконец увидела и Машу. Она вышла в сад и встала под цветочной аркой под руку с Микрюковым. Её рыжие волосы, зачёсанные назад и приподнятые кверху на затылке, горели огнём под ярким июньским солнцем, в ушах болтались длинные, практически до плеч, серьги, чёлка закрывала лоб. Она как никогда напоминала Тане лису Алису.

Микрюков уже надел свой серый пиджак в тон брюкам. Его лысина сияла, как и весёлые живые глаза, но Тане вдруг почудилось что-то нервное и неуверенное в их блеске.

Заиграла торжественная музыка и брачующаяся пара медленно двинулась в сторону ведущей. На Маше были высоченные каблук и она возвышалась над женихом, как башня, не менее чем на полголовы.

Они стояли далеко в толпе, и не слышно было слов, которые говорила в микрофон ведущая церемонии. Наверно, их уносил лёгкий ветерок, благодаря которому немного улеглась духота, стоявшая в воздухе, когда они только приехали.

Церемония длилась недолго. Все поспешили в дом, чтобы укрыться там в тени и прохладе от летнего солнышка. Большую часть зала-гостиной занимал роскошный буфет закусок с предупредительными молчаливыми официантами. Еды было так много, и её выбор был так разнообразен, что Славик сказал Тане:

– Да здесь только закусками можно наесться.

Гостей постоянно обносили прохладительными напитками. В углу был бар с напитками покрепче. Публика была самая изысканная. Таня подумала, что никогда ещё не появлялась на таком торжественном мероприятии, разве что на открытии ресторана “Виноградная лоза”. И она вспомнила, что там тоже была та же безликость, и ощутила бы то же одиночество в толпе, благо сейчас с ней был Славик. Помнится, в тот раз её спасла от этого Галина Макарьева.

Славик

День перед Машиной свадьбой прошёл как во сне. Они завтракали вместе, затем не торопясь собирались к предстоящему торжеству, и Славику представлялось, что они живут вместе, как женатая пара, и это ощущение казалось ему очень естественным и по-домашнему уютным.

На следующий день не нужно было рано вставать, и Славик нежился на диване в своём новом кабинете под полосатой махровой простынью, привезённой ещё из Ташкента. Солнышко не торопясь заливало деревянный пол и пускало на потолке светлые блики от лампы, стоящей на столе под окном.

Он слышал, как Таня встала и пошла в ванную, потом вышла, и её шаги удалились куда-то в сторону кухни. Тогда он тоже решил встать. Он умылся и потопал туда, откуда уже слышались звуки закипающего чайника и чего-то ещё, относящегося к завтраку. Таня в шортах и футболке хозяйничала, накрывая на стол.

– Привет, соня, – сказала она ему.

– Я проснулся раньше, просто не вставал! – запротестовал Славик.

Они готовили горячие бутерброды в микроволновке и открыли банку малины, перетёртой с сахаром, которую оставили ему родители. Во всём этом было что-то утреннее, сонное, когда не нужно торопиться на работу и рассчитывать, сколько времени уйдёт на пробки по дороге. Славик пребывал в самом благодушном настроении, похожем на то ощущение детства, с которым они с родителями ездили утром летом на дачу.

Проснулся он окончательно только тогда, когда уже нужно было собираться и выезжать, и Таня вышла в каком-то тонком, воздушном платье, чем-то напоминающем ему новые занавески, повешенные в его спальне. Она крутилась перед зеркалом, поднимая волосы в высокую причёску, а он всё смотрел, как замороженный, как это платье какого-то невообразимого оттенка каких-то спелых летних плодов, крутится вместе с ней.

Она попросила его застегнуть на ней цепочку, и он увидел, что это та самая цепочка с янтарем, которую он подарил ей на пляже в Тель-Авиве.

– Таня, если бы нам никуда не нужно было уезжать, – зашептал он ей в самое ухо, – я бы не пустил тебя никуда сегодня вечером.

Она повернулась и чмокнула его в щёку:

– И что вы всё торопитесь, господин Марин? У нас на всё ещё будет время.

Он вздохнул и пошёл одеваться. Таня погладила ему накануне брюки и рубашку.

Они ехали дольше, чем рассчитывали, и под конец заплутали бы совсем, если бы не увидели, как поток машин подъезжал к распахнутым настежь воротам большого загородного дома.

Они поднялись на веранду, где предлагали холодные напитки, фрукты и мороженое. Славик усадил Таню на плетённый стул, а сам отправился мыть руки. Он только вышел из закутка с умывальниками, как столкнулся с Машей. Она стояла в дальнем углу веранды к нему спиной в белом платье с вырезом до поясницы и крутила в руках зажигалку. Сигарета никак не зажигалась, и Славик удивился тому, что она начала курить.

Вот Маша обернулась и увидела его. Ему ничего не оставалось, как пойти к ней навстречу. Он вежливо кивнул и пробормотал поздравления. Маша явно

нервничала. Она щурилась и, наконец, зажгла сигарету, которая чуть не выпала у неё из рук за мгновение до того, когда она увидела, кто подходит к ней.

– Спасибо, Слава, – деланно улыбнулась она. – Вот, замуж решила выйти, если зовут.

Славик растерянно кивнул. Он опешил от такой формулировки.

– Николай очень успешный и влиятельный человек, – неловко откашлявшись, как будто извиняясь, продолжала она, – и я уверена, что мы составим очень выгодную пару.

Славик вдруг почувствовал к ней жалость. Опять в каждом слове был слышен тот холодный расчёт, который был ему знаком со времени их отношений.

– Маша, – сказал он серьёзно и убеждённо, – самое главное, чтобы ты была с ним счастлива.

– Я не знаю, могу ли я быть счастлива с кем-нибудь, – как-то тоскливо и просто ответила она.

Но вот её лицо вдруг изменилось в считанные секунды, когда она взглянула ему через плечо. Краткий миг откровенности был нарушен. Славик удивился, потом обернулся и понял, в чём дело – к ним по веранде шел Николай Микрюков.

Он пожал Славику руку, выразил радость и благодарность за то, что гость принял приглашение.

– Вы один? – потом спросил он, чуть помолчав.

– Нет, я пришел с Таней, – ответил Славик, внимательно всматриваясь в лицо собеседника, чтобы проверить его реакцию на эти слова.

– А, хорошо, – поспешно отреагировал Микрюков, – хорошо, – уже медленнее повторил он, как будто о чём-то задумавшись.

Потом взял Машу под руку и повёл её к гостям. Маша предусмотрительно избавилась от своей сигареты, которую всё мяла пальцами во время их разговора. Сигарета, перекувыркнувшись в воздухе и описав неровную дугу, полетела в близстоящие кусты.

Славик больше не разговаривал с Машей в день её свадьбы. И это немудрено – молодые были очень заняты, стараясь уделить внимание многочисленным гостям. Уже после церемонии он встретил в толпе Машиных родителей, разговаривающих с группой пожилых посетителей. Славик подошёл поздравить их и остался доволен тем, что они оба сияли. “Хоть кто-то был искренне счастлив в этой семье сегодня”, – подумалось ему.

Потом Славик решил вернуться к тому столику, за которым оставил Таню, и подходя ближе, увидел, что она по-прежнему сидит на том же месте, а перед ней стоит Микрюков и, низко наклонясь, целует ей руку.

– Прошу прощения, – быстро проговорил Николай, как будто Славик поймал его на каком-то преступлении.

Он сразу же отошёл и затерялся в шумной толпе танцующих – уже включили музыку, а Таня проводила его грустным взглядом.

– Что это было? – поинтересовался Славик.

– Прощание, – коротко ответила Таня, и по её тону он понял, что обсуждение этой темы не последует.

Они недолго пробыли на свадьбе Маши и Микрюкова. Вернулись домой, когда было ещё светло.

Таня крутилась на кухне, когда Славик проскользнул в небольшую комнату, отведённую под кабинет и плотно закрыл за собой дверь. Он волновался и не хотел, чтобы Таня увидела, как он приоткрыл ящик письменного стола и вытащил на начинающий вечереть свет маленькую коробочку.

В коробочке было кольцо. Они с Петрушей ходили в ювелирный магазин, расположенный недалеко от офиса, и выбирали там вместе, что могло бы подойти Тане.

Петруша Таню ещё не видел. Он появился в их организации уже после её предыдущего отъезда из Питера. А в Тель-Авиве Петруша был слишком занят знакомством с местными девушками, на что поощрял и Славика. Но тот отказывался, а по возвращению домой объяснил причину.

Решено, он женится. Столько лет прошло с тех пор, как он влюбился. Он пробовал даже забыть эту любовь и начал встречаться с Машей, но стоило Тане снова появиться на горизонте, и всё возродилось вновь. Вернувшись из поездки в Израиль после всего, что между ними там произошло, он и не мыслил себе жизни по-другому.

В таких или примерно таких выражениях, расхаживая в своём новом кабинете перед Петрушей, сидящим на его столе, он рассказывал о своих чувствах и соображениях по поводу предложения, которое твёрдо намеревался сделать Тане в этот её приезд.

– Да-а, – впечатленный его порывом, задумчиво протянул Пётр. – Теперь я понимаю, почему ты согласился пойти на свадьбу своей бывшей.

Славик остановился и вопросительно посмотрел на него. Эта фраза вырвала его из последних мыслей о предстоящем объяснении с Таней.

– Какая связь? – удивился он.

– Ну, я в том смысле, что это было бы странно. Но теперь все понятно, – поспешно добавил Петя и для убедительности покивал. – А где вы будете жить? – был его следующий вопрос. – В какой стране?

Славик вздохнул и с руками в карманах брюк покрутился на каблуках новеньких чёрных туфель.

– Не знаю. Я об этом пока не думал.

– А ты подумай, – посоветовал Петруша.

Но Славик пока он думал о другом – о ближайшем будущем. В маленькой сиренево-золотой коробочке лежало кольцо с зелёным камнем, под цвет Таниных глаз, и Славик не мог решить, когда же ему преподнести этот дар – за ужином? После ужина? Пока же он просто сунул коробочку в карман домашних штанов и вернулся на кухню.

Таня готовила что-то восхитительное, пахнущее специями, как оказалось, куриные крылышки. И Славик вызвался резать салат. “Как папа, – подумалось ему, – папа всегда режет салат, а мама готовит.”

Они задёрнули тюль на двери, ведущей на балкончик, чтобы не налетела мошкара на свет лампы, которую скоро пришлось включить. Уже пили чай, а Славик всё раздумывал над тем, когда же ему заговорить. Он украдкой поглядывал на Таню, но она была такая задумчивая, погружённая в собственные мысли, что момент казался ему не совсем подходящим. И он кусал потихоньку губу и строил планы на следующий день.

Таня ушла спать рано, а Славик остался сидеть на табуретке на кухне. Ему передалась Танина задумчивость, и всё смутно казалось, что она имеет ка-

кое-то отношение к сегодняшней свадьбе и Микрюкову, которого он застал возле Тани. Недаром же тот так поспешно ретировался при появлении Слави-ка.

Таня

Они уже вернулись, а она все прокручивала в голове события этого дня. Место свадьбы Маши и Николая было восхитительным. Ей всегда нравились праздники на природе. У Микрюкова был очень уютный и большой деревянный дом, зелёные лужайки вокруг, с клумбами и деревьями.

Что до самого хозяина этого роскошного имения, то Таня очень хотела бы порадоваться за него, но их последний разговор убедил её в том, что повода для радости не представилось даже на собственной свадьбе Николая.

Они выстояли недолгую церемонию во дворе, а потом вернулись в зал. Славик отошёл на время, и Таня просто глазела по сторонам, когда её нашёл Микрюков. Они вежливо покивали, приветствуя друг друга, и Таня успела произнести поздравления с таким важным событием в его жизни, как виновник торжества поспешно присел рядом к её столику, и, низко наклоняясь к ней, сказал:

– Таня, большое спасибо за поздравления.

Он помолчал, видимо, подбирая слова.

– Я знаю, что был момент между нами, к которому мы обещали не возвращаться, но я чувствую, что всё равно должен спросить тебя.

– Да? – Танин голос неожиданно для неё самой дрогнул.

Ей стало невыносимо жаль Микрюкова.

– Ты счастлива?

Это был немного неожиданный вопрос, но Тане было легко на него ответить.

– Да! – ответила она и улыбнулась.

И добавила:

– Я очень счастлива.

Она хотела в свою очередь задать и ему такой же откровенный вопрос, но не успела. Славик появился из-за угла веранды и шёл к ним через толпу гостей. Микрюков тоже увидел его и встал. Он нахмурился и сказал:

– Я очень рад за тебя, Таня.

Потом потянулся к ней и взял её за руку, которую, к полной неожиданности Тани, поцеловал. Так их и застал подходящий ближе Славик. Таня хотела пожелать Микрюкову, чтобы он тоже был счастлив с Машей, но тот уже извинился и ушёл.

Она вернулась с той свадьбы задумчивая. Голова была полна мыслей. До отъезда оставалась пара дней. Тане хотелось поговорить со Славиком и узнать, хочет ли он, чтобы она продлила билет. А пока они ужинали и обсуждали планы на следующий день. А потом Таня пошла спать. Славик сказал, что останется ещё поработать. Он и правда принёс на кухню свой ноутбук, объяснив это тем, что привык сидеть так – его кабинет выходил окнами на более шумную улицу.

Было уже далеко за полночь, когда Таня проснулась от того, что захотелось пить. В длинной белой ночной сорочке, самой себе показавшейся приведением, мелькнувшим в большом зеркале Славикиней спальни, Таня тихо прошла коридором на кухню. К её удивлению, Славик ещё не спал. Он сидел, задумавшись, за своим ноутбуком и поднял на неё усталые от долгого бдения глаза, когда она появилась на пороге.

– Ты ещё не спишь? – удивилась Таня.

И добавила:

– Я не хотела тебе мешать.

Она видела, что он был сосредоточен на чём-то.

– Пришла попить воды, – посчитала нужным она пояснить свое внезапное появление на кухне в такой поздний час.

– Ты мне совсем не мешаешь, – ответил Славик и потер глаза.

Таня налила себе воды в прозрачный стеклянный стакан.

– Хочешь пить? – спросила она Славика.

– Да, спасибо, не откажусь.

Она подала ему воду в его большой кружке, из которой, как она уже знала, он любил пить кофе по утрам.

Славик протянул руку за кружкой, а потом притянул Таню к себе и уткнулся головой в её живот. Таня замерла от неожиданности, а потом погладила эту тёмную голову, показавшуюся ей горячей.

– По-моему, тебе пора отдыхать, – тихо сказал она.

Славик что-то промычал в ответ, пытаясь одновременно кивать головой под её руками. Потом он встал и обнял Таню, сильно прижимая к себе, и она почувствовала его тепло сквозь тонкую ткань ночной рубашки.

Они целовались в абсолютной тишине, не доносилось ни единого звука с балкона, кроме далёкого стрекотания цикад из парка напротив. Потом Славик решительно взял Таню на руки и так же решительно отнёс в спальню. Он вообще был другой в этот вечер, и Таня хотела уже предложить ему остаться до утра и спать вместе на большой кровати, которую он отдал ей на время приезда. Всё было по-другому в этот раз, не похоже на их обе поспешные встречи в отеле.

Потом, когда Таня наблюдала, как из окна сквозь тонкие занавески в комнату струится бледный лунный свет, Славик приподнялся на локте и заглянул ей прямо в лицо, так близко, что она разглядела, какой это был сосредоточенный и серьёзный взгляд.

– Таня, – хрипло начал Славик и откашлялся, – выходи за меня замуж.

Это было так неожиданно, что она села в кровати и так же сосредоточенно уставилась на него. Повисло томительное молчание. Таня не верила своим ушам, она подумала, что ей это послышалось, что всё было сном. Она вернулась, легла спать, и ей приснилось, как Славик принес её на руках в спальню, и всё, что было потом. Но вот Славик погладил её по голому плечу и спросил:

– Ну, как, ты выйдешь за меня замуж?

– Да, конечно! – повинуюсь какому-то порыву, ответила Таня.

И ей показалось, что он давно уже думал об этом – о том, как он сделает ей предложение. И сегодня, когда на свадьбе Маши и Микрюкова они танцевали под старую песню группы The Platters – Twilight Time, а потом Only You с медленной, тягучей мелодией, песни о том, что некуда торопится, вечер длинный и нужно наслаждаться каждым мгновением и каждым аккордом, Славик обнимал Таню за плечи и, выходит, уже тогда знал, что скоро сделает ей предложение.

Или ещё раньше, когда встречал её в аэропорту, элегантный и официальный? А может, ещё раньше, в Израиле, когда они стояли на мосту на набережной? Как бы то ни было, но Таня почувствовала сейчас, что он уже давно всё

знал.

И какая-то новая пьянящая радость охватила её. Как будто перед глазами в миг пронеслась вся история их знакомства. Не с детского садика, конечно, а с более осмысленного возраста, когда она стала задумываться о будущем и ловить на себе Славикины осторожные взгляды.

Теперь его предложение руки и сердца, казалось, служило логичным продолжением тех отношений, что зародились тогда.

Она проводила его спать и уснула счастливая.

Близилось время отъезда, но в этот раз оно казалось не концом, а началом будущей жизни. Накануне вечером они навестили родителей Славика, чтобы поделиться с ними радостной новостью.

И снова, в который раз, Славик отвёз её в аэропорт. Всё было как в замедленной съемке в этот день – и их неспешные сборы, и тихое, спокойное прощание. Они сделали свой выбор и больше не будут страдать от разделённости. Новый путь открывался перед ними, и в нём не было теперь и мысли о расставании навсегда.

Таня легко вернулась в тель-авивскую реальность. Папа встретил её в аэропорту и привёз домой, где их уже ждала мама. Таня заметила, что они оба были взволнованы. Ещё накануне, будучи в гостях у Мариных, они звонили Таниным родителям, и те уже знали о том, что Славик сделал Тане предложение.

Антон вернулся домой в эти выходные, и не один, а с другом – Иланом. Они вместе играли в оркестре при своей части. Позже выяснилось, что они даже собирают свою группу.

Пару раз Илан приводил с собой свою младшую сестру Яэль, такую же смуглую и тонкую, как и он сам, с большими миндалевидными глазами и совершенно чёрными волосами. Яэль носила очки и была очень стеснительной, от чего говорила тихо и иногда невнятно. Их родителей привезли из Йемена ещё детьми.

В семействе Кувченко приветствовали желание сына общаться с местными ребятами. Армия явно шла на пользу большую часть времени погружённому в себя Антону.

Всё чаще теперь он пропадал в студии с новыми друзьями. Они писали песни. Ожидалось, что даже выпустят свой диск.

– А Яэль нескучно с вами? – как-то спросила мама Антона, когда он собирался в очередной раз к друзьям.

– Так она же у нас поёт! – недоумённо глядя на неё, ответил тот.

– Поёт? – удивилась мама. – У неё же дикция нарушена. И голос такой тихий.

– А! Это она стесняется! – с какой-то светлой, незнакомой улыбкой ответил ей Антон.

И, прихватив гитару, вышел.

Дни пролетали за днями. Таня не могла сказать, что часто общается со Славиком. Большую часть времени он был очень занят, возвращался домой поздно и выглядел усталым в камере скайпа. Таня с удивлением поняла, что они даже не обсуждали, когда же встретятся в следующий раз. Их беседы вообще были недолгими, каждый раз, когда они перезванивались.

Уже пролетели осенние праздники – Рош а-Шана (Еврейский новый год),

Суккот (праздник Кущей). Приближалась Ханука. Как-то вернувшись домой с репетиции, Антон объявил, что приглашает всю их семью на концерт, в котором он будет участвовать вместе с Яэль.

– И что вы будете исполнять? – поинтересовался папа. – Что-нибудь из последних сочинений?

– Нет, – покачал головой Антоша, – я буду играть на скрипке, а Яэль будет петь песню на арамейском. Про райский сад, – добавил он.

– И где проходит концерт?

– В Цфате. Не забудьте взять шапки и шарфы.

Они думали, что он шутит, но Антон не шутил. Середина декабря выдалась холодной. Температура опускалась до нуля ночью и едва поднималась до + 10 днём.

В Цфате было и того холоднее. Таня вспомнила, как в прошлую зиму по радио передавали, что только в двух городах – Цфате и Иерусалиме – выпал снег. Когда они, петляя по узким улочкам, выехали к небольшому зданию музыкальной школы, в которой проходил концерт, и вышли из машины, на улице стоял мороз, а натёртые временем до блеска светлые плитки старого города, которыми было выложено всё вокруг – и дома, и мостовые – показались вдруг ледяными.

Было уже темно, небо было беззвёздным, покрытым тучами, которых было не различить в кромешной тьме над высокими деревьями.

Они вошли в зал втроём. Антон приехал раньше, чтобы успеть ещё раз отрепетировать выступление.

Сначала шли детские номера учащихся школы. Антон и Яэль занимали одно из финальных мест в списке программы.

Но вот яркий свет погас. Остался гореть только жёлтый луч одинокого осветителя. Антон в папином чёрном костюме и белой рубашке, торжественный и серьёзный, вошёл в круг прожектора, взял скрипку и заиграл. Тихая мелодичная музыка с восточными мотивами наполнила камерный зал. Звуки, казалось, лились сами по себе. Антон всегда хорошо играл. Скосив взгляд на папу, Таня увидела, что он был очень доволен.

А потом рядом с ним в круге света появилась Яэль. Тоненькая, стройная, в серебристом платье, с волосами, поднятыми в высокий хвост, она была неузнаваема без очков. Яэль запела. Чистый, сильный, высокий голос наполнил всё пространство зала. Казалось, она пела, как дышала, без малейшего усилия, просто открывала рот большой буквой “О”, и невозможно было представить, что это та самая Яэль, которая шепелявила и стеснялась, когда мама за столом предлагала ей добавку.

Голос взбирался все выше по невидимым ступенькам нот. Антоша играл самозабвенно, закрыв глаза и качаясь в такт музыке.

Таня не разбирала слов, она только помнила, что песня, которую они исполняли, была про райский сад. Яэль и сама была похожа на какую-то райскую певчую птицу, по ошибке залетевшую в тесный зал музыкальной школы древнего города Цфата. Она брала ноты невысказанной высоты, и когда уже казалось, что спела самую высокую ноту, следующая оказывалась ещё выше.

Они закончили, и все зааплодировали. Илан встал с места в переднем ряду и протянул сестре букет белых цветов. Она наклонилась к нему. Мелькнул точёный профиль с тонким носом, который придал ему ещё большее сходство с

клювом неведомой птицы. Высокий хвост чёрных блестящих волос усиливал впечатление.

Антон и Яэль взяли за руки и вместе поклонились. Они смотрелись довольно экзотично рядом друг с другом – как кофе с молоком. Блондин с голубыми глазами Антон, во внешности которого никогда не проявлялось ничего семитского, и смуглая брюнетка с карими глазами Яэль, похожая на эбеновую статуэтку. И была какая-то гармония в одухотворённости их лиц, сделавшая возможным встречу двух детей таких разных миров, когда они переглянулись и, взявшись за руки, медленно ушли со сцены.

Они ушли, а им ещё долго хлопали. И Таня разглядела лица родителей – потрясённые и обрадованные явившимся им действием.

Славик

Декабрь выдался каким-то промозглым. По утрам, ёжась от холода в тёплом пальто, Славик сдавался и натягивал шапку, вытаскивая её из кармана. Шапок он никогда не любил, но погода не шла на компромиссы.

Какое-то спокойствие появилось в его душе, когда, замирая от собственной смелости и боязни отказа, Славик решился сделать Тане предложение. Он не вставал на одно колено, как видел это в фильмах, и как настоятельно советовал сделать Петруша. Коробочка с кольцом вообще осталась в кармане домашних штанов, которые валялись неведомо где в тёмной комнате, после того, как с Таней на руках, влетев по дороге в дверной косяк плечом, он оказался в собственной спальне, в первый раз не один.

Наверное, окончательное решение сделать предложение пришло благодаря обстановке его новой спальни. Мамины занавески неслышно шевелились от лёгкого ночного ветерка, и Таня была так близко, как, казалось, никогда не была и уже не будет. Как раз для того, чтобы удержать её так близко, понял Славик, он и должен сделать ей предложение именно сейчас.

Все было решено, не было пути назад, и произнося заветные слова, Славик был настолько не уверен в ответе, что даже удивился, услышав “да”. Сначала удивился, а потом неимоверно обрадовался. Как будто камень упал с души. Больше не надо думать, помнит ли она его или встречается с другим. Не нужно ждать более подходящего случая. Он получил от жизни всё, что хотел, и нет другого такого счастливица на этой планете, как Славик.

Таня улетала буквально через пару дней. Проводив её, Славик с жаром взялся за работу. Нужно было наверстать то время, когда он отсутствовал.

На удивление работы скопилось не так много.

Алина вошла в его кабинет, как только он включил компьютер в самом начале рабочей недели и стал проверять почту. Многие были в отпусках, поэтому повышенной активности не наблюдалось. Алина доложила обо всех звонках, полученных в его отсутствие, спросила о дальнейших распоряжениях. Она все понимала с полуслова и быстро записывала нужную информацию в маленький блокнотик. Длинный карандаш стремительно летал над страницами. Белесая чёлка взлетала вверх, когда Алина поднимала голову и устремляла на Славика сосредоточенный взгляд светлых глаз.

Её долговязая фигура в строгом костюме не только была отрадой для Натальи Семёновны, их начальницы отдела кадров, исповедующей дресс-код, как другие исповедуют буддизм, но и служила постоянным примером и укором для других сотрудников. Вкупе со спокойным характером и привычкой не засиживаться в столовой надолго после обеда, имидж, сформированный за то небольшое количество времени, что Алина успела проработать в их компании, не сделал её ближе и понятнее для коллег, особенно женского пола.

Исключение, пожалуй, кроме Натальи Семёновны, составляла только Даша. Но злые языки не преминули и этому найти правдоподобное объяснение. Сын Даши учился в Москве и приезжал в Питер только на каникулы. По мнению офисных экспертов человеческих душ, Даша мечтала познакомиться его с кем-нибудь, чтобы привязать к родному городу. Знатоки также утверждали, что сын Даши такой же замкнутый и чурается приличного общества. Вместе с Алиной он составил бы достойную пару.

И вот снова дни полетели за днями – совещания, командировки, презентации. Славик и не заметил, как закончилось лето. Он стал реже бывать у родителей, но те всё понимали и никогда не упрекали его в невнимательности. Наоборот, теперь, когда он реже успевал выбираться к ним, они приезжали сами с домашними пельменями, пирожками и всякими другими вкусностями.

В будние дни Славик едва успевал забежать в магазин за продуктами, но всё чаще по выходным его будил аромат свежесваренного папой кофе и приготовленных мамой блинчиков.

Родители оставались до вечера воскресенья, постепенно загружая его холодильник всякой снедью и отвлекая его от работы. Они и сами не представляли, какую услугу ему оказывают. Если бы не их неспешные разговоры и совместные просмотры фильмов, он так и сидел бы все выходные напролёт, уткнувшись в свой ноутбук. А так появлялся достойный повод отдохнуть и освежить голову перед очередной рабочей неделей.

Мама с папой часто спрашивали про Таню. Усаживаясь вместе у его компьютера, они даже звонили семейству Кувченко, чтобы узнать последние новости и поделиться своими. Это тоже шло на пользу Славику, которому и самому себе стыдно было признаться в том, что он всё реже стал звонить Тане сам. И не потому что не хотел, а потому что вечерами, когда отрывался, наконец, от очередной таблицы или отчёта, то понимал, что уже совсем поздно, и Таня уже давно спит.

Конечно же, ему по-прежнему хотелось видеть и слышать её, как раньше, но он уговаривал себя, что вот ещё полчаса, ещё час, и он соберется ей позвонить. И пролетали часы и дни, прежде чем Славику удавалось выполнить данное самому себе обещание.

Петруша тоже время от времени намекал на то, что они всё реже выбирались на природу в хороший день или в гости друг к другу, когда на улице стояла непогода. Зато он чаще стал навещать Славика в кабинете, куда приходил без какой-либо цели. Проходя мимо Алины он останавливался поболтать и с ней, пока Славик не понял, что именно разговоры с Алиной и являются основным предлогом посещения их отдела.

– Как Алина? – спросил как-то Славик у Петруши.

И от души расхохотался, увидев его смущённый вид и отведённый в сторону взгляд.

– Она, кстати, не такая занудная и высокомерная, как про неё говорят. И уж намного дружелюбнее тебя, – добавил Петруша, – всегда найдёт время для коллеги.

Славика очень позабавил этот разговор. Он был рад за обоих. Он вообще считал, что такая девушка, как Алина, поможет Петруше остепениться и не разбрасываться на случайные знакомства и связи.

Единственное, чего он не замечал, так это того, что на корпоративах и совместных обедах серый взгляд Алининых глаз под белесыми ресницами всё чаще был обращён совсем не в сторону его ближайшего друга. Он также не замечал, как Алина, заходя в его кабинет, всё чаще ищет повод задержаться. Славику же казалось, что она просто интересуется тем, как идут дела в их фирме, что всегда приветствовал в коллегам.

Такое положение дел продолжалось бы и дальше, если бы однажды поздно вечером Славик с флешкой в руках ни вышел к стойке с принтером возле Али-

ны. Его собственный аппарат забарахлил, а несколько копий завтрашней презентации должны были быть распечатаны и собраны в папки для предстоящего визита новых клиентов.

– Ты ещё здесь? – рассеянно спросил Славик, не поднимая взгляда от листа, который держал в руке.

– Да, – чуть помедлив ответила Алина.

– Я могу попросить тебя о помощи? Не в службу, а в дружбу, так сказать? – улыбнулся Славик.

– Конечно! – с готовностью откликнулась она.

И Славик опять не заметил поспешности её ответа, как и многое, чего он не замечал в последнее время.

Она встала со своего места и подошла к нему. Славик протянул ей флешку, на которой были необходимые для презентации файлы. Алина взяла её, невзначай коснувшись его руки, чего Славик опять не заметил. Потом она села обратно за свой компьютер, и вместе склоняясь к экрану, они открывали и распечатывали нужные документы.

В кармане у Славик тренькнул телефон. Это Петруша заждался его на парковке. Теперь Славик подвозил его до дома, чтобы тот не ездил на трамвае. Петруше приходилось ждать Славика иногда и допоздна – время, которое он проводил шутя и балагуря возле Алины, поминутно потряхивая рыжим чубом и сверкая на неё глазами. Его даже не смущала разница в росте, наоборот, приближаясь к Алине он весь подтягивался и распрямлял плечи.

В этот раз он уже излил ей весь набор шуток за сегодняшний день и был готов ехать вместе со Славиком домой. А тот вернулся в кабинет за дипломатом, а потом вспомнил про завтрашнюю презентацию и решил распечатать к ней материал. Вот почему Петруша уже скучал на улице и посылал Славiku сообщения, а тот торопился побыстрее закончить с помощью Алины затянувшийся рабочий день.

Оставалось открыть последний файл. Славик по привычке не глядя схватился за мышку, потом осёкся и отдернул руку, когда оказалось, что на ней уже лежала Алинина рука. Он что-то пробормотал, глянув мельком в её лицо. Излишне было, с его точки зрения, рассыпаться в многочисленных извинениях, так как Алину он воспринимал, как коллегу, и не более того. Он мимолётом удивился тому, что она не смотрела на экран, а, казалось, уже давно разглядывала его сосредоточенное на задании лицо. Её обычно бледные щеки покраснелись, и она с видимым усилием отвела взгляд от близко склоненного к монитору лица Славика.

Краем глаза он уловил, что Петруша появился в проёме двери, ведущей в комнату, где сидела Алина, и опёрся о косяк, с интересом наблюдая за открывшейся ему сценой.

– Я уже заканчиваю! – бросил ему Славик.

– Да можешь не торопиться. Как будто завтра на работу! – ответил Петруша, развернулся и исчез с поля зрения.

Но Славик уже и сам понимал, что задержался. Он схватил пачку ещё тёплых, только что отпечатанных листов с принтера, на ходу пожелал Алине доброй ночи и поспешно ретировался.

Пётр уже ждал его в машине – Славик заранее дал ему ключи.

– Ну, что ты скажешь в свое оправдание? – поинтересовался у него Петру-

ша, как только Славик сел за руль.

– Да представляешь, совсем забыл, что завтра встречаюсь с новыми клиентами, – сказал Славик, вырубивая с парковки.

– И поэтому ты флиртуешь с Алиной, хотя прекрасно знаешь, что она мне нравится?

– Ну, если просьбу помочь распечатать пару файлов можно назвать флиртом, а не лишней нагрузкой по работе! – рассмеялся в ответ Славик.

Он замолчал и повернул голову к своему собеседнику, когда понял, что смеялся он один.

– Ты серьёзно? – удивился он и даже сбавил скорость от неожиданности.

– Ты бы видел, как она на тебя смотрела! – с досадой ответил Петруша. – Я ухаживаю за Алиной уже несколько месяцев, но никогда ещё не видел такого взгляда.

Он вздохнул и остался сидеть глядя прямо перед собой. А Славик подумал, что не поверил ему. Он никогда не пользовался успехом у девушек и не привык к обсуждению отношений. Да, они с Петрушей иногда делились сокровенным, но чаще всего это были рассказы о том, как Петруша, в который уже раз, расстался с очередной пассией и не знает, как могло так получиться. Вроде и девушка хорошая, и интересы совпадают, а что-то не клеится, не хватает чего-то.

Во время таких разговоров Славик чаще всего молчал. Что мог он посоветовать другу, который на третье свидание приглашает девушку к себе домой? Он и помыслить не мог о таком, когда думал о Тане. Наверное, все дело было в том, что когда он влюбился в неё, они были ещё детьми.

Пьедестал, на котором стояла Таня, а точнее, куда он сам её воздвиг, вздымался высоко над Славиковой головой. Ему приходилось сильно задирать голову, чтобы разглядеть улыбку на её лице. И не всегда получалось угадывать выражение её глаз – скорее всего потому, что когда так далеко откидываешь голову, то солнце светит в глаза и затмевает любимое лицо, и видно только горящий ореол вокруг головы, на который больно смотреть.

Да, недавно вдруг произошло чудо. Он знал, что люди, попадая за границу, иногда ведут себя не свойственным им самим образом – делают дорогие покупки и совершают всякие безумства. Славик же повезло. Пьедестал, на котором стояла Таня, вдруг зашатался, и она, легко вздохнув, спрыгнула вниз, прямо ему на руки. Славик и смотрел на это до сих пор, как на чудо, не в силах поверить, что сбылось всё, о чём он так мечтал. Ещё сложнее было представить себе, как поступить в новой реальности.

Современные отношения, принятые в кругу знакомых Петруши, в котором вдруг оказался и Славик, когда подружился с ним, шли вразрез с его представлениями о любви. Да и не было любви в тех отношениях, как ему виделось это со стороны. Всегда со стороны, так как, верный своей мечте, как и тогда, ещё в школе, он не стремился в гущу событий. Он видел искания этих новых знакомых и от всей души их жалел, но никогда не высказывался вслух и не судил о том, от чего был так далёк. Далёк настолько, что и представить себе не мог, что однажды очутится в таком же положении.

Между тем дни шли за днями, а Славик всё реже звонил Тане, причём, во все не по собственной вине, а лишь потому, что их начальница отдела кадров Наталья Семёновна, стремясь сблизить коллектив, выступила с политикой

проведения совместных мероприятий, которые случались теперь куда чаще, чем того требовал календарь праздников и дней рождения. Отныне они собирались в кафе недалеко от офиса два раза в неделю по вечерам, что автоматически означало, что Славик не мог уже, как раньше, задержаться допоздна в эти дни. Следовательно, нагрузка падала на оставшиеся три, в которые он стал возвращаться ещё позднее, и было уже не до звонков.

Он звонил ей по выходным, но это были такие общие звонки, когда родители были дома и время от времени присоединялись, чтобы обменяться новостями. Славик ловил взгляд Таниных глаз и силился определить, что же они выражают. Вроде они уже были помолвлены, но дату свадьбы всё никак не назначали. И папа шутил уже, что Славик, как собака на сене, занял руку девушки, а сердце отдать не торопится. И Славику казалось, что Танин взгляд грустнел, и ответы становились все односложнее. Он очень хотел, но не представлял себе, как скажет ей: “Переезжай жить ко мне.” Ведь она живёт в более развитой стране, а вдруг она не сможет жить здесь и уедет обратно?

Пока он так рассуждал, их разговоры становились всё короче, вечера с коллегами всё длиннее. И как-то так вышло, что однажды Славик проснулся утром и понял, что Танин день рождения был вчера. И это как раз был день их очередных посиделок в кафе рядом с работой.

Петруша был очень расстроен в тот вечер – Алина не пошла с ним танцевать. Она вообще ушла раньше, и Пётр подозревал, что она начала с кем-то встречаться. Он выпил лишнего, и Славику пришлось подвозить его до дома и завести в квартиру, чтобы убедиться, что с другом всё в порядке.

Это было вчера, а сегодня ничего уже нельзя было изменить! Он не поздравил Таню с днём рождения! И не то чтобы он не знал, когда у неё день рождения или ему не хотелось ей звонить. Наоборот, он повторял себе в течение всего рабочего дня, что уйдёт пораньше, уютно устроится с ноутбуком на кухне, которая так нравилась Тане, позвонит ей и предложит выпить шампанского онлайн.

Всем этим планам не суждено было сбыться. День выдался напряжённый, они позже вышли с работы в надежде, что начальница отдела кадров Наталья Семёновна сжалится над ними, и очередной вечеринки удастся избежать. Но не тут-то было. Зорким взглядом оглядев весь коллектив, собравшийся у выхода из офиса, неумолимая “Семёнушка”, как её за глаза называли сотрудники, скомандовала: “Ну, пошли!”. И им всем ничего не оставалось, как последовать за ней.

Славик шёл рядом с Петрушей и Алиной. Пётр болтал без умолку. Славик знал, как друг ждал этого вечера. Дело в том, что он решил непременно уговорить Алину пойти с ним танцевать. А во время танца предложить совместную поездку за город. Они даже фотографировались сегодня на память об этом дне на Алинин телефон. Она обещала выслать им обоим фотографии. Но в тот день всё шло наперекосяк. Уже через час их разговора втроём Алина вдруг спохватилась, взглянула на часы и поспешно встала со своего места.

– Извините, я совсем забыла! Мне уже нужно идти.

– Куда ты? – удивился Петя.

– Да так, дела.

И она так же поспешно отпросилась у Семёнушки и убежала. Пётр стал мрачен.

– Как же, дела! – с тоской проговорил он. – Какие в такое время дела? Она наверняка с кем-то встречается!

Напрасно Славик пытался вразумить друга, сказав, что Алина наверняка дала бы понять Пете, что несвободна. Тот не слушал. До конца вечера они проторчали у барной стойки, от которой Славик не в силах был его оторвать. Все уже ушли, и Петя, свободный от начальственного ока, позволил себе выпить лишнего. Он всё говорил, а друг внимательно его слушал.

– Пойдём! – позвал его, наконец, Славик. – Завтра же на работу!

Петя с трудом согласился уйти. Подъезжая к его дому, Славик досадовал, что уже так поздно. Таня скоро выключит компьютер и пойдёт спать.

Утешало только одно. Он узнал незадолго до этого, что существует служба посылки цветов за границу и заранее попросил Алину выслать Тане букет с открыткой. Это, конечно, не заменяет личное поздравление, но лучше, чем совсем ничего.

Он намеревался только помочь Пете раздеться и сразу же уйти. Но тот вдруг опять начал свои излияния, и Славiku пришлось задержаться ещё. Он не смотрел уже на часы, глаза слипались. Славик отправил Петра в душ, а сам присел на диван в зале.

Проснулся он уже утром от того, что друг теребил его за плечо.

– Слава, вставай, на работу опоздаем!

– Вот чёрт! – только и мог сказать на это Славик.

Он стремительно соскочил с дивана, на котором, оказывается, проспал всю ночь, и теперь стоял и смотрел на Петрушу обеспокоенным взглядом.

– Да ладно, время ещё есть, – попытался успокоить его Петя. – Не переживай ты так!

– Ты не понимаешь! Я не поздравил Таню с днём рождения!

Пётр виновато замолчал. Он, конечно, извинился за то, что всё так получилось. Славик не обижался на него. Он винил только себя.

До работы они доехали в тяжёлом молчании. Как только вошёл в кабинет, Славик сразу же кинулся звонить Тане, но она не была в сети. И не мудрено, ведь это же был обычный рабочий день. Она не появилась в скайпе и вечером, и весь следующий день. А потом Славик улетал в очередную командировку. Он увидел, что она зашла в скайп, и звонил ей из гостиницы, но она не отвечала. И мрачное предчувствие охватило Славика. Не зная, что делать, он обратился за помощью к Жене.

Таня

Накануне своего дня рождения Таня обсуждала с подругами, как лучше его отметить. Дина и Диана звали её в кафе. Но Таня отказывалась. Наоборот, она решила уйти домой пораньше. Дело в том, что ей очень хотелось поговорить со Славиком. Она была уверена, что он ей позвонит, они уже давно долго не разговаривали. Почти всегда звонки проходили в присутствии родителей с обеих сторон, а Тане хотелось, чтобы всё было, как раньше – с обсуждениями новостей и планами на будущее. Ведь они же помолвлены! Должны же быть у них совместные планы!

Таня теперь носила на среднем пальце правой руки кольцо, которое подарил ей Славик перед отъездом. Оно ей очень нравилось. Мама сказала, что цвет камня очень подходит к Таниным глазам. Таня любила время от времени проводить по кольцу рукой и ощущать холод полоски и сам камень, как знак Славикино присутствия.

Таня до сих пор не могла очнуться от неожиданного, как ей казалось, Славикино предложения. Конечно, в тайне она его ждала, но не думала, что всё произойдёт так скоро. Их отношения длились всю их сознательную жизнь, но признаться во взаимной привязанности они смогли только после внезапной близости.

Тане не хотелось думать о практической стороне дела. Не важно, где они будут жить. Ведь главное оставаться вместе, поддерживать друг друга и делиться всем, как раньше. Ей так повезло! Её лучший друг стал её женихом.

Совсем скоро Таня узнала ещё об одной свадьбе, на которую была приглашена подружкой невесты. Лиза и Сергей решили пожениться.

Она поехала на их свадьбу одна. Мероприятие было назначено на вечер вторника – самая середина недели. Родители не смогли присоединиться к ней, а Таня взяла выходной.

Она вошла в богато украшенный зал торжеств прямо на въезде в промзону Хайфы. Лизины родители встретили её, улыбающиеся и счастливые. Она обняла их по очереди, и они показали ей, как пройти в комнату невесты.

Таня вошла и обомлела. Лиза сидела на обитом бледно-зелёным бархатом пуфе напротив огромного трюмо. Вокруг неё суетились какие-то люди – девушка-визажист поправляла причёску, тут же два фотографа наперебой щёлкали аппаратами, отходя на полшага, на шаг от зеркал.

Лиза была в чём-то пышном, воздушном, обрамляющем, как фантик конфетку, её обычную уютную полноту. Белая кожа казалась ещё белее и сияла в блеске ламп, высокая причёска открывала маленькие раковины ушей. Лиза была неотразима, светилась какой-то неземной красотой. Она поймала Таню взглядом в зеркале и улыбнулась ей – величественная и недосыгаемая, как белая северная звезда.

Лиза встала чуть поспешнее, чем обычно это делала, подхватила свои необъятные юбки и сделала шаг в сторону Тани. Её свита мгновенно, как водоросли за приливом, качнулась за ней. И вот уже оба фотографа щёлкают без усталости аппаратами, снимая, как обе подруги, хохоча и перебивая друг друга, что-то говорят и тянутся друг к дружке через ворох нижних, верхних и всех возможных других юбок Лизиного наряда.

– Хороша! – только и смогла вымолвить Таня.

Лиза душила её в объятиях, беззаботно смеясь. Таня тоже попробовала шагнуть к ней поближе, но чуть не споткнулась, и вот они обе уже заливаются счастливым смехом к радости любителей естественных сцен – фотографам.

Обстановка была самая домашняя и непринуждённая. Раввин под хупой шутил на идише и сорвал аплодисменты, когда начал петь. Лиза и Сергей танцевали свой первый супружеский танец, а на них сверху сыпались красные сердечки. Самые младшие гости кинулись их собирать. Таня стояла и не могла наглядеться. Потом они обе ещё шептались о том, как прошли приготовления к свадьбе. Все эти мелочи остались в Таниной памяти надолго, как одни из самых светлых воспоминаний. Довольная, она вернулась домой. Ей было, что рассказать родителям.

Но вот дни проходили за днями, превращались в месяцы, и Таня всё ждала от Славика звонков, и не всегда дожидалась. Она начала недоумевать, что же происходит. Создавалось такое впечатление, что Славиково предложение только отдаляло их друг от друга, а не сближало. Поэтому Тане очень хотелось с ним поговорить. Только в разговоре с глазу на глаз она поймет, что у него на душе.

Итак, в свой день рождения Таня ушла с работы пораньше. Подружки и коллеги тепло поздравили её. Она возвращалась домой довольная, с цветами. Родители поздравили её ещё с утра и должны были вернуться только к вечеру. В предвкушении ещё большего счастья, которое, она знала, принесёт ей свидание со Славиком, как она уже мысленно назвала этот разговор, она включила компьютер.

Она надеялась, что он будет свободен и, увидев её в сети в такой важный для неё день, сможет позвонить с работы, закрыв дверь в свой кабинет и попросив не беспокоить, если кто-нибудь вдруг захочет зайти к нему. Даже если им не удастся поговорить, они продолжат общение, когда он вернётся домой. В сообщении, полученном от Славика накануне, он писал, что мечтает сесть с ноутбуком на кухне и позвонить ей.

Но нет, Славика не было в скайпе. Решив не поддаваться лёгкой досаде, Таня решила, что он занят на работе. Скорее всего, позвонит уже из дома. Это может быть поздно, но зато ничего не будет его отвлекать. В таких поздних звонках тоже была своя прелесть. Они пили чай, чокаясь кружками с экранами и шутили о любви на расстоянии.

Родители вернулись и позвали Таню за праздничный стол. Ей не хотелось засиживаться в другой комнате, чтобы не пропустить звонок от Славика. Родители всё понимали. С куском именинного торта Таня отправилась за компьютер, хотя жалко было оставлять маму с папой в такой день за десертом одних.

Таня включила фильм, а сама краем глаза косилась в правый нижний угол экрана, ожидая, когда же всплывёт сообщение о том, что Славик зашёл в скайп. Но вот уже и фильм подходил к концу, а Славик всё не появлялся. Таня просидела так до полуночи. Уже и родители приходили поцеловать её на ночь. Завтра нужно было отправляться на работу. Таня недоумевала, что же могло произойти. Может, какие-то технические неполадки? Завал на работе? Срочный проект? Таня с удивлением поняла, что впервые за столько лет Славик не поздравил её с днём рождения. Вздохнув, она выключила компьютер.

Наутро в почте её ждал целый ворох поздравлений – от одноклассников,

друзей с программы изучения языка, просто знакомых. Она зашла в Фейсбук и прокрутила ленту. Внезапно на одной из фотографий мелькнуло знакомое лицо. Остановившись, Таня поняла, что это Славик был отмечен на снимке с хорошенькой девушкой-блондинкой в каком-то кафе. Дата стояла вчерашняя.

И как будто бы потемнело всё вокруг. “Так вот как провёл он вчерашний вечер...” пролетело у Тани в голове. Закрыв глаза от обиды и разочарования, Таня сняла с руки обручальное кольцо.

А на следующий день утром, когда она уже собиралась на работу, её отвлек звонок в дверь. Таня открыла. За дверью стоял посыльный.

– Татiana? – с трудом произнося русское имя спросил он.

– Да, – ответила Таня на иврите.

– Распишитесь, это Вам, – сказал он и протянул ей красивую подарочную коробку нежного сиреневого цвета, повязанную большим розовым бантом.

Когда он удалился, на ходу звоня по телефону, она закрыла дверь и пошла в свою комнату. Там она развязала роскошный бант, и её взгляду предстал букет из красивейших цветов – розы, лилии, гортензии, анемоны. Комната мгновенно наполнилась волшебным, чарующим ароматом. “Боже, какая красота!” – подумалось ей. К сожалению, коробка не содержала ни намёка на то, от кого был этот неземной подарок. Таня пожала плечами. “Может, вообще ошиблись адресом?”

Этот подарок, каким бы красивым ни был, напомнил лишь о том, что Славик ей так и не позвонил. Ей не хотелось заходить в скайп. Так прошла неделя. Как-то вечером, вернувшись с работы, она включила компьютер и через какое-то время раздался звонок. Это была Женя.

– Привет! Как дела? – начала она.

– Да всё хорошо, – удивилась Таня. Как ты? –

Они же совсем недавно разговаривали, когда Женя поздравляла её с днём рождения.

– Я тоже хорошо.

Женя помедлила. Потом, как будто решившись, сказала:

– Мне звонил Славик.

Таня тоже помолчала, а потом тихо проговорила:

– Ах, вот как! А мне нет.

– Поэтому я и звоню, – сообщила Женя. – Он не мог тебе дозвониться в тот день. Просил передать, что очень сожалеет. И никак не может поймать тебя здесь.

Она рассказала Тане всю историю с неудачным походом на корпоратив, как ей передал её Славик. Таня слушала задумчивая, а потом спросила:

– А он не сказал, что был там с девушкой?

– С какой девушкой? – удивилась Женя. – Он с другом ходил.

Но всю её уверенность как рукой сняло. Они в задумчивости смотрели друг на друга. В этот момент у Жени за спиной раздался какой-то голос.

– Ой, мне надо бежать. Потом обязательно поговорим! – бросила она.

Таня кивнула ей и отключилась. И вышла из скайпа. Ей совсем не хотелось больше разговаривать ни с кем.

Так прошёл месяц. Ещё лили мартовские дожди, но на улице было уже совсем по-весеннему. Родители собрались и уехали отдыхать в Италию.

Таня была дома вечером одна, как раздался едва слышный стук в дверь.

Сначала ей даже показалось, что послышалось. Но нет, вот стук раздался вновь. Было довольно поздно для визитов – шёл одиннадцатый час, и Таня уже собиралась ложиться спать. Она всё же пошла открывать и не сразу узнала невысокого лысого человека, стоявшего у её порога. С него стекали ручьи воды. Приглядевшись, в неверном свете подъезда Таня вдруг разглядела кто это.

– Николай! – воскликнула она в изумлении.

Пожалуй, это был последний человек, кто мог вот так запросто постучаться к ней в дверь.

– Таня, не прогонишь? – он улыбался, хотя с его куртки продолжала стекать вода.

– Заходи! Как ты тут оказался? – её удивлению не было конца.

– Да вот, решил навестить.

Он прошёл в квартиру и огляделся.

– Как у вас уютно!

Таня продолжала разглядывать его.

– Что ты здесь делаешь? – опять спросила она. – И как ты узнал мой адрес?

– Вероника раздобыла.

Он помолчал. А потом сказал то, что однажды она слышала совсем от другого человека.

– Таня, я расстался с Машей.

И выжидающе замолчал. Она не знала, что ответить. Только села на диван. Он продолжал стоять перед ней, совершенно мокрый. И тогда она вдруг пришла в себя:

– Снимай с себя это всё.

Он послушно потянул себя за рукав куртки, под которой оказалась рубашка с мокрым воротом, снял и её. Таня продолжала наблюдать эту сцену. Потом он просто шагнул к ней и самым неожиданным образом заключил её в объятия. И вдруг вся боль, накопившаяся в ней за этот месяц, прорвалась наружу горячими слезами.

– Таня, что ты плачешь? – громким испуганным шёпотом спросил Николай. – Мне не нужно было приходить? – едва слышно спросил он.

Но так как она не отвечала, то продолжал обнимать её все крепче.

Он остался на ночь, в течение которой у них было время поговорить и обсудить все свои последние горести.

Когда родители вернулись из поездки, то были очень удивлены. Конечно, Таня сообщила им о неожиданном приезде Микрюкова, ещё когда они были за границей. Он нашёл себе небольшую квартирку на съём, но они продолжали видеться, и очень часто Таня оставалась у него ночевать.

Он внимательно выслушал её, когда она рассказала, что произошло между ней и Славиком. Тане же стоило огромного труда выяснить, что же произошло с ним самим. Наконец, после нескольких неудачных попыток, видимо поняв, что если он претендует на её откровенность, то должен объясниться и сам, Николай, хмуря брови, сказал:

– Наш ребёнок умер.

Они сидели на тесном балкончике его съёмной квартиры, куда с трудом можно было втиснуть столик и два плетёных кресла.

Это сообщение потрясло Таню до глубины души.

– Умер?! А что произошло?

– Умер, не успев родиться, – также кратко пояснил он.

– А как же Маша?

– Была безутешна, но потом пришла в себя. Но я больше не мог оставаться с ней.

– Почему же?

– Мне что-то мешало. Видимо, винил себя за происшедшее. Меня не было тогда рядом. Я был в командировке, а когда вернулся, ничего нельзя уже было изменить.

Они напряжённо молчали, и Тане подумалось, что ему было так тяжело, а он, вместо того, чтобы страдать от собственных горестей, как мог, старался поддержать её. Его горе было сильнее. Тане даже подумалось, что в той, другой семье была настоящая жизнь, а её семья разрушилась, не успев создаться, умерла не родившись, как ребёнок Николая и Маши.

А ещё через месяц Таня проснулась неожиданно среди ночи от страшного предчувствия надвигающейся беды. Она повернула голову и увидела лицо Николая, искажённое мукой боли. Он стиснул зубы, чтобы не кричать, но она видела, с каким трудом ему это удавалось.

– Что случилось? – встревоженным шёпотом спросила Таня.

– Да, наверное, что-то съел не то, – постарался ответить Николай как можно более спокойно.

– Живот болит? – продолжала выяснять Таня.

– Да, у меня так бывает. Говорят, камни в желчном пузыре. Ещё пару месяцев назад был у врача, ничего толком не могли найти.

– И сильно болит?

– Нестерпимо, – он пытался отдышаться, но ему становилось только хуже.

– Давай вызовем скорую.

– Да я не хотел тебя будить.

Но Таня уже встала и искала телефон.

Команда парамедиков приехала очень быстро. Уже через полчаса они были в приёмном покое, где Николаю дали большую дозу обезболивающего. Им пришлось остаться до утра, чтобы пройти все проверки и получить результаты. Они оказались неутешительными. К их общему ужасу, у Николая диагностировали рак.

Не дождавшись общего обхода, к ним в палату вошел врач – тихий, грустный человек с труднопроизносимой грузинской фамилией. Он спокойно расспрашивал Николая о самочувствии, был очень серьёзен, а под конец беседы сказал:

– Результаты точны на восемьдесят процентов. У нас ушло немало времени на то, чтобы исключить другие возможные причины болей. Всегда есть надежда, – помолчав и серьёзно взглянув в глаза Николаю сказал он. – Но я не имею права скрывать от Вас, насколько тяжело Ваше положение.

И грустный врач оказался прав. Николай сторел в считанные месяцы, как свеча, которую вовремя не укрыли от порыва злого ветра. Вероника прилетела прощаться со своим начальником, оставив дома маленького ребёнка. Таня впервые видела её в таком состоянии. Неизменно спокойная, верная секретарша была в сильном потрясении.

– Да где же справедливость на этом свете? – утирая продолжавшие катить-

ся слезы, спрашивала она у Тани. – Ведь он же себя не жалел, уже много лет он поддерживал больницу для больных раком детей, и два детских дома. Что же это такое?

Таня не знала ответа. Она, закусив губу и глядя в пространство невидящим взглядом, думала только о том, что узнала этого человека по-настоящему только тогда, когда его уже не стало. И была какая-то мутная и тяжёлая тоска во всём, что происходило после.

Вероника занималась всем сама. Таня и хотела было помочь, но какая-то апатия сковала её и не давала продохнуть. Среди ночи она просыпалась с сильно бьющимся сердцем. Ей тяжело было дышать. Так тяжело, что она вставала, подходила к тёмному окну и, ничего не увидя там, снова медленно возвращалась в пустую постель.

Таня продолжала автоматически ходить на работу и жить в квартире Николая. Срок его аренды истекал через два месяца. Таня могла съехать с квартиры, но что-то удерживало её. Воспоминания? Трудно назвать воспоминаниями то, что происходило всего неделю, месяц назад. И трудно принять сам факт происходящего.

Родители настойчиво уговаривали Таню вернуться домой раньше срока, но она отказывалась. Ей было больно отпустить всё, что было связано с этим местом. Она сама себе казалась бы дезертиром, сбежавшим раньше времени с поля боя. Ей только было невдомёк, что бой уже окончен, и пора бы подсчитывать потери. Видимо, это и было тяжело – смириться с потерей только что обретённого счастья, а скорее, только намёка на него.

Тогда родители позвонили Лизе. Таня сама не очень хотела её беспокоить. Лиза была беременна. Но выхода не было. Подруга появилась у неё на пороге с сумкой и большим животом. Сумка означала, что Лиза не торопится возвращаться и останется на столько, сколько нужно. Живот означал же, что ей, возможно, придётся оставить Таню раньше, чем того хотелось бы ей самой.

– Лиза! – удивилась Таня и рассеянно поцеловала подругу в щёку.

Лиза, запыхавшись после подъёма на третий этаж, села перевести дух на диванчик в салоне. Они молчали. Нечего было говорить.

– Пойдем, я налью тебе чаю, – зябко ёжась от ноябрьской промозглой влажной прохлады, устало сказала Таня, как будто очнувшись.

Она вообще чувствовала теперь только постоянную усталость, наверное, от того, что по ночам лежала без сна.

Они пили чай в холодной сырой квартире. Не спасал газовый обогреватель, приобретённый Николаем по дешевке в интернете. Таня уже и не включала его, когда была одна. Они обе молчали. Нечего было говорить.

– Женя звонила. Не могла тебя поймать в скайпе, – наконец сказала Лиза, глядя Тане в глаза серьёзным немигающим взглядом.

– А-а-а, – протянула Таня, – а я и не захожу туда.

– Я так и поняла, – также медленно ответила Лиза.

Они обе легли спать пораньше, а под утро Таня проснулась от того, что услышала, как тяжело Лиза дышит, и сразу всё поняла.

– Давно началось? – спросила она.

– Два часа назад, – с видимым усилием проговорила Лиза.

– Вызовем скорую?

– Да подождём ещё.

Но Таня не могла ждать. Несмотря на уговоры подруги, она достала ту самую сумку со всем необходимым, которую Лиза привезла с собой, и вызвала скорую. Через полчаса они уже были в палате, откуда Лиза гнала Таню.

– Иди домой, что ты будешь тут торчать? Серёга скоро приедет.

Но Таня мотала головой и продолжала сжимать её руку. Роды были стремительными. Серёга застрял в пробке на въезде в Тель-Авив, и ребенок – мальчик, крепыш с тёмными волосами и хорошо развитыми лёгкими, судя по звукам, которые он издавал, родился очень быстро. Счастливый отец вбежал, запыхавшись и на ходу снимая куртку, уже когда Лиза сидела с подушкой за спиной и пила горячий крепкий чай.

Они обе уже успели рассмотреть малыша, когда его взвесили и запеленали. Несмотря на то, что родился до срока, мальчик был здоров и обладал богатырским аппетитом. Таня почувствовала себя лишней и вышла, чтобы им не мешать, когда Серёга спешно поздоровавшись с ней, кинулся к Лизе и стал расспрашивать её обо всём. Таня не слышала его вопросов. Она, усталая, поехала домой.

И снова ощутила привычную уже пустоту. Близкие люди были заняты своей жизнью, и только Таня осталась не у дел. Пустота была тёмной и гнетущей. Дождь лил не переставая, отдалённо напоминая ту сплошную завесу тоски, которая царила в её душе.

Вечером все ещё лил дождь, когда раздался стук в дверь, и Таня очень удивилась, так как никого не ждала сегодня. Она всё равно пошла открывать. На её пороге стоял человек, с куртки которого стекала вода сплошными струями. Таня не сразу смогла разглядеть, кто это пожаловал к ней. Потом узнала и ахнула. Это был Славик. Он стоял так же, как некогда Николай – весь облитый дождём, мокрый с головы до ног.

– Таня, я к тебе, – тихо и серьёзно сказал он.

И Таня егопустила. Она наблюдала, как он снимает куртку и ботинки и ощущала, что ничего не чувствует. Совсем ничего. А ведь теперь надо что-то говорить, думать о чём-то – в общем, совершать все те действия, к которым Таня была сейчас совсем не готова.

Но он, похоже, всё понимал. Он сел рядом с Таней на диван и сжал её ледяные руки. Так они и сидели, молча. Не о чем было говорить.

– Прости, что приехал так поздно, – наконец сказал Славик. – Мне нужно было получить визу, – пояснил он.

И Таня молча кивнула.

– Я разговаривал с твоими родителями, – помолчав сказал Славик. – Они ждут нас. Тебе нужно вернуться домой.

Он говорил тихо, но очень настойчиво. Таня не нашлась, что ответить. Она вдруг поняла, что он не забыл и не оставил её. Женя была права. Никого у него не было, кроме неё. Смутно знакомое чувство поднималось в ней. Как будто приближалась волна и, казалось, сейчас накроет её с головой.

Это было как на море, когда они с папой и Антошей пошли на пляж. Антоша только начал учиться серфингу и взял с собой новенькую доску. Они отошли довольно далеко от берега. Море было спокойно. И вдруг пошла волна. Издалека она казалась совсем не большой, и Таня не поняла, почему громко и настойчиво засвистели спасатели со своей вышки. Один из них даже взял в руки громкоговоритель и начал быстро что-то выкрикивать. Но Таня ничего

не слышала, её как будто парализовало. На неё шла, надвигалась волна. Она в два счёта перевернула Антошину доску, и та довольно чувствительно стукнула Таню по голове. Всё перемешалось, и всё происходило слишком быстро. Быстрее, чем она могла реагировать и действовать. Папа схватил её за руку, и они нырнули под воду. Прошло каких-то несколько секунд, но Тане было тяжело дышать.

Они вынырнули и папа крикнул:

– Быстро к берегу.

Таня оглянулась и поняла, почему он так торопил её – шла ещё одна волна. Антон был уже на песке. Он был в восторге от неожиданного приключения и не понимал, почему подскочивший к нему спасатель что-то спрашивает у него и пытается помочь ему встать.

Это было давно, в их первое лето в Израиле. Таня уже и забыла об этом случае, а тут будто снова ощутила наяву, что ей так же тяжело дышать, что-то солёное накрыло её с головой, и у неё сразу потекло – из глаз и из носа. Исцеляющие слёзы, которых она не могла раньше дождаться, затопили всё вокруг, растушевали очертания предметов в комнате и лицо Славика, склонившегося к ней.

Ей стало легче в тот вечер от пролившихся слёз. А потом они не спеша собрали Танины вещи и пошли домой. Таня хотела оглянуться на пороге, но решила не останавливаться – опасалась второй волны.

Славик

Постоянно лили дожди, и Славик с трудом мог вспомнить эту поездку в Московскую область. Он вернулся в офис на следующий же день после приезда, хотя прилетел поздно и плохо спал всю ночь.

Он мог бы спокойно прийти к обеду или совсем не появляться на работе в тот день. Виталий Павлович всё понимал. Он мог бы вообще сказать больным, тем более, что это было не далеко от истины. Он и в самом деле неважно себя чувствовал. Но одна мысль мучила его, не выходила у него из головы.

Да, он не успел позвонить Тане, чтобы поздравить её с днём рождения. Но ведь он же послал ей цветы. Вернее, попросил Алину сделать заказ. К цветам прилагалась открытка, и в ней всего несколько слов, но он подписался своим именем, и Таня должна была знать, что он думал о ней и подготовился заранее.

Чтобы выяснить в подробностях, что произошло, нужно было поговорить с Алиной. Он быстро вошёл в свой кабинет и сразу же вызвал секретаршу. Алина явилась, одетая строго и безукоризненно, как никогда.

– Алина, помнишь, я просил тебя заказать доставку цветов?

– Да, конечно.

– Всё в порядке было с заказом?

– Я думаю да, – она слегка подняла брови.

Потом нахмурилась вспоминая. Вдруг в её глазах мелькнуло нечто похожее на панику. И она стала рассказывать, сначала медленно, видимо прокручивая события в голове, а потом немного сбивчиво и иногда даже торопливо, что было абсолютно не свойственно ей.

Она оформила заказ в интернете, для верности перезвонила в самую контору, чтобы проверить, что они приняли заказ.

Славику было жаль, что она так оправдывается. Может, и беспокоится он по пустякам? Может, Алина всё сделала верно, а служба доставки напутала что-то и не рассчитала время, ведь заказ был в другую страну?

– Это было накануне нашего последнего похода в кафе, помнишь? – попытался помочь ей Славик.

– Да, да, – рассеянно протянула Алина.

И вдруг устало провела рукой по лицу. Славик наблюдал за ней с удивлением. Наконец, когда он уже готов был отпустить Алину, она вдруг на секунду кинула взгляд в сторону и быстро сказала:

– Я забыла приложить открытку. Вечером мы пошли в кафе. Я вспомнила об этом, вернулась в офис и попыталась дозвониться до них, но не смогла. Я заморозила заказ через интернет, а когда дозвонилась на следующий день, то цветы были уже доставлены.

– Подожди, но их должны были доставить утром в тот самый день, когда мы ходили в кафе.

– Да, но я перепутала даты! – в отчаянии выпалила Алина.

Славику вдруг показалось, что она сейчас заплачет. Он видел, как нелегко ей было признаться в том, что она могла что-то перепутать – она, такая собранная и обязательная.

– Всё бывает, – мягко и примиряюще сказал Славик.

Он вспомнил, как по дороге на работу увидел этот цветочный магазин. Яр-

кая вывеска над зелёно-белым полосатым козырьком-маркизой возвещала о том, что магазин занимается доставкой букетов, в том числе и за границу. Заинтересовавшись, Славик толкнул тяжёлую стеклянную дверь. Приблизился Танин день рождения, и ему очень хотелось её чем-нибудь удивить. Из-за прилавка выглянула девушка. В руках она держала длинные стебли роз с едва раскрывшимися бутонами.

– Чем могу помочь? – доброжелательно спросила она.

– Я хотел бы заказать букет, – сказал Славик.

И добавил помолчав:

– В Израиль.

– Да, пожалуйста. На какой адрес?

– А вот этого я не могу так сразу сказать.

– Не беспокойтесь, – ответила на это девушка. – Вот наша визитка. Вы сможете оформить заказ по телефону или на сайте.

Славик поблагодарил и вышел. Он вошёл в приемную своего отдела окрылённый. Он придумал, что подарить Тане! Алина с улыбкой кивнула на его приветствие, обращённое к ней, и Славик, под впечатлением собственной сообразительности, пожалуй впервые за время их знакомства, перегнулся за её стойку и спросил о чём-то не имеющем прямого отношения к работе:

– Как ты думаешь, это хорошая идея – послать девушке цветы на день рождения?

Алина замерла от неожиданности, не сразу ответив:

– Я думаю, что это прекрасная идея!

Славик улыбнулся ещё шире и сказал:

– Только вот никогда этим не занимался.

– Я могу чем-то помочь?

– Да, если тебе не трудно!

Алина молча кивнула, и он от переполняющей его радости не заметил, как она сразу сникла и стала серьёзнее. Он отдал ей визитку, а через четверть часа вышел из кабинета с клочком бумаги, на котором было написано что-то его прямым крупным почерком.

– Это текст открытки, – пояснил он, всё так же улыбаясь.

Алина снова кивнула. Она лишь спросила своим обычным деловым тоном, на какое число сделать заказ.

Это было за неделю до дня рождения Тани. Потом был их злополучный поход в кафе, а теперь, спустя столько времени, Славик пытался выяснить, что же произошло.

Он готов был простить Алину. В конце концов, такими делами нужно заниматься самостоятельно, а не поручать их секретарше. Он получил хороший урок.

Алина кивнула и вышла, расстроенная. Она села обратно за свой компьютер и бросила тоскливый взгляд в окно. Она ругала себя за то, что произошло, но больше всего за то, что, она знала, никогда не сможет рассказать Славику – о том, как она сидела, глотая слезы, понимая, что он дарит цветы какой-то другой девушке и посылает ей такую красивую открытку.

Она наизусть помнила слова, которые он написал на клочке бумаги и принёс ей: “Дорогая Таня! Поздравляю тебя с днём рождения и желаю счастья рядом со мной!”. Это было выше её сил. Мечты рушились на глазах, а Алина

должна была сидеть в этих руинах и продолжать работать.

Она отложила заказ на потом и вспомнила о нём в тот день, когда они уже были на вечеринке. Её голова, обычно такая рассудительная, запоминающая каждую мелочь, отказывалась ей повиноваться и просто упустила, то, что так тяжело было сделать морально.

Но было ещё не так поздно, и всё можно было исправить. Алина поспешно вернулась в офис и, как ошпаренная, кинулась к компьютеру. Сделала заказ и впопыхах не заметила, как робот-автомат предупредительно всё принял и выдал сообщение о том, что доставка будет сделана уже утром следующего дня.

Когда на следующий день она позвонила в контору, то ей доложили, что цветы были доставлены в срок. Так что в представлении Алины она выполнила задание.

Славик улетал в командировку через три дня, в течение которых никак не дал знать о том, что с заказом были какие-то проблемы. До сегодняшнего дня, когда он вошел непривычно серьёзный и строгий, сразу же вызвал Алину в свой кабинет и стал спокойно расспрашивать о судьбе того заказа. Лишь тогда она поняла, что не приложила открытку.

Он не был расстроен, как показалось ей, но ведь он так хорошо умел скрывать свои чувства! Алина всегда была уверена, что Славик не встречается ни с кем. Он сидел в своем кабинете допоздна, улетал в частые командировки и на их совместных вечеринках всегда неизменно появлялся один. Она и представить себе не могла, что у него есть девушка, к тому же в другой стране!

Таня

Они сидели с родителями весь вечер у овального стола и обсуждали планы на будущее. Оказывается, Славик забронировал два билета в Петербург. Они должны были улететь через два дня.

Таня сразу же согласилась. Ей все равно нужно было ехать. Она должна была исполнить одно обещание.

Это было уже перед самым концом. В отдельной палате, где лежал Николай, Таня сидела, низко склоняясь к нему и держа его за руку. Он бредил от боли и всех тех лекарств, которые постоянно давали ему через капельницу, чтобы облегчить его состояние.

– Таня... – слабым голосом говорил Николай, поминутно останавливаясь и закрывая глаза.

Когда он их открывал, то в них читалось удивление, как будто он не верил, что она всё ещё здесь.

– Я никогда ни о чём тебя не просил... – продолжал он.

– Всё что угодно, – поспешно отвечала Таня, чтобы сохранить ему силы для того, о чём он хотел попросить.

Голос падал до шёпота, но Таня внимательно вслушивалась и подавала Николаю воды.

– Таня, пожалуйста, расскажи всё Маше. Я сам так и не смог этого сделать. Я не хотел звонить, а приехать не получилось.

– Конечно, конечно, – отвечала Таня, сжимая вместо его руки пластиковый стаканчик с водой. – Не беспокойся ни о чём.

Ей казалось, что его уход все искупляет, но понимала, что Николай был очень щепетильным человеком, и его мучило то, что он не смог сделать этого сам. Значит, она сделает это за него. Нет, не так. Она сделает это для него. Она всё решила.

Они прилетели в Петербург, такой же дождливый, как и Тель-Авив, только страдающий от холода и заморозков. Снега ещё не было в этом году, только иногда по вечерам в свете уличных фонарей можно было увидеть в воздухе лёгкую изморозь. Она смешивалась с облачками пара от снующих повсюду пешеходов и горячих пирожков на углу в закусочной. Не самая приятная погода, но Тане она помогла. Свежий холодный воздух не оставлял места для тяжёлых мыслей.

Смена обстановки явно шла ей на пользу. С утра Таня провожала Славика на работу, ближе к полудню выходила гулять. Она всё подготавливала себя к разговору с Машей. Вероника уже давно передала номер её телефона. Оставалось только позвонить и договориться о встрече. Такие новости не сообщают по телефону. Славик даже предлагал поехать вместе. Но Таня отказалась, мягко, но решительно. Она должна была сделать это сама. Она обещала.

Наконец, когда немного спокойнее стало на душе и даже слегка распогодилось, Таня набрала номер. Маша ответила практически сразу же.

– Я Вас слушаю.

– Маша, привет. Это Таня. Я в Питере. Мне нужно встретиться с тобой и поговорить.

– Хорошо, – нисколько не удивившись, ответила Маша, – где и когда?

– Не важно. Как тебе удобно.

И они условились о том, что Таня приедет в Машин офис на следующий день после обеда.

Таня приехала и была приятно удивлена тому, как выглядит само место. Расположенное в небольшом здании, со входом прямо с улицы, оно не казалось каким-то вычурным и кричащим, как ожидала увидеть его Таня. Наоборот, стены были выкрашены в светло-серый цвет, серая мебель заполняла небольшую комнату ожидания, где сидела верная помощница Настя.

Маша сразу же появилась на пороге своего кабинета, как только Настя оповестила её о приходе гостя звонком по внутреннему телефону. Она была не в красном, как обычно, в лодочках без каблуков, и даже рыжая её копна волос была уже не такого яркого оттенка. Или это только показалось Тане?

Лишь глаза остались прежними. Эти глаза выжидали. Видимо, Маше было любопытно узнать, зачем Таня снова оказалась здесь и с чем пожаловала к ней. Таня не собиралась томить её нетерпением. Она устроилась по другую сторону длинного, широкого стола красного дерева, за который, медленно обойдя его, села Маша.

– Я приехала по просьбе Николая, – сказала Таня. – Он приезжал пожить какое-то время в Израиле, – пояснила она.

– Да, я знаю, он говорил, что может уехать.

Маша была абсолютно невозмутима. Видимо, расставание с Николаем не оставило неприятных воспоминаний. Тем лучше, возможно, если она не любила его, то легче перенесёт известие о том, что Николай больше нет в живых.

– Да, – продолжала Таня, медленно и осторожно, будто нащупывая тропинку босыми ногами в темноте, – он приехал и какое-то время пожил в Израиле. А затем он заболел.

Таня остановилась и посмотрела на Машу. Та тоже выжидающе смотрела на неё.

– Надеюсь, ему уже лучше? – спросила Маша, видя, что её собеседница не торопится с повествованием. – У него были проблемы то ли с камнями в желчном пузыре, то ли с почками. Он ходил по врачам, но им не удалось установить точной причины недомогания. Он говорил, что в Израиле ему могут помочь.

– Нет, ему стало только хуже со временем.

– Так чем же я могу помочь? – в Машин голосе читалось лёгкое удивление.

– Да уже ничем. К сожалению, Николая больше нет.

– Что?!

На этот раз эмоции были сильными и явно неподдельными. Таня видела, как Маша пришла в ужас от её новостей. Она наклонилась вперёд, как будто внезапно поперхнувшись, и обхватила горло рукой.

– Как это произошло?

– У него был рак.

Казалось, Маша не верила её словам. Она убрала руку от горла, но тут же другой прикрыла рот и смотрела на Таню всё ещё расширенными от страха глазами. И как будто её прорвало, стала говорить, быстро, не всегда разборчиво, так, что Тане приходилось вслушиваться в эту бессвязную речь и ловить обрывки мыслей, сказанных вслух.

– Это я во всём виновата! – Маша обводила комнату невидящим взглядом. –

Это из-за меня!

– Маша, успокойся, – попробовала остановить её Таня. – хочешь, я тебе воды принесу?

– Что? – как будто только что увидев её, нахмурившись сказала Маша. – Нет, не надо. Здесь есть вода. Это я желала ему смерти.

И сказав такие страшные слова, она, не глядя, протянула руку и взяла графин с водой. Затем схватила стоявшие тут же два высоких стакана, плеснула в них воды и стала жадно пить, глядя Тане прямо в глаза, напряжённым взглядом из-под нахмуренных бровей. Второй стакан она придвинула своей посетительнице.

Таня тоже сделала пару глотков и осторожно опустила стакан обратно на гладкую поверхность стола. Она ждала продолжения этих нереальных слов. Маша тоже поставила стакан и, замолчав, глядела теперь на Таню каким-то безумным взглядом.

– Маша, я понимаю, тебе было тяжело после того, что случилось с вашим ребёнком, – неуверенно начала та, поняв, что нужно что-то сказать.

– Нет, – быстро перебила её Маша и устремила бессмысленный взгляд в угол кабинета, – ты ничего не знаешь. Обещай, что не скажешь никому.

Она снова смотрела на Таню, но теперь это был прежний, узнаваемый взгляд. В нем сквозило что-то – расчёт? Таня не могла угадать.

– Мне нужно сказать кому-то, – спокойно и твёрдо говорила Маша. – Но сначала обещай, что никому не проговоришься.

– Я обещаю, – так же тихо ответила ей Таня.

Но на сердце у неё не было спокойствия. Почему-то она знала, что может пожалеть об этом разговоре и о данном ею обещании. Может, потому что уже достаточно знала Машу?

– Это был не его ребёнок, – сказала Маша. – Я встретила другого человека.

Теперь её взгляд был цепок и колюч. Казалось, она полностью пришла в себя от потрясения.

Таня смотрела на неё, не в силах что-либо сказать.

– И он не умер, – добавила Маша. – Он отдан на воспитание в хорошую семью.

И так как Таня все ещё продолжала молчать, то снова заговорила быстро, как будто оправдываясь.

– Я поняла, что это не моё, что я не могу быть матерью. На мне и так столько ответственности.

И она всплеснула руками, одновременно обводя взглядом свой кабинет, как будто демонстрируя его перед посетительницей. Но Таня не хотела смотреть по сторонам. Она вдруг отчётливо поняла, что это к лучшему, что Николай так и не решился позвонить Маше. Ведь скажи он ей, в каком состоянии находится, мог бы получить такой же откровенный ответ, как и сейчас. Жаль только, что он винил себя в происшедшем, чувствуя, что что-то было не так. Только что именно, он не успел узнать. И хорошо, что никогда уже не узнает.

Таня кивнула и медленно встала со своего места.

– Я никому не скажу, – тихо, не глядя на Машу, сказала она.

Потом так же тихо вышла из её кабинета и закрыла за собой медленно дверь.

Таня улетала через несколько дней, но обещала вернуться.

– Только когда? – меланхолично спросила она, смотря куда-то в сторону.

Славик стоял перед ней, пытаюсь поймать её невидящий взгляд.

– В июне, – вдруг решительно сказал он.

И Таня подняла на него удивлённые глаза.

– Приезжай в июне, – также решительно повторил он.

– Почему именно в июне? – попыталась вникнуть она в суть его слов.

– Потому что в июне тепло, белые ночи, а ещё мы сможем посмотреть на “Алые паруса”.

Таня недоумённо пожала плечами.

– Ну, значит, в июне.

В июне она и приехала. Взяла двухнедельный отпуск и небольшой чемодан вещей. На работе было затишье, никаких новых проектов. В их отделе все обсуждали только одну новость. Лена уволилась и выходила замуж за Ронни.

Когда в аэропорту Таня щурясь оглядывалась по сторонам в поисках высокой фигуры Славика, он вдруг оказался очень близко и обнял её за плечи.

– Таня, я тут!

Он улыбался и выглядел совсем знакомым. Таким близким и понятным, что Таня тоже несмело улыбнулась ему в ответ. Он взял её чемодан на колесиках, и, как в предыдущие разы её прилёта, потянул её за руку к выходу.

Это было под вечер её первого дня приезда, а уже на следующий день они пошли к набережной, где собралось огромное количество людей. Играл оркестр, и небо поминутно озарялось вспышками огня.

Таня мало следила за культурной жизнью России, поэтому не была знакома с исполнителями песен, выступавшими в самом начале праздника, но салют под классическую музыку не смог оставить её равнодушной. Она уже и забыла, когда в последний раз была на концертах. Раньше её всегда брал с собой Антон, но в последнее время он всё чаще ходил с Яэль или с друзьями, да и Таня не высказывала особого желания посещать какие-либо мероприятия. Тоска всё не отпускала её, хотя и начала притупляться со временем.

А тут что-то случилось, как будто включили свет в тёмной комнате, в которой она просидела долгие месяцы. Она избегала яркого света и впечатлений, боясь, что те потревожат её и сотрут воспоминания, которыми она жила в последнее время. А видимо, нужно было, наоборот, бежать им навстречу и не тяготиться виной.

Она не была виновата в том, что выжила и не сошла с ума от горя. Как не была виновата и в том, что не поверила своему избраннику и инициировала разрыв. Жизнь крутит людьми и иногда показывает нам поступки других в ином свете. И не у всех хватает мужества отрицать подтасовываемое судьбой и взглянуть на всё иначе. Поверить другому, как самому себе, оказаться выше обстоятельств – душевный труд, требующий терпения. Таня винила себя за то, что не выслушала Славика и пошла у ревности на поводу, но и была благодарна за то, что что-то привело к её порогу человека, который иначе остался бы один во всем мире, и ушёл бы из жизни в одиночестве. Всё это Таня переживала в душе под красивую музыку и звенящие голоса певцов.

Молодая незнакомая девушка пела на сцене, широко раскидывая руки, как будто пыталась обнять всех пришедших – всю эту огромную многотысячную толпу, в которой хотела и не смогла спрятаться Таня.

Другая девушка в лёгком белом платье танцевала, исполняя балетные па и

подпрыгивая высоко в воздухе. Казалось, что гравитация не действует на неё. Или она была в сговоре с нею?

Молодой человек в синем пиджаке улыбался и пел, добираясь до самых высоких нот, наполняя своим сильным голосом широчайшее пространство акватории Невы.

Скрипач в строгом сером костюме завладел вниманием аудитории. Он играл, улыбаясь лёгкой улыбкой куда-то в темноту, но Тане казалось, что он играет только для неё.

Ей думалось, что все эти люди собрались здесь ради неё одной, чтобы поддержать её в такой тяжёлый период в её жизни целительной силой искусства. Она беззвучно плакала в унисон скрипке, и ей самой казалось, что её выздоровление уже близко, счастье уже не за горами, ведь жизнь придумана не для того, чтобы плакать.

Невозможно было устоять перед этими голосами, этими искренними улыбками. Что-то растаяло у Тани в душе. Она стояла замерев, боясь только чтобы не заплакать в голос. Кто же плачет, когда вокруг совершается волшебство?

Уже совсем стемнело, насколько это позволяла белая ночь, царившая над городом. И вдруг Таня увидела – вдалеке плыл, приближаясь корабль. «Алые паруса»! Салют оглушал, ничего нельзя было услышать вокруг. Люди снимали волшебное действие на камеры и телефоны. Лишь Таня стояла недвижимая, освещённая изнутри и снаружи невероятным зрелищем, покорённая сильнейшим шумом.

И этот фейерверк согрел Тане душу. Да, она уже не пребывала в давешней кромешной тьме, потому что лампочка, которую зажгли яркие огни салюта, осветила самые тёмные уголки, куда спрятались тени Таниного прошлого, и вдруг оказалось, что теней нет – их прогнал свет, извечное лекарство рода человеческого от страха и мрака ночи.

И она поверила. Поверила в то, что всё будет хорошо. Жизнь наладится, потому что немислимо в это не верить, когда вокруг тебя поминутно стремительно вверх летят и летят целые снопы огней.

Славик взял её руку в свою в этот миг. Праздник подходил к концу, но для них всё только начиналось. Они пошли вместе, рука об руку, плечо к плечу, пробираясь сквозь густую толпу незнакомых людей.

И так они и пошли по жизни, всегда вместе, и не важны им были ни страны, ни континенты, потому что их объединяло что-то большее, чем времена и расстояния, что-то, что оказалось намного крепче, чем неприятности и трудности судьбы.

Реховот, 1 августа 2019 года.

В оформлении обложки использована фотография автора

Andreea Ch с сайта <https://www.pexels.com/>